

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 1
2021

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

1
2021

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 1 (11)

2021

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы **Б.Ә. Байтанаев**

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей) (төраға)

В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

И.Л. Қызласов – тарих ғылымдарының докторы (Москва, Ресей)

П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)

А.А. Тишкин – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Барнаул, Ресей)

Н.Ю. Смирнов – тарих ғылымдарының кандидаты (Санкт-Петербург, Ресей)

Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)

В.Б. Панковский – тарих ғылымдарының кандидаты (Киев, Украина)

Н. Бороффка – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)

Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

Ж. Кұрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Ақтөбе, Қазақстан)

Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)

Ж.Р. Утубаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты

Ғ.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293-84-45

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 1 (11)

2021

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук **Б.А. Байтанаев**

Редакционный совет:

А.Г. Ситдилов – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия) (председатель)

В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)

З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)

С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

И.Л. Кызласов – доктор исторических наук (Москва, Россия)

П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)

А.А. Тишкин – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия)

Н.Ю. Смирнов – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)

В.Б. Панковский – кандидат исторических наук (Киев, Украина)

Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)

Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)

Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)

А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)

Д.А. Воякин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)

Ж.Р. Утубаев – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук

Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Телефон: (727) 293-84-45

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz

**Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
A. Kh. Margulan Institute of Archeology**

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

№ 1 (11)

2021

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences **B.A. Baitanayev**

Executive Editors:

A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia) (chairman)
V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
A.A. Tishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia)
N.Yu. Smirnov – Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
V.B. Pankowski – Candidate of Historical Sciences (Kyiv, Ukraine)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
J. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Nurjanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)
J.R. Utubayev – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Executive Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 293-84-45
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Археологияның мәселелері – Вопросы археологии

- Горячев А.А., Потапов С.А., Чернов М.А. (Алматы, Казахстан)*
Погребальный комплекс эпохи бронзы урочища Тесик 9

Полевые исследования – Далалық зерттеулер

- Дмитриев Е.А., Бедельбаева М.В., Кукушкин И.А. (Караганды, Казахстан)*
Материалы могильника Кетабан-2 и петроглифы битреугольного
изобразительного стиля в Центральном Казахстане 35
- Усманова Э.Р., Джумабеков Д.А. (Караганды, Казахстан),*
Рахманкулов Е.Ж., Жунисханов А.С., Есен С.Ф. (Нур-Султан, Казахстан)
Исследование археологических памятников на сопке Сарыадыр
(археология и высотная съемка) 54

Пәнаралық зерттеулер – Междисциплинарные исследования

- Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. (Алматы, Қазақстан)*
Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің остеологиялық материалдары 72
- Ошанов О.Ж. (Алматы, Қазақстан)*
Ас беру және тас мүсін (жік түскен дәстүрлер) 101
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А. (Алматы, Казахстан)*
Геоархеологические исследования археологических объектов
в верховьях реки Турген (Северный Тянь-Шань) 120
- Бугарчев А.И. (Казань, Россия)*
Изображения зверей, птиц и рыб на серебряных монетах болгарского
региона в XIII–XIV вв. 145

Сын және библиография – Критика и библиография

- Байтанаев Б.А. (Алматы, Казахстан)*
Рецензия на книгу: Азербайджан на Шелковом пути.
Баку: Изд-во «Tahsil», 2020. 384 с. 160

Хабарлар – Хроника

- К 90-летию Олега Викторовича Медведева 164
- Қысқартулар тізімі – Список сокращений 167

CONTENT

Questions of archaeology

<i>Goryachev A.A., Potapov S.A., Chernov M.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Funeral complex of Bronze age of the Tesik tract	9
--	---

Field studies

<i>Dmitriev E.A., Bedelbayeva M.V., Kukushkin I.A. (Karagandy, Kazakhstan)</i> Materials of the burial ground of Ketaban-2 and petroglyphes of the bitriangular decorative style in Central Kazakhstan	35
<i>Usmanova E.R., Jumabekov J.A. (Karagandy, Kazakhstan),</i> <i>Rakhmankulov E.Zh., Zhuniskhanov A.S., Yessen S. (Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Research of archaeological sites on the hill Saryadyr (archeology & altitude shooting)	54

Interdisciplinary research

<i>Akymbek Ye.Sh., Shagyrbaev M.S. (Almaty, Kazakhstan)</i> Osteological materials from the medieval site of tortkul Akyrtyas	72
<i>Oshanov O.Zh. (Almaty, Kazakhstan)</i> Trizna and stone sculptures (tradition divided)	101
<i>Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Geoarchaeological research of archaeological objects in the upper river Turgen (Northern Tien Shan)	120
<i>Bugarchev A.I. (Kazan, Russia)</i> Images of animals, birds and fish on silver coins of the Bulgarian region in the 13 th –14 th centuries	145

Critics and bibliography

<i>Baitanayev Bauyrzhan A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Book review: Azerbaijan on Silk road. Baku: publishing house “Tahsil”, 2020. 384 pages	160
--	-----

Chronicle

To the 90th anniversary of Oleg V. Medvedev	164
---	-----

List of Abbreviations	167
-----------------------------	-----

УДК 903/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ УРОЧИЩА ТЕСИК

**Александр Анатольевич Горячев¹,
Станислав Александрович Потапов¹,
Михаил Алексеевич Чернов¹**

¹старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: potapov-stas@yandex.ru

¹специалист-художник Института археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Аннотация. В статье систематизированы результаты исследований погребального комплекса могильника эпохи бронзы Тесик-I одноименного урочища в горах Айтау. Комплекс состоит из 56 разнотипных и разновременных в пределах эпохи бронзы сооружений в виде курганов и оград прямоугольной, квадратной и округлой форм. Основные виды погребальных камер представлены каменными ящиками и цистами. Исследования погребального комплекса эпохи бронзы урочища Тесик производились на основе выработанных ранее для региона методов археологической разведки и раскопок.

В центральной части могильника Тесик-I исследована конструкция цепочки каменных оград размерами ~ 14×5,8 м, где расчищено шесть погребальных сооружений в виде каменных ящиков. Все крупные могильные конструкции по характеру и форме сооружения напоминают «бесик», что, вероятно, связано с религиозными представлениями древнего населения о Смерти как акте перерождения в ином загробном мире. Умерших хоронили в скорченном виде на левом боку головой на запад. Как правило в изголовье устанавливалась керамическая посуда (от одного до трех сосудов). Вещевой инвентарь (изделия из глины и бронзы), фиксируемые среди костных останков внутри могил, являлись деталями и украшениями погребальной одежды и маркировали их социальный статус. К особенностям погребальной практики всех захоронений комплекса следует отнести помещение в могилу «порченной» посуды.

Исследованный комплекс, датируемый в пределах XVI–XV вв. до н.э., представляет смешанные алакульско-федоровские погребальные традиции андроновского периода эпохи бронзы Шу-Илейского региона. Развитие древней культуры во взаимодействии с населением Центрального Казахстана сформировало круг погребальных комплексов Шу-Илейского междуречья, имеющих существенные отличия от памятников других районов Жетысу в горах Джунгарского (Жетысу) и Заилийского (Иле) Алатау. Перспектива дальнейших исследований связана с изучением всей структуры погребальных комплексов Шу-Илейского междуречья и степени

социально-экономических и этнокультурных взаимосвязей древнего населения с соседними регионами.

Ключевые слова: Жетысу, Шу-Илейские горы, урочище Тесик, эпоха бронзы, археологический комплекс, могильник, петроглифы, погребальные традиции, керамика, вещевой инвентарь

ТЕСІК ШАТҚАЛЫНДАҒЫ ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ЖЕРЛЕУ КЕШЕНІ

Александр Анатольевич Горячев¹, Станислав Александрович Потапов¹,
Михаил Алексеевич Чернов¹

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының аға ғылыми қызметкері,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ғылыми қызметкері,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: potapov-stas@yandex.ru

¹ Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының маман-суретшісі,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Аннотация. Мақалада Айтау тауындағы шатқалмен аттас Тесік-I қола дәуірі қорымының жерлеу кешенін зерттеу нәтижелері жүйеленген. Кешен қола дәуіріндегі 56 әр түрлі және әр уақыттағы төртбұрышты, тік төртбұрышты және домалақ пішіндегі қорған және қоршау түріндегі құрылыстардан тұрады. Жерлеу камераларының негізгі түрі тас жәшік пен цисталармен көрсетілген. Тесік шатқалының қола дәуіріндегі жерлеу кешенін зерттеу бұған дейін өңірдегі қалыптасқан археологиялық барлау мен қазба жұмыстары әдістері негізінде жүргізілді.

Тесік-I қорымының орталық бөлігінде көлемі ~ 14×5,8 м тас қоршаулар тізбегінің құрылысы зерттелді, онда тас жәшіктер түріндегі алты жерлеу құрылысы тазартылды. Құрылыстың сипаты мен формасындағы барлық ірі қабір құрылымдары «бесікке» ұқсайды, бұл ежелгі тұрғындардың өлім туралы діни идеяларымен басқа әлемде қайта туылу актісі ретінде байланысты болуы мүмкін. Қайтыс болғандарды, бүктелген түрде сол жағымен басын батысқа қаратып жерледі. Керамикалық ыдыстар (бір ыдыстан үш ыдысқа дейін) бас жағына қойылды. Қабір ішіндегі сүйек қалдықтарының арасынан алынған заттар (саздан және қоладан жасалған бұйымдар) жерлеу киімдерінің бөлшектері мен әшекейлері болып табылады және олардың әлеуметтік мәртебесін белгілейді. Кешеннің барлық жерлеулерінің жерлеу тәжірибесінің ерекшеліктеріне қабірге «бүлінген» ыдыс-аяқтың орналастырылуын жатқызуға болады.

Зерттелген кешен біздің дәуірімізге дейінгі XVI–XV ғасырлар аралығындағы Шу-Іле аймағының қола дәуірінің андронов кезеңіндегі ежелгі тұрғындарының аралас Алакөл-Федоров жерлеу дәстүрлерін көрсетеді. Орталық Қазақстан халқымен қарқынды байланыстар Жетісу және Іле Алатауы тауларындағы Жетісудың басқа аудандарының ежелгі қорымдарынан айтарлықтай айырмашылықтары бар Шу-Іле өзендері аралығындағы жерлеу кешендерінің шеңберін бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Ары қарай зерттеулердің мақсаты Шу-Іле өзендері аралығындағы жерлеу кешендерінің бүкіл құрылымын және ежелгі тұрғындардың көрші аймақтармен өзара әлеуметтік-экономикалық және этномәдени байланысының дәрежесін зерттеумен байланысты.

Түйін сөздер: Жетысу, Шу-Іле таулары, Тесік шатқалы, қола дәуірі, археологиялық кешен, қорым, петроглифтер, жерлеу дәстүрлері, қыш, заттай құрал-жабдықтар

FUNERAL COMPLEX OF BRONZE AGE OF THE TESIK TRACT

Alexander A. Goryachev¹, Stanislav A. Potapov¹, Mikhail. A. Chernov¹

¹Senior scientific researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹Scientific researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: potapov-stas@yandex.ru

¹Specialist draftsman, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Abstract. The article systematizes the results of the research of the funeral complex of the burial ground of the Bronze Age Tesik-1 in the Aitau mountains. The complex consists of 56 structures of different types and at different times within the Bronze Age in the form of mounds and fences of rectangular, square and rounded forms. The main types of burial chambers are represented by stone boxes and cists. Investigations of the burial complex of the Bronze Age of the Tesik tract were carried out on the basis of previously developed for the region methods of archaeological exploration and excavation.

In the central part of the Tesik-1 burial ground the construction of a chain of stone fences, measuring ~ 14×5.8 m, where 6 funerary structures in the form of stone boxes were excavated, was investigated. All large grave constructions resemble “besik” in character and form that probably was connected with religious representations of the ancient population about Death as an act of rebirth in other afterlife. The dead were buried on the left side of the body with the head to the west. As a rule, ceramic dishes (one to three vessels) were placed in the headboard. Clay and bronze articles fixed among the bone remains inside the graves were parts and ornaments of the burial clothes and marked their social status. The peculiarities of the burial practices of all the burials of the complex include the placement of “spoiled” utensils into the grave.

The studied complex, dated within 16th–15th centuries BC, represents the mixed Alakul-Fedorovo burial traditions of the ancient population of the Andronovo period of the Bronze Age in the Shu-Ile region. Intensive contacts with the population of Central Kazakhstan allow us to identify a range of burial complexes of the Shu-Ile interfluvium that have significant differences from the ancient burial grounds of other regions of Jetysay in the Jungar (Jetysay) and Zailiyskiy (Ile) Alatau mountains. The prospect of further research is associated with the study of the whole structure of the burial complexes of the Shu-Ile interfluvium and the degree of socio-economic and ethno cultural interrelations of the ancient population with the neighboring regions.

Keywords: Jetysay, Shu-Ile mountains, Tesik gorge, Bronze Age, archaeological complex, burial, petroglyphs, funeral traditions, ceramics, clothing materials

Введение

В полевом сезоне 2020 г. археологические исследования проводились в урочище Тесик северных склонов гор Айтау, где был зафиксирован археологический комплекс из поселения, наиболее крупного в микрорайоне могильника эпохи бронзы Тесик-I и скопления древних наскальных рисунков (рис. 1, 1). Поселение бронзо-

вого века было устроено в срединной части по северному борту урочища у выходов родников. В дальнейшем этот участок являлся постоянным местом проживания людей в древности и средневековье вплоть до наших дней. Могильник расположен в 1,5 км к западу от поселения в центральной части урочища Тесик, представляющего собой широкую равнину с уклоном в

Рис. 1. Древний археологический комплекс урочища Тесик:
1 – расположение древних памятников на космоснимке;
2 – мог. эпохи бронзы Тесик-I, вид на север;
3–5 – погребальные конструкции эпохи бронзы мог. Тесик-I

Fig. 1. Ancient archaeological complex of the Tesik tract:
1 – location of ancient monuments on the satellite image;
2 – Tesik-I Bronze Age burial ground, view to the north;
3–5 – Bronze Age burial structures of the Tesik-I burial ground

северо-западном направлении. Крупное скопление древнейших петроглифов обнаружено на сопке к северу от могильника Тесик-I (рис. 1, 2). Основная их часть представляет собой невыразительные рисунки с изображением животных – козлов, архаров, быков, лошадей, верблюдов и достаточно примитивные антропоморфные фигуры. Среди композиций эпохи бронзы преобладают сцены охоты, выпаса скота, выделяется несколько сцен с изображением людей в ритуальных позах и солярными символами.

Могильник определяется по выступающим каменным конструкциям оград и погребальных камер в виде каменных ящиков и состоит из 56 отдельных погребальных сооружений и цепочек оград, расположенных компактно, но отдельно друг от друга (рис. 1, 2–5). Конструкции отличаются как по форме, так и по структурной организации. Среди них выделяется серия курганов с одиночными или парными захоронениями по центру, устроенных в северной и западной части погребального комплекса. Отмечены как прямоугольные, так и квадратные ограды с каменными ящиками внутри от одного до трех. Округлые ограды с погребальными камерами в виде цист встречены только в восточной части могильника. Археологические раскопки 2020 г. позволили провести их культурно-хронологическую атрибуцию на основе реконструкции традиций погребальной обрядности в центральной части комплекса.

Методика исследований

Определение структуры археологического комплекса эпохи бронзы урочища Тесик производилось на основе методов археологической разведки, которая включала в себя сбор

и анализ имеющихся архивных и библиографических материалов, топографических карт, дешифровки космических снимков региона, натурного обследования объектов и камеральной обработки полученных результатов и их систематизацию. Данный алгоритм был разработан для настоящего микрорайона в ходе предыдущих исследований Хантауского научного отряда [Воякин и др., 2020, с. 91–98].

Практические исследования погребальных объектов могильника Тесик-I проведены согласно методики археологических раскопок с последующей камеральной обработкой полученных материалов. Металлический инвентарь и керамическая посуда подвергнуты предварительному анализу технологий их производства и применения, что позволило расширить возможности реконструкции традиций погребальной обрядности древнего населения региона.

Теоретические исследования материалов исследований погребального комплекса урочища Тесик производились на основе их систематизации с последующей реконструкцией погребально-поминальных традиций эпохи бронзы данного микрорайона и сравнительного анализа полученных результатов с материалами других районов Шу-Илейского междуречья. В результате выявлено положение погребального комплекса среди других археологических памятников бронзового века региона. Культурно-хронологическая атрибуция комплекса выяснена в результате сопоставления его данных с погребальными памятниками сопредельных регионов Жетысу, Центрального и Южного Казахстана. Это позволило определить положение памятника в структуре

историко-культурного развития древних племен эпохи бронзы Казахстана.

Описание материалов исследований могильника Тесик-I

В 2020 г. раскоп размерами 12×8 м, ориентированный по оси С–Ю, был заложен по периметру конструкции цепочки каменных оград в центральной части могильника, расположенной на возвышенности (40–50 см) относительно ровного участка (рис. 2). С целью полного охвата погребальных конструкций к нему сделаны две прирезки: с юга размерами 4×0,5 м и с западной стороны 2×1 м. Общая площадь его составила 100 м². В результате открыты шесть погребальных сооружений в каменных оградах, сложенных крупных камен-

ных плит, вкопанных на ребро и уложенных плашмя в 1–3 слоя. Общие размеры сооружения определялись в пределах ~14×5,8 м.

Конструкция состоит из четырех каменных оград прямоугольной формы, устроенных в цепочку, ориентированную по оси С–Ю. Они были сложены из крупных каменных плит (до 1,5 м в длину), вкопанных вертикально на глубину до 20 см и выступающих над поверхностью на 30–50 см. Размеры оград, ориентированных по оси З–В составляют: 5,8×4,5 м, 5,8×5 м, 5,8×2,2 м и 5×3 м. Все каменные стенки с южной и северной сторон являются смежными, что позволяет считать начало сооружения цепочки с северной стороны с последующим продолжением в южном направлении.

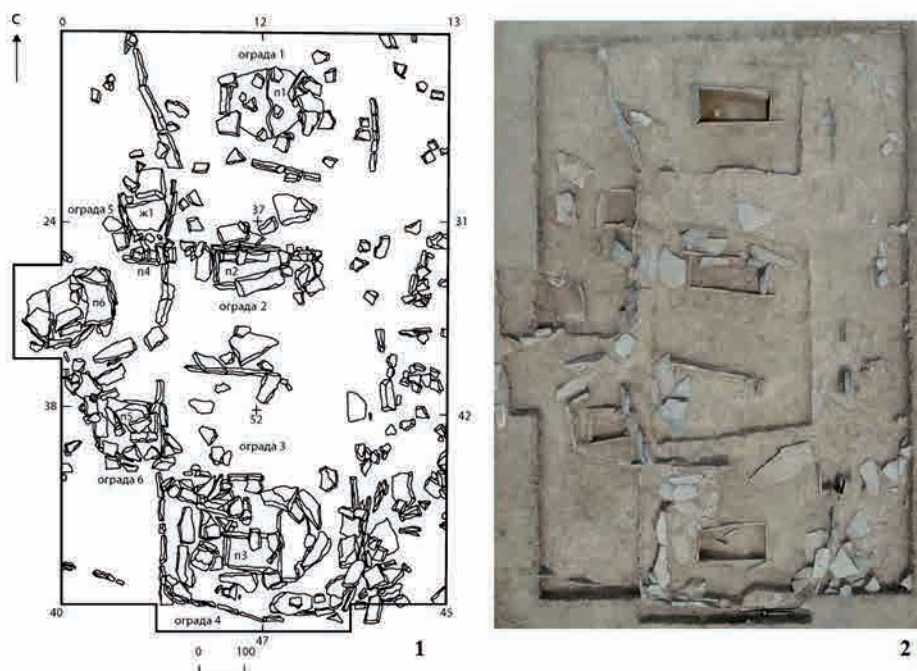

Рис. 2. Тесик-I, конструкция 1: 1 – план раскопа; 2 – аэрофото

Fig. 2. Tesik-I, construction 1: 1 – excavation plan; 2 – aerial photo

Боковые пристройки с подзахоронениями детей и взрослых устроены с западной стороны основной цепочки оград. Часть каменных конструкций зафиксирована в полуразрушенном состоянии.

Погребение 1 расположено в центральной части ограды 1 и представляло собой каменный ящик 2,1×1,3 м, перекрытый сверху двумя массивными каменными плитами поперек могилы. Размеры плит – 130×85 см и 130×70 см (рис. 2, 1). Помимо них по периметру стенок могилы были уложены небольшие каменные плитки, а вдоль северной, восточной и южной стенок – в западной части врыты на ребро плиты-подпорки длиной от 30 до 150 см. Размеры погребения по дну составили 180×80 см. Форма погребальной камеры напоминает «бесик», так как западная и восточная стенки выше северной и южной на 20–30 см и ниже дна могилы на 10 см (рис. 3, 1).

В заполнении могильной ямы (рыхлая супесь) на дне 70 (85) см зафиксировано захоронение взрослого индивидуума средних лет в скорченном виде на боку, головой на запад (рис. 3, 2). В районе черепа обнаружены бронзовые подвески в 1,75 оборота, плакированные золотой фольгой (рис. 3, 7). Той же технологией выполнена бронзовая бляшка, найденная под нижней челюстью (рис. 3, 6). В районе рук отмечены фрагменты двух бронзовых браслетов и бус. В этой же части могилы найдена серия пастовых бус, фрагмент бронзового наконечника и четыре нашивные бляшки листовидной формы. Возле костей ног в районе щиколоток найдены бронзовые бусы (рис. 3, 8–13). Кости ног сильно окрашены в результате коррозии бронзовых изделий. В изголовье

погребенного у западной стенки было установлено три керамических сосуда: два крупных горшковидных сосуда с геометрическим орнаментом и без, а также небольшой баночный сосуд (рис. 3, 3–5). Два последних были накрыты каменными плитками.

С юго-западной стороны ограды 1 обнаружена конструкция из каменных плит подквадратной формы (Ж1), размерами 1,8×1,8 м, в центре которой найден керамический сосуд на дне ямы глубиной 40 см (рис. 4). У юго-западного угла ограды 1 в ограде 5 квадратной формы размерами 70×70 см обнаружено погребение 4 в виде каменного ящика, размерами 70×50 см и глубиной 40 см, перекрытого плитой и наброской из камней мелких и средних размеров. На глубине 30 см в северо-западном углу найдена каменная плитка, которыми обычно перекрывают керамическую посуду. Однако, ни сосуда, ни костных останков погребенного не обнаружено.

Погребение 2 в виде каменного ящика (1,55×0,70 м) расположено в центральной части ограды 2. Первоначально оно перекрывалось сверху двумя массивными каменными плитами поперек могилы, которые были разрушены (рис. 5, 1, 2). По периметру стенок могилы уложены и врыты небольшие каменные плиты-подпорки (30–80 см). В заполнении могильной ямы (плотнospрессованная супесь) фиксировались фрагменты каменных конструкций могилы, костей скелета погребенного, керамики, бронзовых изделий и пастовых бус (рис. 5, 3–11). Форма погребальной камеры также напоминает «бесик», так как западная и восточная стенки выше северной и южной на 20–30 см и ниже дна могилы на 10 см. На дне вследствие тща-

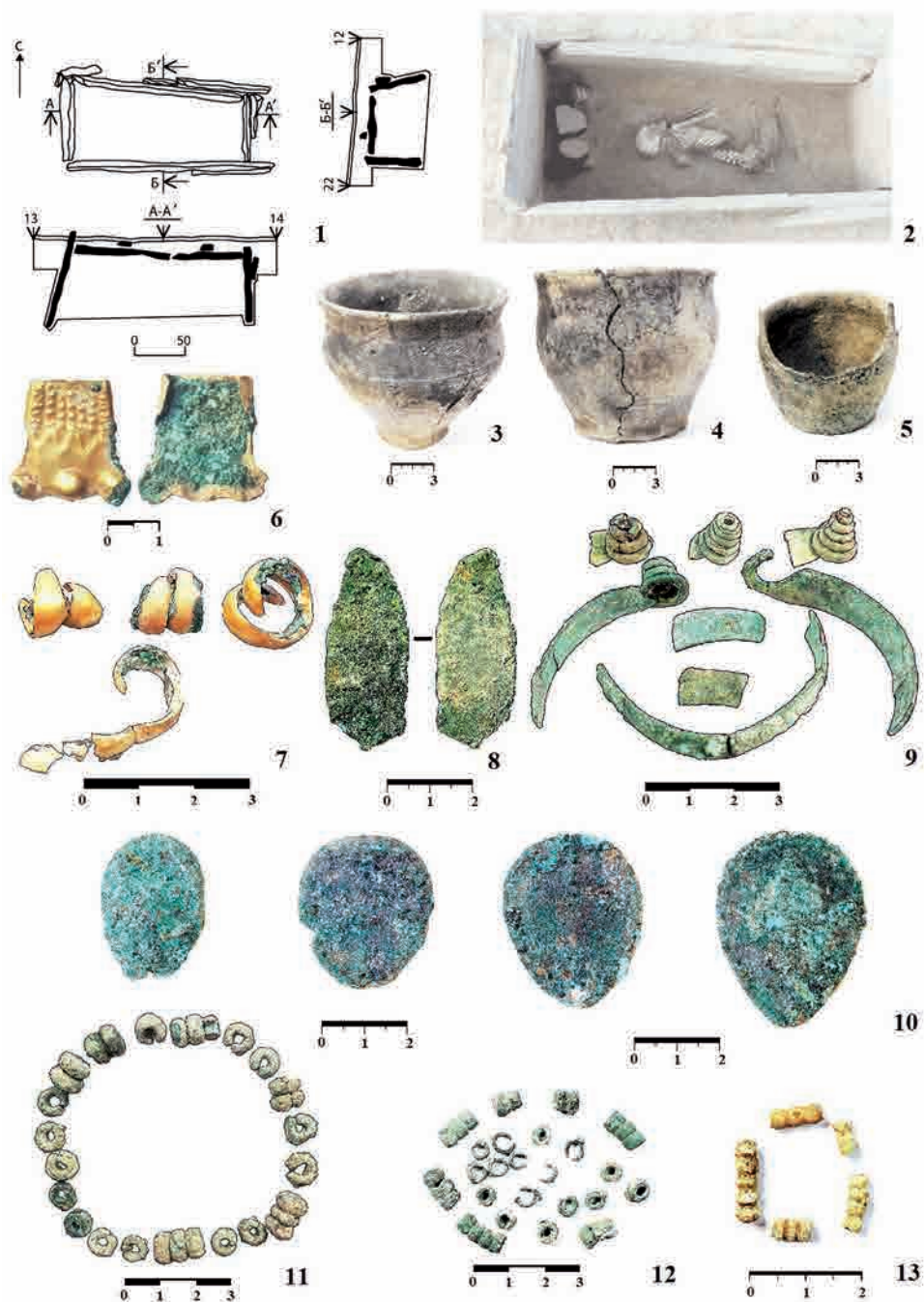

Рис. 3. Тесик-I, ограда 1, п. 1: 1 – план и разрезы погребальной камеры; 2 – фото захоронения; 3–5 – керамическая посуда; 6, 7 – бронзовые украшения, плакированные золотой фольгой; 8–12 – бронзовые изделия; 13 – пастовые (глиняные) бусы

Fig. 3. Tesik-I, fence 1, burials 1: 1 – plan and sections of the burial chamber; 2 – photo of the burial; 3–5 – ceramic dishes; 6, 7 – bronze jewelry clad with gold foil; 8–12 – bronze products; 13 – paste (clay) beads

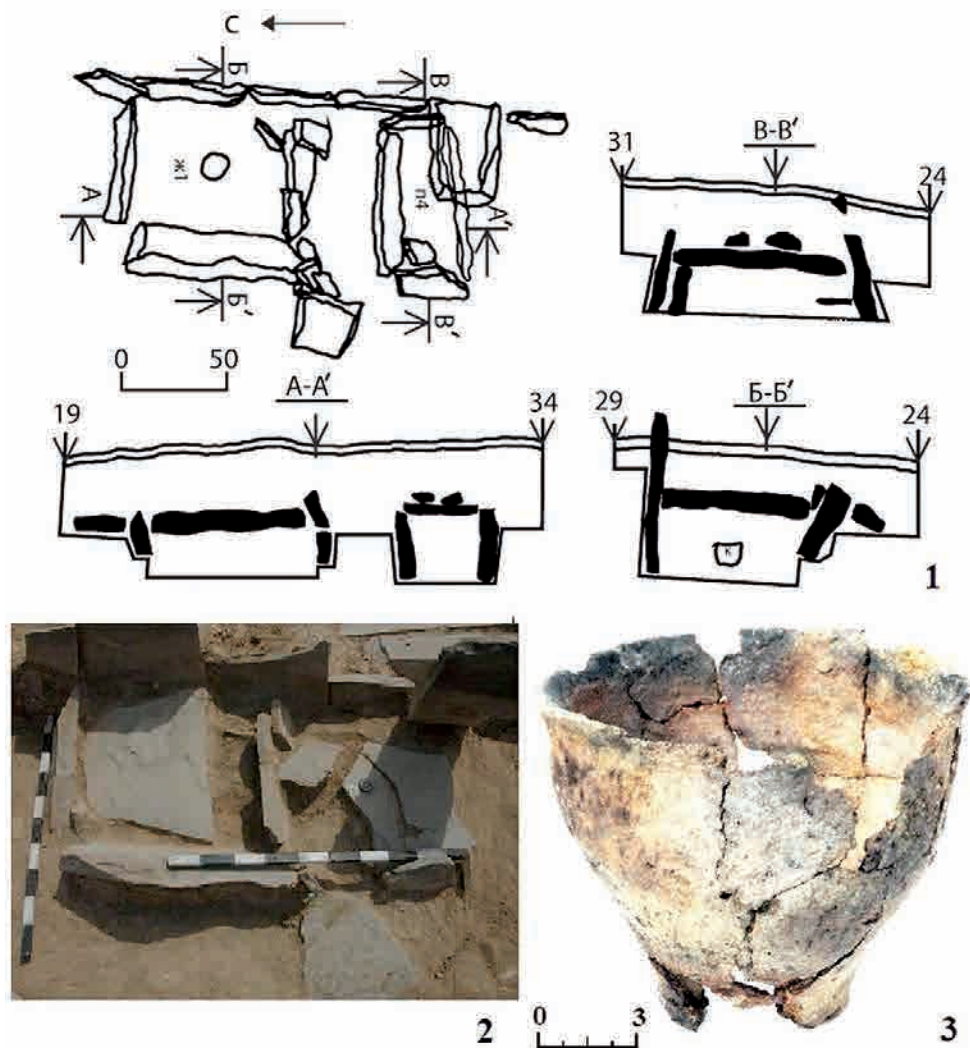

Рис. 4. Тесик-I. Погребально-поминальные конструкции, пристроенные с юго-западной стороны ограды 1: 1 – план и разрезы жертвенника (Ж1) и п. 4 в ограде 5; 2 – фото конструкции жертвенника и п. 4 до расчистки; 3 – керамический сосуд из жертвенника (Ж1)

Fig. 4. Tesik-I. Funeral and memorial structures attached to the south-western side of the fence 1: 1 – plan and sections of the altar (A1) and item 4 in the fence 5; 2 – photo of the altar structure and item 4 before clearing; 3 – ceramic vessel from the altar (A1)

тельного ограбления могилы вещевого материала и сколь-нибудь значимых фрагментов костей погребенного не обнаружено (рис. 5, 2).

Внутри ограды 3 погребальной камеры не зафиксировано, что дает основание предполагать ее сооружение с расчетом на будущее захоро-

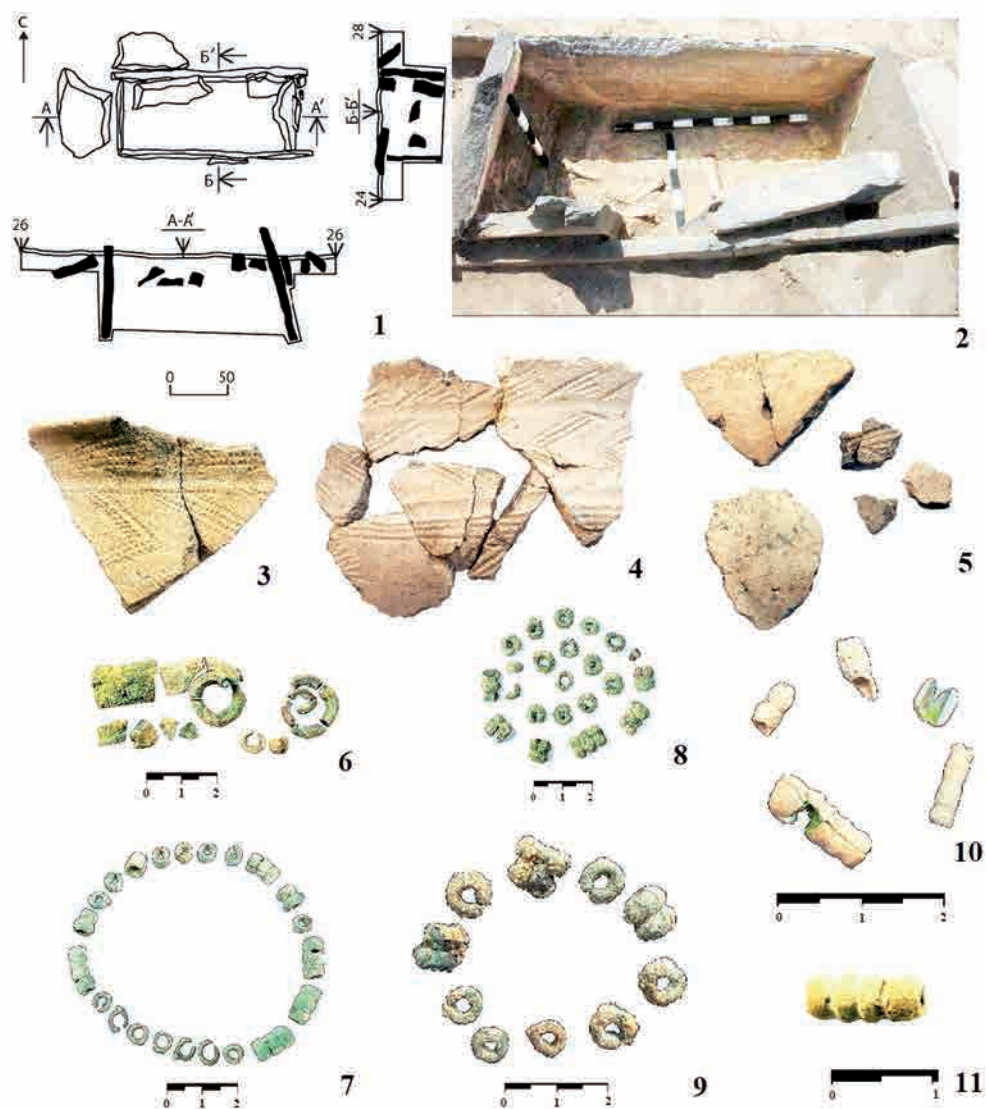

Рис. 5. Тесик-I, ограда 2, п. 2: 1 – план и разрезы погребальной камеры;
2 – фото могилы; 3–5 – керамика; 6–9 – бронзовые изделия;
10, 11 – пастовые (глиняные) бусы

Fig. 5. Tesik-I, fence 2, burial 2: 1 – plan and sections of the burial chamber;
2 – photo of the grave; 3–5 – ceramics; 6–9 – bronze products; 10, 11 – paste (clay) beads

нение, которое в итоге не состоялось (рис. 2, 2). С западной стороны ограды в пристройке квадратной формы (ограда 6), размерами 1,6×1,6 м за-

фиксировано детское подзахоронение в погребении 5. Оно представляло собой каменный ящик (80×55 см) с верхней крупной плитой перекрытия вдоль

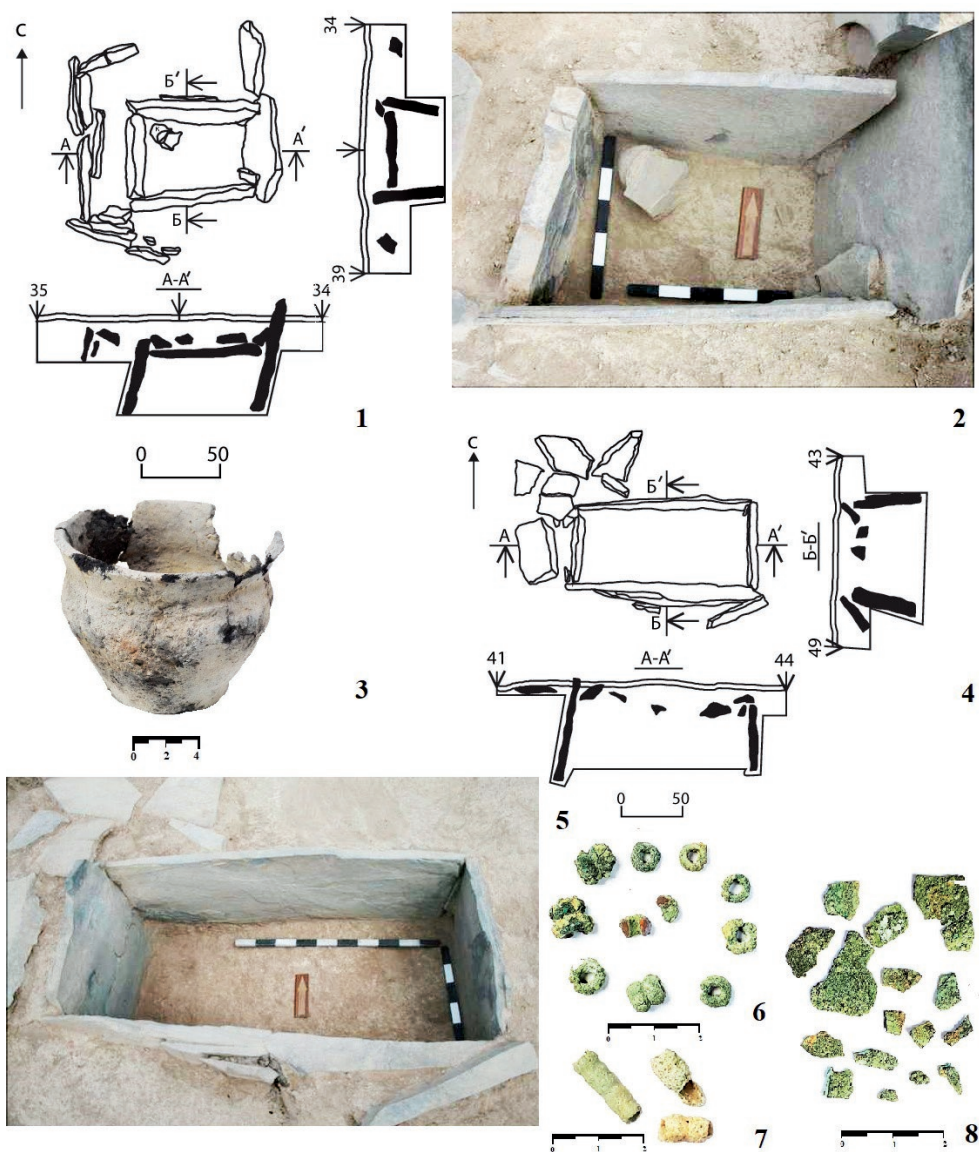

Рис. 6. Тесик-I. Погребальные сооружения в южной части конструкции 1:
1 – план и разрезы погребальной камеры 5; 2 – фото могилы 5 в ограде 6;
3 – керамический сосуд из п. 5; 4 – план и разрезы погребальной камеры 3 в ограде 4;
5 – фото могилы 3 в ограде 4; 6, 8 – фрагменты бронзовых изделий из п. 3;
7 – пастовые (глиняные) бусы из п. 3

Fig. 6. Tesik-I. Burial structures in the southern part of structure 1:
1 – plan and sections of burial chambers 5; 2 – photo of grave 5 in the wall 6;
3 – ceramic vessels from burial 5; 4 – plan and sections of the burial chamber 3 in the wall 4;
5 – photo of grave 3 in the wall 4; 6, 8 – fragments of bronze objects from burial 3;
7 – paste (clay) beads from burial 3

могилы, закрытой сверху наброской из камней мелких и средних размеров. На дне (50 см) в северо-западном углу обнаружен керамический сосуд, накрытый каменной плиткой. Костные останки погребённого ребенка не сохранились (рис. 6, 1–3).

Погребение 3 – каменный ящик (1,6×1 м) – расположено в центральной части ограды 4. Плиты перекрытия над могилой отсутствовали и зафиксированы в развале за пределами могилы и ограды (рис. 6, 4). В заполнении могильной ямы (плотная супесь) фиксировались фрагменты каменных конструкций могилы, костей скелета погребенного, керамики, бронзовых изделий и пастовых бус (рис. 6, 6–8). Погребальная камера также устроена по принципу «бесика». На дне в результате ограбления могилы вещевого материала и фрагментов костей погребенного не обнаружено (рис. 6, 5).

Погребение 6 пристроено с западной стороны от конструкции, вероятно, значительно позднее, так как никаких конструктивных элементов в виде ограды вокруг нее не наблюдается. Кроме того, оно залегало на 30 см ниже уровня плит цепочки каменных оград по уровню древней поверхности за пределами возвышенности, где были устроены предыдущие захоронения. Вследствие этого погребение оказалось совершенно непо тревоженным (рис. 7, 1). Оно представляло собой каменный ящик (1,5×0,7 м), перекрытый сверху тремя массивными каменными плитами поперек могилы. Поверх них фиксируется наброска из камней мелких и средних размеров вперемешку с грунтом, что предполагает сооружение над ним невысокого могильного холма (30–40 см).

Заполнение могильной ямы – влажная рыхлая супесь, из-за чего

костные останки погребенного плохо сохранились. Форма погребальной камеры также напоминает «бесик», так как западная и восточная стенки выше северной и южной на 20–30 см и ниже дна могилы на 10 см. На дне (65 см) обнаружены кости скелета, уложенного в скорченном виде на левом боку, головой на запад (рис. 7, 2, 3). У западной стенки перед лицом умершего установлен керамический сосуд, орнаментированный каннелюрами по шейке (рис. 7, 4).

Исследованные захоронения эпохи бронзы имеют достаточно устойчивые признаки как в устройстве надмогильных сооружений (цепочка каменных оград прямоугольной формы), так и погребальных конструкций (каменные ящики типа «бесик»). Их сходство заключается также в способе сооружений данных конструкций из каменных плит, вкопанных на ребро. Некоторой особенностью этих объектов является вкапывание вдоль стенок могил с внешней стороны дополнительных невысоких плит, достигающих длины от 30 до 150 см. Все могилы перекрывались 2–3 крупными плоскими плитами и наброской из камней мелких и средних размеров. Над погребением 6 фиксируются следы невысокой каменно-земляной насыпи.

Общей особенностью некоторых каменных ящиков крупных погребальных комплексов региона является тот факт, что на могильниках Кожабала-I, Тесик-I, Мадьярсай-I и Ой-Джайляу-III западные и восточные стенки могил явно возвышались над другими и были закопаны глубже северных и южных на 20–40 см [Горячев, 2020, с. 144]. Это дает возможность предполагать, что погребения умышленно повторяли конструкцию

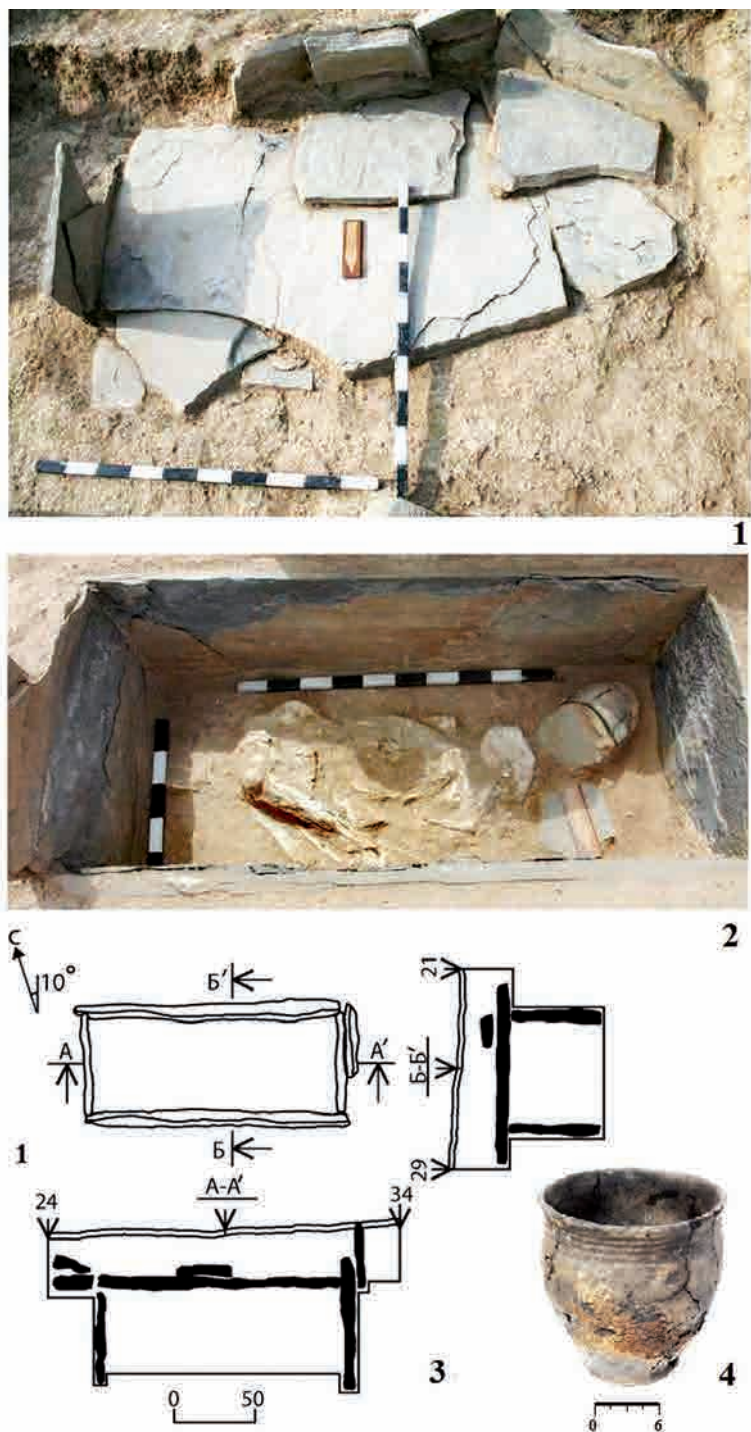

Рис. 7. Тесик-I, конструкция 1, п. 6: 1 – фото могилы до расчистки;
2 – фото захоронения в п. 6; 3 – план и разрезы погребальной камеры;
4 – керамический сосуд

Fig. 7. Tesik-I, construction 1, burial 6: 1 – photo of the grave before clearing;
2 – photo of the burial in item 6; 3 – plan and sections of the burial chamber;
4 – ceramic pot

детской колыбели – «бесика». Эта традиция получила распространение среди могильников эпохи бронзы Шу-Илейских гор и связана, вероятно, с религиозными представлениями о перерождении души после смерти.

Подобное устройство надмогильных конструкций (за исключением погребения б) в других районах Жетысу отмечено в горной зоне Иле и Жетысу Алатау в смешанных алакульско-федоровских погребальных комплексах [Марьяшев, Горячев, 1993; Гасс, Горячев, 2016, с. 88]. Близкие аналогии этим погребальным конструкциям прослеживаются в материалах центрально-казахстанских могильников Айшрак, Быкылдык I и Шет I [Маргулан и др., 1966, с. 91, 95, 105, 107; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86–89], которые относятся к алакульско-атасускому этапу развития культур эпохи бронзы Казахстана. Однако традиция сооружения земляных насыпей над каменными ящиками либо конструкциями в виде оград ближе федоровско-нуринской группе в семиреченских и центрально-казахстанских материалах андроновских племен [Максимова, 1961; Маргулан и др., 1966, с. 90, 98, 117; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 78, 82; Рогожинский, 1999, с. 11, 13, 15, 29, 30].

Заполнение могильных ям позволяет предполагать, что останки умерших засыпали принесенным песчанистым грунтом сразу после помещения в погребальную камеру. Умерших внутри данной конструкции хоронили по обряду трупоположения в скорченном виде на левом боку головой на запад. В изголовье погребенных устанавливалась керамическая посуда (от одного до трех сосудов). Бронзовые и глиняные изделия, об-

наруженные среди костных останков внутри могил, являлись деталями и украшениями погребальной одежды.

Описание вещевого материала могильника Тесик-I

Вещевой материал представлен набором бронзовых украшений, в том числе и плакированных золотой фольгой, пастовых бус и керамической посудой. Среди изделий из бронзы отмечены фрагменты браслетов со спиралевидными окончаниями, наконечников листовидной формы, нашивные бляшки овальной формы, желобчатые серьги-подвески в 1,75 оборота, декоративная ременная обойма и нитки бус. Результаты эмиссионного спектрального анализа металлических изделий в регионе показывают, что большинство из них относится к категории оловянистых бронз с разным процентным содержанием меди, олова и примесей. Подобные различия отражают состояние местной горнорудной базы и разнообразие технических приемов и технологий производства бронзы в регионе. Это дает нам основание предполагать, что некоторые из них, вероятно, могут свидетельствовать о заимствовании традиций производства металла у мастеров кузнечного ремесла Центрального Казахстана, где технологии производства оловянных бронз были более развиты [Берденов, 1998; Маргулан и др., 1966, с. 269; Кадырбаев, Курманкулов, 1992]. Анализ их позволяет уточнить датировку могильника в рамках относительной хронологии.

Браслеты со спиралевидными окончаниями (рис. 3, 9) являлись в регионе атрибутом женских захоронений [Усманова, 2010, с. 149–152; Горячев, 2020, с. 149–151]. Они сформированы на вогнутой пластине,

сомкнутой почти в полное кольцо, диаметром ~6–7 см. Концы заготовок прокованы на уплощение с утончением и свернуты в спирали конической формы по часовой стрелке в 4–5 завитков. Концы украшений отличаются спиралями высокой конической формы (1,2–1,5 см) с обеих сторон и относятся специалистами к федоровской культурной традиции АКИО* (*здесь и далее АКИО – андроновская культурно-историческая общность) [Аванесова, 1991, с. 69]. Подобные браслеты известны в материалах других регионов Жетысу среди захоронений кулсайского типа, относящихся к местному варианту федоровско-нуринской культуры [Гасс, Горячев, 2016, рис. 6, 37–39; 10, 18, 19] и андроновских погребальных комплексов Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 84, 86], Урала и Приоболья [Зданович, 1988, с. 170, табл. 10В; Потемкина, 1985, рис. 88, 10, 11].

Накосники из могильника Тесик-I по типологии украшений относятся к плоским нашивным бляшкам (рис. 3, 8; 6, 8). Из двух листовидных пластинчатых элементов наконсников фрагментарно сохранился только один длиной 50 мм (~70–80 в полном виде) и шириной 20 мм в широкой части. Выполнены методом проковки тонкого медного листа (1 мм).

На территории Жетысу такие изделия известны в материалах могильника Куйган-II долины реки Коксу у западных отрогов Жетысу Алатау [Горячев, Чернов, 2017, рис. 4, 18, 19]. Эти наконсные нашивные бляшки декорированы методом чеканки «древовидным» орнаментом, что отличает их от других аналогов на территории Казахстана. Подобные по форме наконсники изучены среди материалов

центрально- и североказахстанских могильников Бестамак, Лисаковский, Бозенген, Токанай-I, Шондыкорасы-I [Усманова, Логвин, 1998, с. 30–33], где они вписываются в период от синташтинско-петровского до алакульского периода эпохи бронзы данных регионов.

Среди нашивных плоских бляшек могильника Тесик-I выделяется группа крупных слегка выпуклых изделий овальной формы (рис. 8, 1–4). Они изготавливались из бронзового листа методомковки и имеют размеры – 45,8×35,3 мм, 40,8×33,4 мм, 31,2×32,3 мм и 34,6×24,6 мм. В верхней части бляшек пробиты отверстия (1–2,5 мм) для нити или шнурка. При общем большом сходстве эти украшения не одинаковы ни в размерах, ни по форме. Это позволяет утверждать, что при их производстве не использовался шаблон. Бляшки декорированы по центру и периметру пуансонным орнаментом в виде линий из «точек», выступающих над поверхностью изделия на 1–2 мм. От центральной линии под разными углами отходят еще несколько рядов точек, которые образуют разнообразные геометрические узоры «древовидной» и зигзагообразной форм.

Подобная орнаментация в регионе характерна для листовидных элементов наконсников долины реки Коксу (могильник Куйган-II) и встречается в материалах смешанных алакульско-федоровских комплексов Центрального и Восточного Казахстана [Аванесова, 1991, рис. 49]. Сами изделия близки серии округлых плоских и выпуклых бляшек из разных могильников региона, которые минимум в 1,5–2 раза меньше этих [Горячев, Чернов, 2020, рис. 6, 1–20]. В памятниках андроновского ареала похо-

жие бляшки (все соразмерные имеют обязательно округлую форму и другие виды орнаментации) нам не известны и, вероятно, могут являться местной вариацией распространенного вида украшений одежды.

Другую серию металлических изделий представляют бронзовые желобчатые серьги-подвески в

1,75 оборота, плакированные золотой фольгой. Листочкам придан выпукло-вогнутый вид (рис. 3, 7). Медная заготовка основы в виде стержня была длиной 80 мм. По образцу ей методом проковки придавалась форма в виде двух листков (7 мм), соединенных перешейком (3–4 мм). Толщина заготовки в области перешейка 1 мм, а ли-

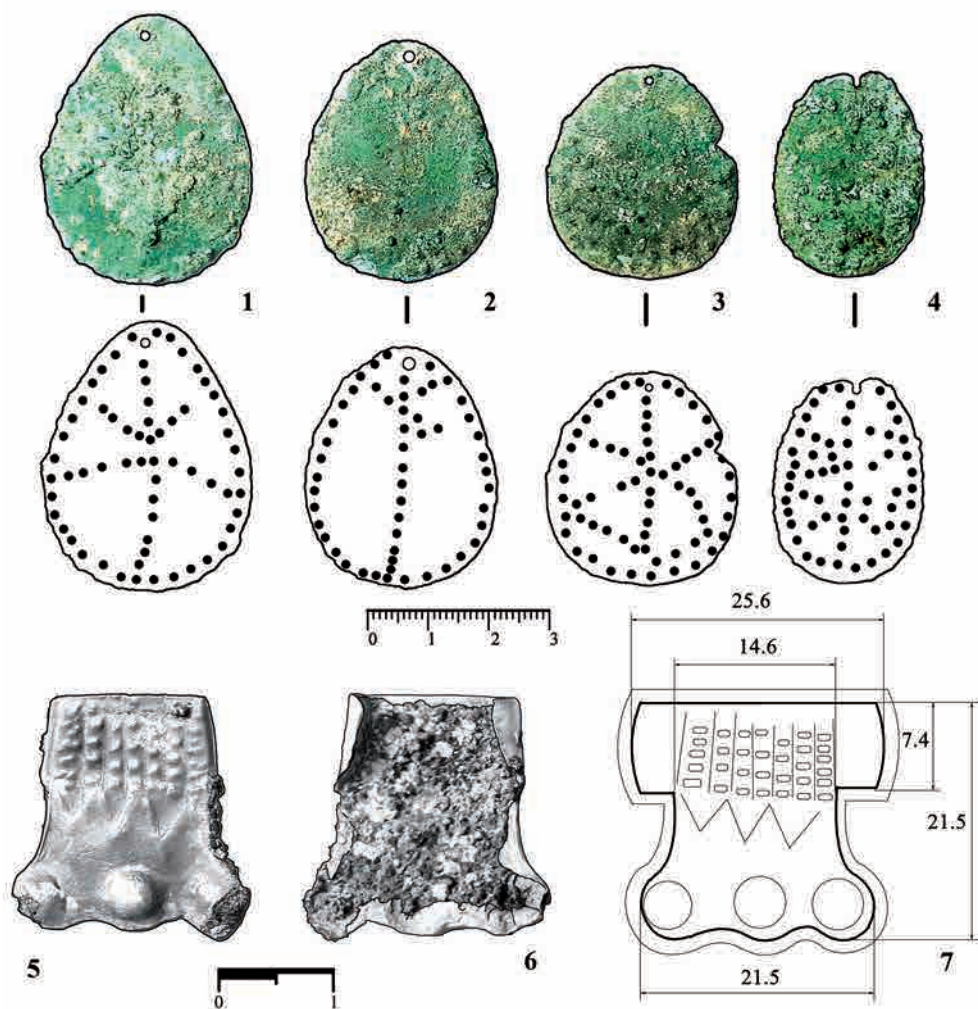

Рис. 8. Тесик-I. Виды декора металлических изделий из ограды 1 п. 1: 1–4 – нашивные бляшки овальной формы; 5–7 – декоративная ременная обойма

Fig. 8. Tesik-I. Types of decoration of metal products from the fence 1 burial 1: 1–4 – oval-shaped patch plaques; 5–7 – decorative belt clip

сточки – 0,7 мм. Под основу из меди подкладывалась заготовка из золотой фольги (толщиной 0,1 мм) несколько превышающая ее размеры. Лопастям медной заготовки, плакированным золотой фольгой, придаётся выпуклая форма посредством тиснения. Все изделие сворачивается в кольцо соответствующего количества оборотов.

Такие изделия имели определенное своеобразие в каждом регионе своего распространения. В Шу-Илейских горах значительная их часть плакирована золотой фольгой [Горячев, 2020, с. 150–151]. Подобные серьги-подвески являются частью головных украшений бронзового века по всей степной Евразии как в алакульских, так и федоровских погребениях андроновского ареала [Аванесова, 1991, с. 53, 54, рис. 43; Куприянова, 2008, с. 24–26, рис. 13; Усманова, 2010, с. 64, рис. 13].

Бронзовая ременная обойма, плакированная золотой фольгой, представляет интерес как технологией изготовления, так и своим декоративным оформлением (рис. 8, 5–7). Конструктивная основа обоймы была выполнена из листа меди Т-образной формы. Толщина бронзовой пластины 0,6–0,7 мм, золотой фольги – 0,1 мм. Длина изделия 21,5 мм, ширина основная 14,6 мм, в нижней части 21,5 мм. Ширина пластины по клапанам в развертке 25,6 мм, ширина клапанов 7,4 мм. Рельефный рисунок в центральной части обоймы создавался методом чеканки и тиснения. На заполненную рельефом пластину накладывался соответствующей формы лист золотой фольги и через мягкий, но плотный материал с усилием прижимался к основе. Рисунок рельефа отпечатывался на фольгу. Заготовка переворачивалась вниз лицом и края

золотой фольги загибались на оборотную сторону. В завершение по контуру элементов орнамента наносились точечные удары тонким металлическим пуансоном для усиления рельефа.

На вертикальный элемент был предварительно нанесен узор в виде узких и коротких горизонтальных полос, зигзага и полусферических выпуклостей. Форма орнамента и порядок следования элементов заранее определены. Вертикальная полоса заготовки разделена на три яруса. Верхний заполнен восемью вертикальными полосками, которые образуют семь колонок, внутри которых нанесены от четырех до шести узких и коротких горизонтальных полос. Ниже проходит неровная зигзагообразная линия с пятью изломами, имеющих разные углы склонения. Третий ярус орнаментальной композиции представляет ряд из трех выпуклых полусфер.

Уже после плакирования концы медной обоймы обжимались вокруг вертикально расположенного ремня. Подобный тип ременных обойм с геометрическим орнаментом не известен в материалах андроновских комплексов, но характерен для региона Шу-Илейских гор. В частности, две подобные обоймы схожей технологии и орнаментации обнаружены в погребальном комплексе раннеандроновского периода Мадьярсай-I [Горячев, 2020а, с. 146, рис. 6, 1]. Характер их орнаментации близок символике нашивных бляшек головного убора женского костюма андроновских женщин [Усманова, 2010, с. 91–93] и бронзовых обойм Южного Зауралья и Казахстана [Куприянова, 2008, с. 29, рис. 18, 1–3]. Близкие аналогии этим узорам прослеживаются в лапчатых подвесках федоровской культурной традиции [Усманова, 2010, рис. 48].

На наш взгляд, они являются результатом развития художественных традиций ювелирного искусства эпохи бронзы Шу-Илейского региона.

Наиболее массовым металлическим инвентарем погребений эпохи бронзы в регионе являются бусы биконической и прямоугольной форм (рис. 3, 11, 12; 5, 7–9; 6, 6). Они изготавливались из медной проволоки и являлись важным элементом декора одежды племен эпохи бронзы Центральной и Средней Азии [Аванесова, 1991, рис. 61]. В материалах захоронений встречаются также пастовые бусы белого цвета продолговатой формы ребристого типа (рис. 3, 13; 5, 10, 11; 6, 7). Они отличаются друг от друга цветовой гаммой голубоватого и зеленоватого оттенков. Ими обшивались по периметру обшлага рукавов, края платьев и наружная поверхность обуви. Чаще всего оба вида инвентаря представляли собой нитки до нескольких десятков однотипных бусин, что характерно как для федоровских захоронений на территории Жетысу [Гасс, Горячев, 2016, рис. 5, 10], так и для алакульских могильников Центрального Казахстана и Южного Зауралья [Усманова, 2010, с. 147–148].

Керамический материал могильника Тесик-I представлен коллекцией из шести археологически целых и четырех фрагментированных лепных широкогорлых плоскодонных керамических сосудов. Среди них отмечены семь горшков и две банки, и еще три фрагмента одного сосуда, не позволяющих определить его точную форму. Общие формы посуды демонстрируют приземистые сосуды (высотой 93–196 мм) с высокой или короткой шейкой с открытым устьем (диаметром 111–180 мм) с четко или слабо выраженным уступчиком (диа-

метр 120–170 мм), либо плавно профилированным плечиком (диаметром 122–185 мм). Тулова горшков с профилированным плечиком шире устья сосудов, а с ребристым плечиком или уступчиком наоборот уже. Диаметры дна сосудов варьируются от 60 до 111 мм.

В процессе изготовления сосудов допускалась их ритуальная порча посредством низкогокачественного производства или преднамеренного разрушения. Так сосуд 3 из погребения 1 (рис. 3, 5), несмотря на хорошее качество изготовления, имел несколько утрат своей изначальной формы. На внешней стороне стенки, от середины тулова к донцу, произошло отслоение поверхности локальным пятном, площадью около 15 см² без нарушения целостности стенки сосуда. Вторая крупная утрата в форме сосуда, это отсутствие половины венчика с прилегающими частями (шейка, плечико, тулово) сосуда. Отсутствующая часть как бы срезана под углом 30° от середины венчика к наружи, до 65 мм высоты от доньшка по стенке. Срез был произведён намеренно, вероятно, еще до обжига, но по подсохшему черепку. Об этом говорит достаточно ровная линия среза с легко откошавшимися краями и два участка по линии среза на стенке примерно 1÷1,5 см длины, сохранившими плоскость среза. Таким образом, можно говорить об одномоментном отсечении фрагмента верхней части сосуда, в одно движение. Возможно, такое действие было связано с ритуальным разрушением погребальных сосудов. В этом случае можно предположить факт соблюдения ритуала, но с сохранением функциональных свойств сосуда. Возможно, сосуд предназначался под жидкости.

В сосуде 1 из погребения 1 (рис. 9, 5) горшок имеет по венчику ряд растрескиваний, направленных к донцу. Несколько трещин неглубокие и достигают шейки или плечика сосуда. Две средних по длине, одна из которых доходит до середины высоты горшка, другая несколько ниже. Последняя, самая глубокая, достигла доньшка сосуда. По сторонам от средних трещин, на уровне шейки сосуда имеется две пары отверстий диаметром 4 мм. Отверстия имеют ровные края и проделаны были с целью укрепить стенки горшка метал-

лическими скобами или стяжкой из сыромятного ремешка. Но одно из четырех отверстий просверлено было не до конца, не насквозь. Возможно, в ходе сверления возникла новая и большая трещина, и чтобы сосуд не разрушился окончательно, починка была приостановлена, и в ритуале погребения горшок использовался в состоянии близком к разрушению. Если по окончании погребального ритуала горшки разрушались намеренно, то, возможно, этот горшок был воспринят как уже разрушенный и искусственно ломать его не стали. Находящийся в

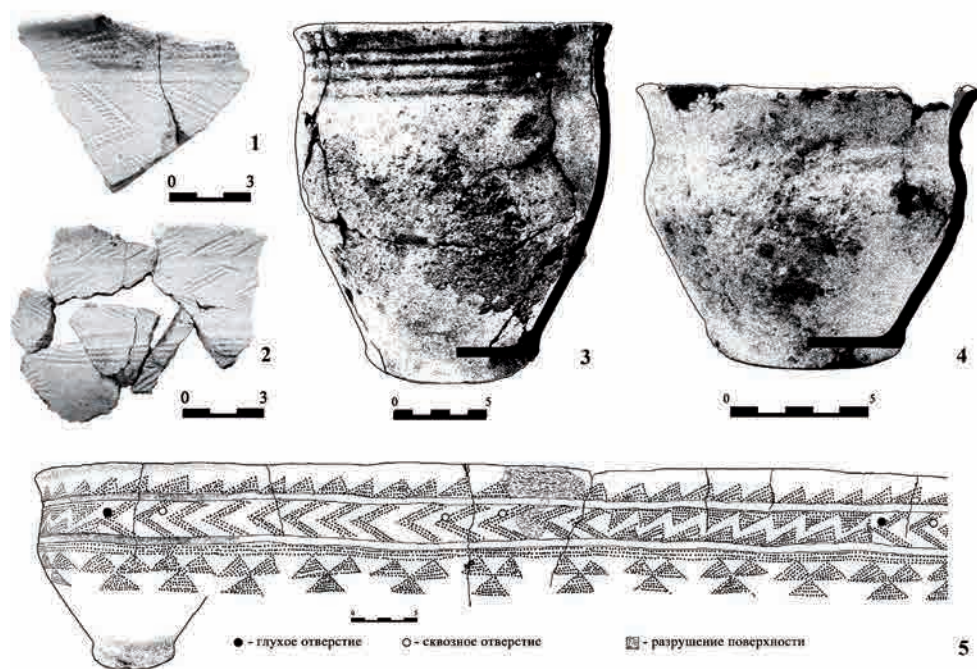

Рис. 9. Тесик-I. Орнаментальные мотивы на керамической посуде:
1, 2 – фрагменты керамики из п. 2; 3 – сосуд из п. 6; 4 – сосуд из п. 5;
5 – развертка орнаментального декора на сосуде 1 из п. 1

Fig. 9. Tesik-I. Ornamental motifs on ceramic dishes: 1, 2 – fragments of ceramics from burial 2; 3 – a vessel from burial 6; 4 – a vessel from burial 5;
5 – a sweep of ornamental decoration on vessel 1 from burial 1

стабильных условиях погребения, без воздействия извне, горшок, будучи треснутым, смог дойти до нас практически целым.

Низкое качество произведенной посуды демонстрирует сосуд из погребения 6 (рис. 9, 3). Керамическая масса отощена большим содержанием песка, что не могло позволить получить изделие высокого качества. По поверхности горшка имеются множественные пятна отслоения верхнего слоя. Общая характеристика: керамическое рыхлое тесто промято неосновательно, что после низкотемпературного обжига (500–600 °C) с низким содержанием кислорода в восстановительной (дымной) среде не могло дать керамики хорошего качества.

Такая посуда не применялась в быту. Тем не менее на её стенке по бокам от двух трещин имеются сверленные отверстия на уровне шейки диаметром 3 мм. Они предназначались для ремонта горшка, посредством стяжки стенки по трещине, металлическими скобами. Сами скобы не сохранились, но в отверстиях остались их фрагменты в виде медных стержней, покрытых оксидом зелёного цвета. Следы починки в данном случае выступают как свидетельство низкого технологического качества посуды, на которой уже вскоре после обжига образовался ряд трещин. Чтобы сосуд мог использоваться в погребальном ритуале, его пришлось тут же реставрировать.

Остальная часть сосудов имеет повреждения в виде множественных трещин технологического характера. Косвенные результаты палинологического анализа показывают, что вся посуда изготавливалась непосредственно перед погребением. Следы использования ее в быту отсутствуют.

Напрашивается вывод, что подобные нарушения были вызваны требованиями ритуальной практики.

Естественнонаучные исследования почв из керамической посуды в захоронениях бронзового века региона, проведенные в лаборатории Института геологических наук им. К. И. Сатпаева (д.г.-м.н. С. А. Нигматова), показали отсутствие в ней растительной пищи. Их палинологическое изучение позволило предположить, что в посуде могли находиться вода, молоко или бульон. На могильнике Тесик-I сосуды заполнялись грунтом уже в процессе захоронения.

Декор отмечен на трех целых и двух фрагментированных сосудах (рис. 9), что составляет около 40% от их общего числа и значительно превышает долю орнаментированной керамики в погребальных комплексах региона (не более 10%). Геометрический орнамент нанесен гребенчатым штампом. Каннелюры образованы проведением, с лёгким вдавливанием, инструмента в виде цилиндрического стержня. Наиболее интересная орнаментальная комбинация отмечена на сосуде 1 погребения 1 (рис. 9, 5). Она представлена тремя фризами, расположенными один над другим. Каждая орнаментальная полоса отделена от следующей каннелюром. Пропорции в орнаментальной зоне: ширина каннелюр 5 мм, общая длина пояса 49,5 см по средней линии; зигзагообразный орнамент имеет длину 17 см, полоса из шевронов имеет длину 32,5 см.

Верхний регистр выполнен традиционно, в виде ряда косых треугольников, обращенных вершинами вверх. Во втором регистре орнамент составлен из двух полос, следующих друг за другом: зигзагообразный орнамент и полоса из шевроновидных

элементов, лежащих на боку. Зигзаг образован двумя рядами треугольников, вершины которых смотрят на соединение углов оснований треугольников противоположного ряда. Промежуток отстояния рядов образует зигзаг, как элемент орнамента. Шевронообразные элементы также отстоят друг от друга на собственную ширину. Так фон между элементами образует аналогичный декор. Третий регистр орнамента также состоит из двух элементов. По верхнему краю идет полоса из трех линий, оставленных штампом. К ней примыкают снизу декоративные элементы, составленные из трех равнобедренных треугольников, два вверху – один внизу, обращенных вершинами вверх. Два верхних касаются вершинами полосы и углами оснований друг друга. К этим углам снизу своей вершиной примыкает третий треугольник. Группы отстоят друг от друга примерно на $1/2$ треугольника.

Та же орнаментальная композиция прослеживается по верхнему и среднему регистрам на двух фрагментах керамического сосуда из погребения 2 (рис. 9, 1, 2). Из декоративных элементов на горшке из погребения 5 отмечен единственный выступ-рубчик, который опоясывает шейку сосуда (рис. 9, 4). Шейка горшковидного сосуда изящной формы из погребения 6 декорирована полосой, состоящей из четырех продольных желобков – выкружек, сомкнутых в кольцо.

Подобной формы сосуда были широко распространены и в Шу-Илейском регионе, и в предгорной и горной зоне Иле и Жетысу Алатау [Марьяшев, Горячев, 1993; Гасс, Горячев, 2016]. Керамика с подобными признаками достаточно широко рас-

пространена в материалах алакульско-атасуских и федоровско-нуринских комплексах Центрального и Восточного Казахстана [Маргулан и др., с. 111, 115; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 37, 66, 84; Черников, 1960, с. 88]. В своей работе по типологии форм сосудов Е. Е. Кузьмина соотносит их с алакульскими и федоровскими традициями центрально-казахстанского керамического производства андроновского этапа эпохи бронзы [Кузьмина, 1986].

Орнаментальные мотивы керамической посуды из двух центральных захоронений 1 и 2 могильника Тесик-I типичны для погребальных комплексов Шу-Илейского региона, где они встречаются в материалах наиболее ранних захоронений могильников Кожабала-I, Ой-Джайляу-III, Тамгалы-I, II и VI [Горячев, 2020, с. 149, рис. 7, 1–9]. Подобная орнаментальная традиция характерна для алакульских комплексов как других районов Жетысу [Марьяшев, Горячев, 1993], так и Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 115]. Орнаментация посуды рядами каннелюр на территории Жетысу более характерна здесь для керамического инвентаря позднеандоновских захоронений.

Обсуждение результатов

Анализ планиграфии погребального комплекса могильника Тесик-I позволяет предположить, что первоначальным сооружением конструкции 1 была крупная центральная ограда, разделенная на три секции (ограды 1–3). Однако могильные конструкции зафиксированы только в ее центральной и северной частях. Схожесть их устройства позволяет предполагать, что захоронение в них производилось одновременно либо в очень близкие

по времени сроки. Это подтверждается и однотипным погребальным инвентарем. В каждое захоронение было в изголовье установлено по три керамических сосуда. Характер вещевого материала, дает основание считать, что в могиле 1 устроено захоронение женщины (браслеты, накошник, декоративная ременная обойма, овальные нашивные бляшки). В могиле 2 был погребен, предположительно, мужчина (фрагментарность костных останков пока не позволяет установить этот факт антропологически).

Анализ конструктивных особенностей и вещевого инвентаря дает основание считать, что в них погребены представители смешанной алакульско-федоровской группы населения андроновского периода эпохи бронзы. В материалах захоронений культурная доминанта скорее принадлежит алакульско-атасуской традиции племен АКЮ Центрального Казахстана. Все последующие погребально-поминальные конструкции пристраивались к основной оgrade с южной и западной сторон позднее.

Интересен тот факт, что в могилах 1 и 2 присутствует горшковидная керамическая посуда как уступчиком по плечу, так и с плавной профилировкой тулова. В более поздних материалах керамическая посуда имеет исключительно плавный профиль плечика, особенно в погребении 6, которое конструктивно отличается от других захоронений данного комплекса. Эта могила не пристраивалась к более ранней оgrade, а скорее была организована рядом с ней под отдельной грунтовой насыпью. Обычай заполнения погребальной камеры просеянным речным песком, зафик-

сированный здесь, на территории Жетысу встречается преимущественно среди населения с ярко выраженными федоровско-нуринскими культурными традициями [Гасс, Горячев, 2016, с. 88].

По своим конструктивным признакам и особенностям погребальных традиций данный комплекс относится к семейным оградкам, характерным для позднеалакульского периода раннеандроновского периода в Шу-Илейском регионе. Подобные семейные оградки исследованы на могильниках Кожабала-I, Ой-Джайляу-VII, Тамгалы-I и II. Основная часть подобных конструкций по материалам и радиоуглеродным датировкам относится к XVII–XVI вв. до н.э. [Горячев, 2020, с. 139, табл. 1]. В тоже время отдельное захоронение в погребении 6 ближе соответствует традициям позднеандроновского периода эпохи бронзы региона, который датируется XV–XIV вв. до н.э. [Горячев, 2020, с. 154]. С учетом того, что на могильнике отмечены разнотипные погребальные конструкции бронзового века, следует отметить, что исследованный погребальный комплекс отражает только один небольшой хронологический период функционирования могильника, вероятней всего, в пределах XVI–XV вв. до н.э.

Могильник Тесик-I сложно-структурный памятник, который состоит из разнотипных и разновременных погребальных комплексов, что позволяет предположить его значение как центрального погребально-го комплекса бронзового века северных склонов гор Айтау. Ближайшие аналогичные памятники расположены в соседних горных ущельях гор

Жынгылды в 30 км к юго-востоку и в урочище Кожабол гор Хантау в 40 км к северо-западу. Также, как и в комплексе Тесик они представляют собой крупные могильники, насчитывающие несколько десятков захоронений (Кожабала-I – более 150).

Вещевой и керамический материал погребального комплекса Тесик в горах Айтау достаточно разнообразен по формам и технологиям изготовления, однако вполне традиционен для различных комплексов эпохи бронзы Жетысу. Сочетание признаков алакульско-атасуской и федоровско-нуринской традиций АКЮ является хорошим хронологическим репером, а с учетом структурной организации могильника может помочь в реконструкции процесса заселения племенами бронзового века территории Шу-Илейского региона Жетысу.

Выводы

Таким образом, основываясь на ранее проведенных исследованиях погребальных комплексов, мы можем отметить, что могильник Тесик-I имеет целый ряд признаков, объединяющих его в общую культурную традицию бронзового века Шу-Илейского региона. Она имеет свои отличия в структуре комплексов в целом, в организации погребальных сооружений и обряде захоронения, которые отличают ее от культурных традиций населения эпохи бронзы других регионов Жетысу, но сближают с центрально-казахстанскими в силу одинаковых природно-климатических условий, а также некоторых аспектов хозяйственного и историко-культурного развития. Характер погребальных традиций, отмеченных в материалах

могильника Тесик-I, свидетельствует о значительной степени этнокультурных взаимосвязей между населением этих сопредельных регионов.

Сам могильник был устроен на ровной площадке близ сопки с петроглифами, что является характерной чертой для структурной организации комплексов эпохи бронзы в восточной и центральной части основной горной гряды Шу-Илейского междуречья от гор Айтау и Кулжабасы до хребтов Анрахай и Серектас. Археологический комплекс эпохи бронзы в урочище Тесик представлял собой достаточно типичный вариант для региона, когда вокруг крупного древнего кладбища, на котором хоронили представителей различных родовых групп, формируется сакральный комплекс с петроглифами, а жители урочища помимо хозяйственных функций выполняли еще и общественную функцию «хранителей традиций».

Интенсивные контакты древнего населения Сарыарки и Шу-Илейского междуречья способствовали формированию в местных погребальных комплексах смешанных алакульско-федоровских черт. В материалах могильников и реконструкциях погребальных традиций прослеживаются признаки двух культурных доминант – пришлоей алакульско-атасуской и местной федоровско-нуринской, составлявших основу АКЮ на территории Казахстана. Материалы исследований могильника показали, что период его функционирования относится как к раннему (XIX–XVI вв. до н.э.), так и к позднему андроновским этапам бронзового века (XV–XIV вв. до н.э.). Прежде всего, различия ка-

саются надмогильных сооружений (крупные коллективные цепочки и семейно-родовые конструкции оград). На позднем этапе они трансформируются в создание коллективных и индивидуальных курганов и оград. Погребальные традиции бронзового

века населения двух соседних регионов свидетельствуют о значительной степени социально-экономических и этнокультурных взаимосвязей между ними, что делает дальнейшие исследования перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во «ФАН», 1991. 200 с.
2. *Берденов С.А.* Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана / отв. ред. З. Самашев. Алматы–М.: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 180–190.
3. *Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В.* Методика археологических исследований и маркировка маршрутов древних миграций на территории Хантауского транзитного коридора // ИАС. 2020. Вып. 7. С. 91–116.
4. *Гасс А., Горячев А.А.* К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 85–123.
5. *Горячев А.А.* Погребальные комплексы бронзового века Хантауского транзитного коридора // ИАС. 2020. Вып. 7. С. 135–157.
6. *Горячев А.А.* Могильник бронзового века Мадьярсай-I // ТиПАИ. 2020а. № 1 (29). С. 135–151. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)1\(29\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)1(29).-09)
7. *Горячев А.А., Чернов М.А.* Металлический инвентарь из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу // Известия НАН РК. Серия обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 5–24.
8. *Горячев А.А., Чернов М.А.* Металлические изделия из погребальных комплексов эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора // Вестник КарГУ им. Е.А. Букетова. Сер. История. Философия. 2020. № 3 (99). С. 54–70.
9. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
10. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 250 с.
11. *Кузьмина Е.Е.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 152–182.
12. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
13. *Максимова А.Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 12. С. 62–71.
14. *Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
15. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.

16. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М: Наука, 1985. 376 с.
17. Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // ИАС. 1999. С. 7–43.
18. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Караганда: ТАиС, 2010. 176 с.
19. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наkosные украшения Казахстана: (эпоха бронзы). Караганда–Лисаковск: КарГУ им. Е.А. Букетова, Кустанайский госуниверситет, 1998. 64 с.
20. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / Материалы и исследования по археологии СССР, № 88. М.–Л.: АН СССР, 1960. 285 с.

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 1991. *Kultura pastusheskih plemen epohi bronzy aziatskoy chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam) (Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (by metal products))*. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).
2. Berdenov, S. A. 1998. In: Samashev, Z. (ed.) *Voprosy arheologii Kazakhstana (Issues of archeology of Kazakhstan)*, 2, 180–190. Almaty; Moscow: "Gylym" Publ. (in Russian).
3. Voyakin, D. A., Goryachev, A. A., Potapov S.A., Iliin, R. V. 2020. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechie)*, 7, 91–116 (in Russian).
4. Gass, A., Goryachev, A. A., 2016. In: *Vestnik NGU. Seriya istoriya, filologiya. (Bulletin of Novosibirsk State University. Series history, Philology)*. T. 15, № 5. 85–123 (in Russian).
5. Goryachev, A. A. 2020. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechie)*, 7, 135–157 (in Russian).
6. Goryachev, A. A. 2020a. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (29), 135–151. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)1\(29\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)1(29).-09). (in Russian).
7. Goryachev, A. A., Chernov, M. A. 2017. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk (News of the NAS of the Republic of Kazakhstan. Ser. Social Sciences and Humanities)*, 1 (311), 5–24 (in Russian).
8. Goryachev, A. A., Chernov, M. A. 2020. In *Vestnik KGU im. E.A. Buketova. Seriya Istoriya. Filosofiya. (Bulletin of E.A. Buketov Karagandy State University. History series. Philosophy)*, 3 (99), 54–70 (in Russian).
9. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes.)*. Sverdlovsk: "Ural university" Publ. (in Russian).
10. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, J. 1992. *Kultura drevnykh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of cattlemen and metallurgists from Sary-Arka)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
11. Kuzmina, E. E. 1986. In: *Vostochnyy Turkestan i Srednyaya Asia v sisteme kultur drevnego i srednevekovogo Vostoka (East Turkestan and Central Asia in the system of cultures of the ancient and medieval East)*. Moscow: "Nauka" Publ., 152–182 (in Russian).
12. Kupriyanova, E. V. 2008. *Ten zhenshchiny: Zhenskiy kostyum epohi bronzy kak "tekst" (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zauraliya i Kazakhstana) (The Woman's Shadow: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text" (based on materials from the necropolises of the South Trans-Urals and Kazakhstan))*. Chelyabinsk: "AvtoGraf" Publ. (in Russian).
13. Maksimova, A. G. 1961. In: *Novye materialy po arheologii i ehtnografiyi Kazakhstana (New materials on archeology and ethnography of Kazakhstan)*, 12. Alma-Ata: AN KazSSR Publ., 62–71 (in Russian).

14. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Centralnogo Kazakhstana (Ancient Culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archeology)*, 1, 5–19 (in Russian).
16. Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritoboliya (Bronze age forest-steppe Tobol region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Rogozhinskiy, A. E. 1999. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechie)*, 7–43 (in Russian).
18. Usmanova, E. R. 2010. *Kostyum zhenshchiny epohi bronzy Kazakhstana (Costume of a Woman of the Bronze Era of Kazakhstan)*. Karaganda: “TAiS” Publ. (in Russian).
19. Usmanova, E. R., Logvin, V. N. 1998. *Zhenskie nakosnye ukrasheniya Kazakhstana: (epoha bronzy) (Women's skew jewelry of Kazakhstan: (Bronze Age))*. Karaganda-Lisakovsk: E.A. Buketov Karagandy State University; Kostanay State University Publ. (in Russian).
20. Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epohu bronzy / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (East Kazakhstan in the Bronze Age / Materials and research on the archeology of the USSR)*, 88. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

УДК 902.2, 903.5 (574)
МРНТИ 03.41.91

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА КЕТАБАН-2 И ПЕТРОГЛИФЫ БИТРЕУГОЛЬНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО СТИЛЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Евгений Анатольевич Дмитриев^{1, 2},
Марина Васильевна Бедельбаева², Игорь Алексеевич Кукушкин²

^{1, 2}аспирант Алтайского государственного университета (г. Барнаул, РФ),
младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института
при НАО «Карагандинский университет имени Е.А. Букетова»,
г. Караганды, Казахстан. E-mail: yevgenii1992@mail.ru;

²кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии
Сарыаркинского археологического института при НАО «Карагандинский университет
им. Е.А. Букетова», г. Караганды, Казахстан. E-mail: bmv_1967@mail.ru;

²кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского
археологического института при НАО «Карагандинский университет
имени Е.А. Букетова», г. Караганды, Казахстан. E-mail: sai@ksu.kz

Аннотация. В статье рассматриваются материалы работы на могильнике Кетабан-2 и местонахождении петроглифов Едирей. Сооружения Кетабан-2 представляют собой двойные концентрические кольцевые ограды, возведенные различными строительными приемами. Они содержали четыре захоронения, совершенные в каменных ящиках и грунтовой яме. Определение возраста умерших выполнено посредством сопоставления длин костей с данными аналитических таблиц, отражающих динамику роста костей у детей и подростков. Рассматриваемый материал в целом не имеет однозначных аргументов в пользу той или иной культурной принадлежности. Вероятно, что исследованные ограды представляют собой синкретичные комплексы алакульско-федоровского типа и предварительно датированы рамках второй половины XVIII – конца XVI в. до н. э. Обследование местонахождения петроглифов Едирей позволило выявить первый в Центральном Казахстане памятник, рисунки которого выполнены в битреугольном стиле. На выровненной поверхности валуна техникой пикетирования нанесены четыре изображения – три антропоморфные фигуры и один знак-символ крестообразной формы. Прямые аналоги/анalogии данных изображений в петроглифах бронзового века Казахстана (Сауыскандык и Кулжабасы) позволяют провести определенные параллели. Однако однозначная и более точная датировка изображений затруднительна и требует дальнейших поисков петроглифов в этом районе.

Ключевые слова: эпоха бронзы, федоровский, алакульский, могильник, ограда, петроглифы, битреугольный стиль

ОРТАЛЫҚ КАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕТАБАН-2 ҚОРЫМЫ МЕН БИҮШБҰРЫШТЫ БЕЙНЕЛЕУ СТИЛІНДЕГІ ПЕТРОГЛИФТЕР МАТЕРИАЛДАРЫ

Евгений Анатольевич Дмитриев^{1, 2}, Марина Васильевна Бедельбаева²,
Игорь Алексеевич Кукушкин²

^{1, 2}Алтай мемлекеттік университетінің аспиранты (Барнаул қ., РФ), КеАҚ
«Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің» жанындағы Сарыарқа

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP09260879.

археологиялық институтының кіші ғылыми қызметкері,
Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: yevgenii1992@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, КеАҚ «Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің» жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының археология және этнография музейінің меңгерушісі,

Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: bmv_1967@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, КеАҚ «Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің» жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының жетекші ғылыми қызметкері, Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: sai@ksu.kz

Аннотация. Мақалада Кетабан-2 қорымындағы жұмыстар және Едірей петроглифтерінің орналасқан жерінің материалдары қарастырылады. Кетабан-2 құрылыстары әртүрлі құрылыс тәсілдерімен тұрғызылған қос концентрлік шеңберлі қоршаулармен көрсетілген. Олардың құрамында тас жәшіктерде және топырақты шұңқырда орындалған төрт жерлеулері бар. Өлгендердің жасын анықтау бала мен жеткіншектердің сүйектерінің өсу динамикасын көрсететін, аналитикалық кесте мәліметтері бар сүйектер ұзындығын салыстыру көмегімен орындалды. Қарастырылып отырған материал тұтастай алғанда белгілі бір мәдени тиістіліктің пайдасына келетіндей біржақты дәлелдерге ие емес. Бәлкім, зерттелген қоршаулар Алакөл-Федоров типтес синкретикалық кешендермен көрсетілген және алдын ала б.д.д. XVIII ғ. екінші жартысы – XVI ғ. аяғы шеңберінде мерзімделген. Едірей петроглифтерінің орналасқан жерін зерттеу Орталық Қазақстандағы алғашқы ескерткішті анықтауға мүмкіндік берді, оның суреттері биұшбұрышты стильде орындалды. Тастың тегістелген бетінде пикет техникасымен төрт сурет қолданылады – үш антропоморфты кескіндер және бір белгі – крест тәрізді пішіннің нышаны болып табылады. Қазақстанның қола дәуірінің петроглифтеріндегі (Сауысқандық және Құлжабасы) осы бейнелердің тікелей аналогтары белгілі бір параллельдерді жүргізуге мүмкіндік береді. Алайда, бейнелердің бір жақты және әлдеқайда нақты мерзімделуі қиын болғандықтан, осы аймақтағы петроглифтерді одан әрі іздеу қажеттілігі туындап отыр.

Түйін сөздер: қола дәуірі, федоровтық, алакөлдiк, қорым, қоршау, петроглифтер, биұшбұрышты стиль

MATERIALS OF THE BURIAL GROUND OF KETABAN-2 AND PETROGLYPHES OF THE BITRIANGULAR DECORATIVE STYLE IN CENTRAL KAZAKHSTAN

Evgeniy A. Dmitriev^{1, 2}, Marina V. Bedelbayeva², Igor A. Kukushkin²

^{1, 2}Postgraduate student of Altay State University (Barnaul, RF), junior researcher of the Saryarka Archaeological Institute at the academician E.A. Buketov Karagandy University, Karagandy, Kazakhstan. E-mail: yevgenii1992@mail.ru

²Candidate of historical sciences, Director of the archaeology and ethnography museum of the Saryarka archaeological Institute of the academician E.A. Buketov Karagandy university, Karagandy, Kazakhstan. E-mail: bmv_1967@mail.ru

²Candidate of historical sciences, Leading researcher of the Saryarka Archaeological Institute at the academician E.A. Buketov Karagandy University, Karagandy, Kazakhstan. E-mail: sai@ksu.kz

Abstract. The article examines the materials of work at the Ketaban-2 burial ground and the location of the Yedirey petroglyphs. The structures of Ketaban-2 are double concentric ring fences, erected by various construction methods. They contained four burials, made in stone boxes and an earthen pit. Determination of the age of the body was performed by comparing the lengths of the bones with the data of analytical tables reflecting the dynamics of children and adolescents bone growth. The material in question as a whole does not have unambiguous arguments in favor of a particular cultural affiliation. It is likely that the

investigated fences are syncretic complexes of the Alakul-Fedorovo type and are tentatively dated within the second half of the 18th – late 16th centuries BC. A survey of the location of the Yedirey petroglyphs made it possible to identify the first monument in Central Kazakhstan, the drawings of which are made in a bi-triangular style. Four images, three anthropomorphic figures and one cross-shaped sign-symbol, are applied on the leveled surface of the boulder, using the picketing technique. Direct analogs of these images in the petroglyphs of the Bronze Age of Kazakhstan (Sauyskandyk and Kuljabasy) make it possible to draw certain parallels. However, an unambiguous and more accurate dating of the images is difficult and requires further searches for petroglyphs in this area.

Keywords: Bronze Age, Fedorovsky, Alakulsky, burial ground, fence, petroglyphs, bi-triangular style

Введение

В 2018 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е. А. Букетова были проведены исследования памятников бронзового века (Кетабан-2, Едирей) и раннего средневековья (Кетабан, Ащекен Сораны), расположенных в южных предгорьях Едирея (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.).

Следует подчеркнуть, что северо-восточная часть Каркаралинского района в археологическом плане неравномерно и недостаточно изучена. Это утверждение справедливо не только в отношении собственно раскопочных работ, но и отчасти мер, направленных на выявление памятников. В административно-территориальном плане этот регион разделен на пять сельских округов (Абайский, Аркалыкский, Каракольский, Мадийский, Сарытауский) и земли Куского лесного хозяйства. В ходе поисково-разведочных работ, проведенных преимущественно в советское время, выявлено 126 памятников [Ломан и др., 2004, с. 147–69, 171–172] (практически все располо-

жены в Мадийском и Сарытауском с/о) различных исторических эпох, из которых 44 предварительно отнесены к эпохе бронзы.

На данный момент, судя по опубликованным материалам, осуществлены исследования на пяти памятниках бронзового века. Федоровские комплексы выявлены на могильниках Жыланды 1, 3 [Кукушкин, 2014], алакульские – на могильнике Тундык [Кукушкин и др., 2015], некоторое смешение выше обозначенных культурных традиций отмечено при исследовании некрополя Жыланды-4 [Кукушкин И., Кукушкин А., 2014]. Материалы донгальского типа финальной бронзы получены на поселении Едирей-2 [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 113–134, 237–240]. Эти единичные данные вместе с тем демонстрируют типичную для эпохи бронзы Центрального Казахстана картину культурно-исторического процесса.

Таким образом, даже посредством беглого обзора представляется возможным продемонстрировать актуальность публикации новых материалов из северо-восточной части Каркаралинского района. В рамках данной статьи предлагается обратить

ся к результатам исследований комплексов бронзового века могильника Кетабан-2 и местонахождения петроглифов Едирей.

Материалы исследований могильника Кетабан-2

Памятник находится в Мадийском сельском округе Каркаралинского района Карагандинской области, в 287 км восточнее областного центра, в 31 км восточнее-северо-восточнее пос. Аркалык, в 4,6 км западнее горы Ащекен Сораны, в 4,2 км юго-западнее зим. Намазбай, в 4,1 км южнее одноименной горы, в 2,5 км северо-восточнее зим. Айнакай. На погребальном поле, устроенном на невысоком всхолмлении и его склонах, визуальнo зафиксированы 11 сооружений бронзового века. Они представляют собой курганы с каменными ограждениями в полах насыпей (№ 1, 4–8) диаметром до 8 м, высотой до

0,3 м и ограды округлой и овальной в плане формы (№ 2–3, 9–11) диаметром до 5,5 м. В 2018 г. на памятнике были раскопаны сооружения № 9–10 (рис. 1).

Сооружение № 9 до раскопок представляло собой задернованную ограду, стенки которой возвышались до 0,4 м над современной поверхностью. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 5,5 м. После снятия поверхностного грунта была расчищена конструкция в виде двойной концентрической ограды. Внешняя состояла из вертикально врытых в материковый слой гранитных плит высотой до 0,5 м. Она имела округлую в плане форму диаметром 4 м. Внутренняя – имела аналогичную в плане форму диаметром 3 м, но была сложена из плашмя уложенных в один ряд камней и плит. В центральной части сооружения зафиксированы фрагменты разбитого каменного перекрытия погребения № 1 (рис. 2).

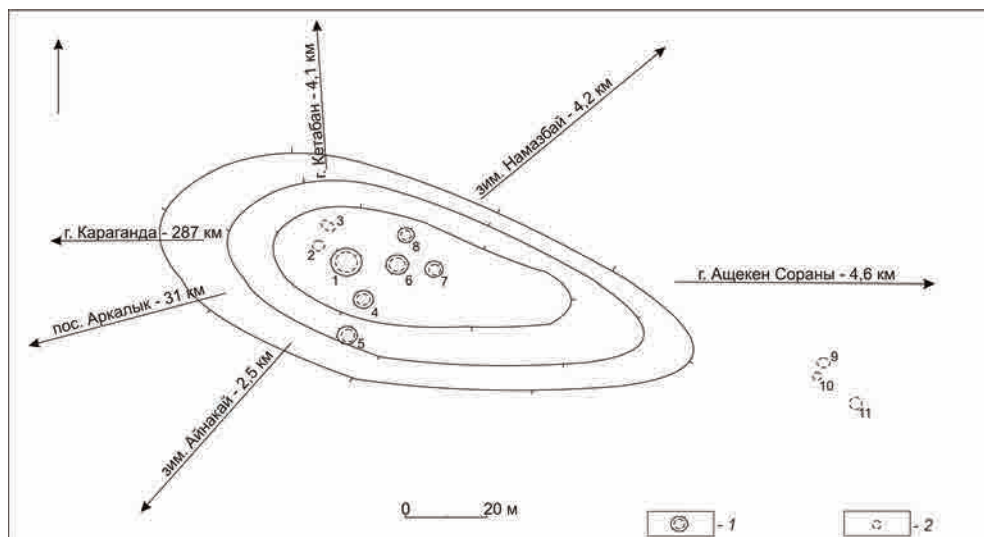

Рис. 1. Ситуационный план могильника Кетабан-2: 1 – курган; 2 – ограда.
Рисунок Е.А. Дмитриева

Fig. 1. Situational plan of the burial ground Ketaban-2: 1 – barrow; 2 – fence.
Drawing by E.A. Dmitriev

Погребение № 1 представляло собой каменный ящик размерами 1,3×0,65 м, глубиной 0,7 м, ориентированный длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 3, 1). На дне могилы в юго-западной ее половине зафиксировано скопление кальцинированных костей, а также пронизь (рис. 4, 5), бусина (рис. 4. 4) и фрагмент керамики (рис. 4. 6).

Металлическая пронизь – рифленая, изготовлена из тонкого листа металла (до 0,1 см толщиной), несомкнутая. Длина 2,2 см. Размер сечения 0,5×0,45 см.

Металлическая бусина – колечковидная, диаметром 0,45 см, шириной 0,3 см. Покрыта хлоридами.

Фрагмент керамики – часть шейки со скругленным венчиком и узким

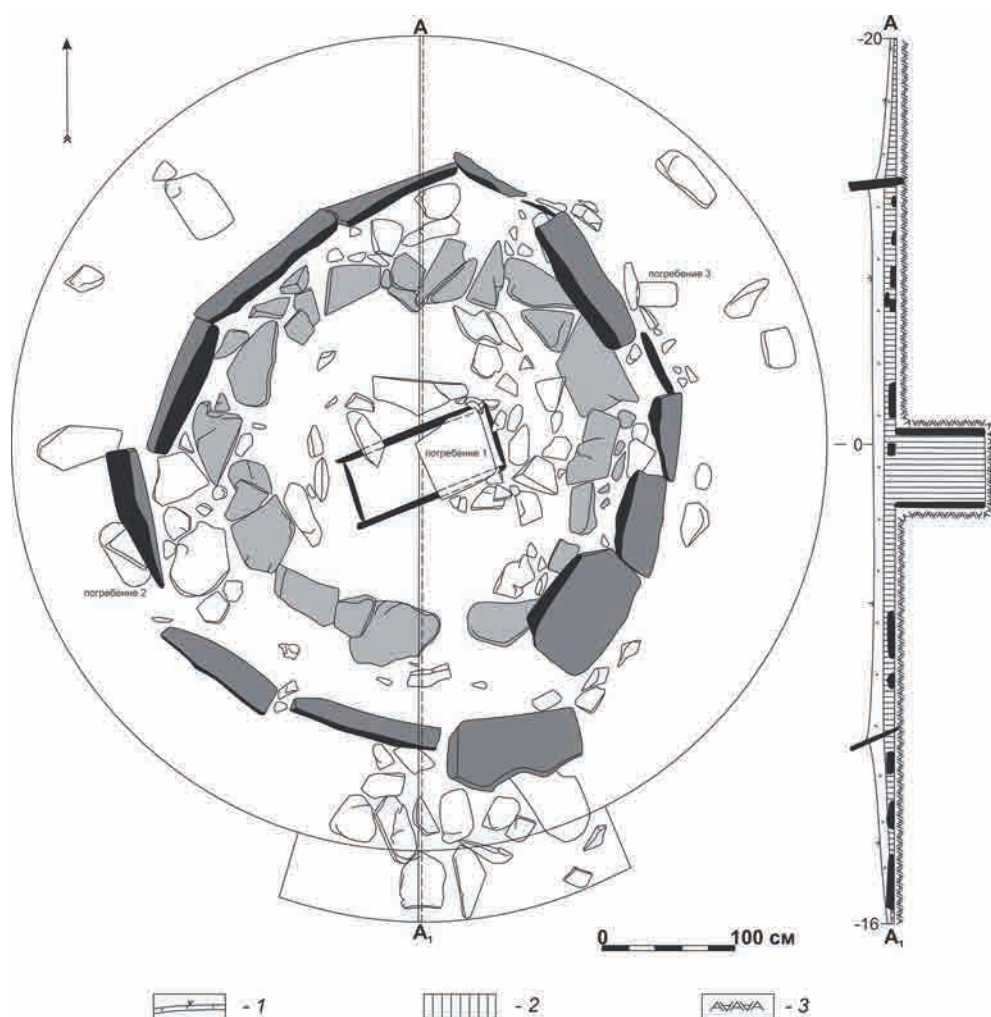

Рис. 2. Могильник Кетабан-2. План и профиль сооружения 9: 1 – дерн; 2 – слой грунта светло-коричневого цвета; 3 – материк. Рисунок Е.А. Дмитриева

Fig. 2. Burial ground Ketaban-2. Plan and profile of the structure 9: 1 – turf; 2 – light brown soil layer; 3 – mainland. Drawing by E.A. Dmitriev

заостренным формованным валиком у основания шейки. Под венчиком нанесена непрерывная цепочка наклонно заштрихованных треугольников, направленных вершинами вниз. Рисунок выполнен резной техникой.

За пределами сооружения зафиксированы два погребения.

Погребение № 2 выявлено на глубине 0,2 м от уровня материка. Представляло собой каменный ящик размерами 0,4×0,3–0,2 м, ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ, перекрытый каменными плитками (рис. 3, 2). В процессе выборки заполнения могилы было установлено, что юго-юго-восточная стенка ящика завалилась внутрь. На дне могилы расчищены останки скелета ребенка возрастом 0–1 мес. (38–40 недель от начала эмбрионального развития)* (см. табл. 1), который был уложен в скорченном положении на левом боку, кости рук согнуты в локтевых суставах и расположены у лицевого отдела черепа. Ориентировка костяка – ССЗ. На останки был поставлен керамический сосуд (рис. 4, 1), возле которого лежала упавшая крышка из боковины неорнаментированного толстостенного сосуда (рис. 4, 2).

Керамический сосуд – баночной формы, с расширяющимися кверху стенками и уплощенным венчиком, под которым нанесены две условно «параллельные» горизонтальные опоясывающие линии, а ниже изображен шестирядный, непрерывный горизонтальный зигзаг. Рисунок выполнен протаскиванием гладкого штампа. Ди-

аметр устья 13,6 см, диаметр дна 7 см. Высота сосуда 11,6 см (рис. 4, 1).

Погребение № 3 зафиксировано на глубине 0,2 м от уровня материка и представляло собой перекрытую внахлест двумя каменными плитами грунтовую яму овальной в плане формы, ориентированную по линии З–В. Размеры ямы 0,35×0,25×0,15 м (рис. 3, 3). В ней расчищены останки двух умерших, имевших различную сохранность. «Восточный» костяк представлен лишь фрагментами разрушенного черепа, в связи с чем установить достоверную ориентировку и позу не представляется возможным. «Западный» костяк, принадлежащий ребенку 1,5–3 месяцев, был уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на запад. У изголовья поставлен керамический сосуд.

Керамический сосуд – горшководной формы, с округлым плечом, с плавно изогнутой, отогнутой наружу шейкой со скругленным венчиком. Не орнаментирован. Диаметр устья 9,5 см, диаметр по основанию шейки 9 см, максимальный диаметр по плечу 9,2 см, диаметр дна 7 см. Высота шейки 1,3 см, высота плечика 1,3 см. Общая высота сосуда составляет 8,8 см (рис. 4, 3).

Сооружение № 10 до раскопок представляло собой слабо задернованную ограду, плиты которой возвышались над современной поверхностью до 0,4 м. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 3 м. После снятия поверхностного грунта были

*С целью конкретизации возраста обнаруженных останков здесь и далее были проведены метрические измерения отдельных костей, имевших хорошую сохранность. Полученные данные были сопоставлены с таблицами возрастных характеристик длин костей из разных источников [Maresh, 1970; Fazekas, Kosa, 1978; Jeanty, 1983], приведенных в монографии М. Шэфера, С. Блэка и Л. Шойер [Schaefer et al., 2009]

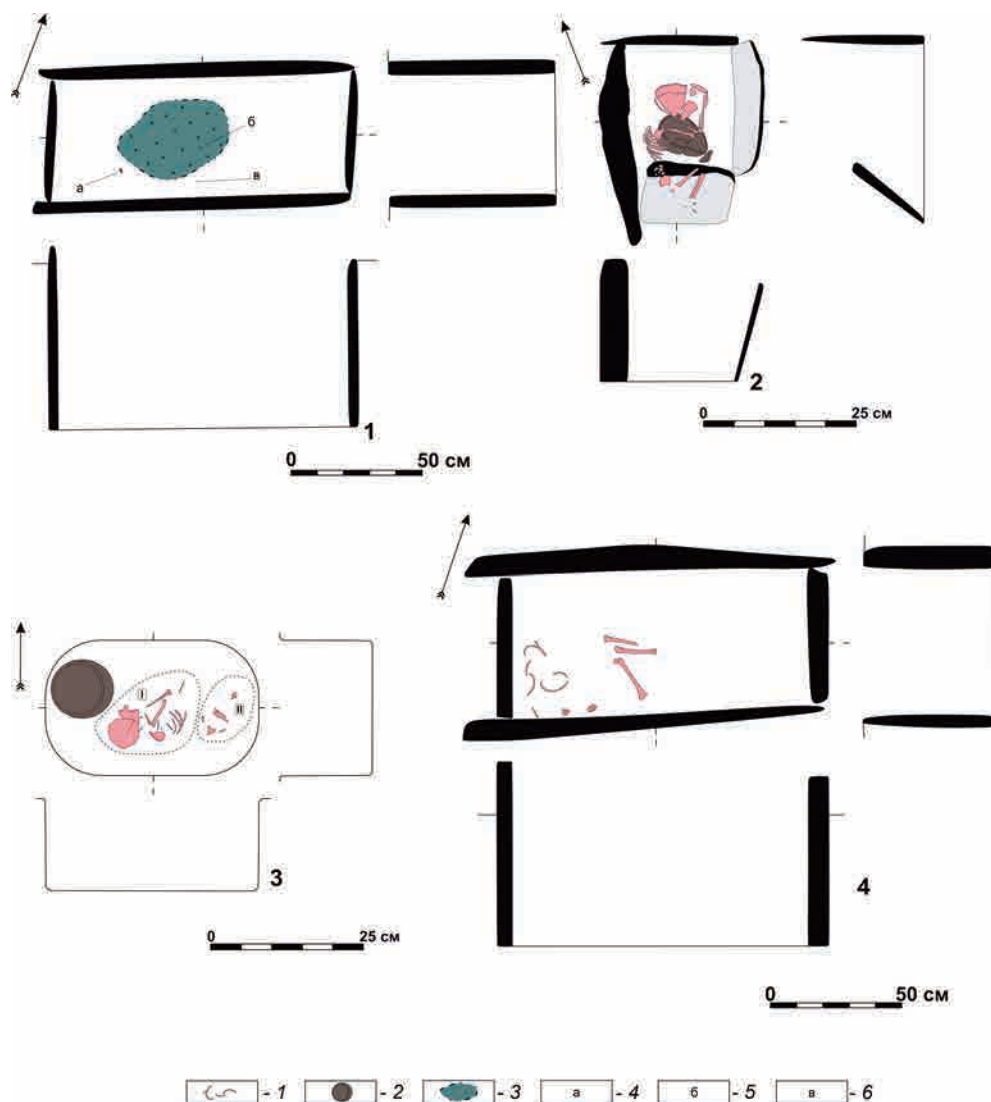

Рис. 3. Могильник Кетабан-2. Планы и разрезы погребений: 1 – кости; 2 – керамический сосуд; 3 – кальцинированные кости; 4 – фрагмент керамики; 5 – металлическая пронизь; 6 – металлическая бусина. Рисунок Е.А. Дмитриева

Fig. 3. Burial ground Ketaban-2. Burial plans and sections: 1 – bones; 2 – ceramic vessel; 3 – calcified bones; 4 – a fragment of ceramics; 5 – metal cylindrical bead; 6 – metal bead. Drawing by E.A. Dmitriev

расчищены остатки разрушенной кольцевой ограды диаметром 2,8 м, состоящей из вертикально врытых в материковый грунт гранитных плит высотой до 0,6 м. Во внутреннем пространстве комплекса зафиксирована юго-западная часть второй ограды,

возведенной из плашмя уложенных в один ряд камней (рис. 5).

Могила представляла собой установленный в грунтовой яме каменный ящик, имевший на момент раскопок разбитое перекрытие, обломки которого фиксировались в его

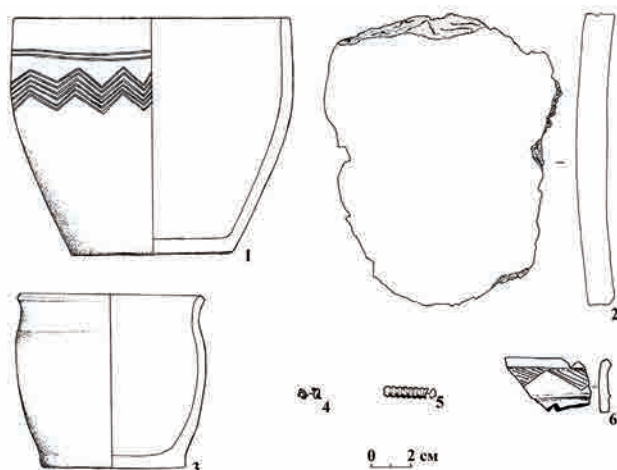

Рис. 4. Могильник Кетабан-2. Находки.
Рисунок Е.А. Дмитриева

Fig. 4. Burial ground Ketaban-2. Finds.
Drawing by E.A. Dmitriev

заполнении. Размеры – 1,4×0,75 м. Ориентировка – ЮЗ–СВ (рис. 3, 4).

В процессе выборки заполнения могилы, в юго-западной ее части, у дна, зафиксированы разрозненные останки скелета ребенка 6–8 лет и кости животного, в том числе астргал мелкого рогатого скота. Глубина могилы 0,75 м (от поперечных краев стенок) и 0,6 м (от продольных краев стенок).

Культурно-хронологическая принадлежность. Исследованные сооружения представляли собой двойные кольцевые ограды небольших размеров (2,8–4 м), возведенные различными строительными приемами. Внешнее ограждение состояло из вертикально врытых в материковый грунт плит. Внутренние ограды (наиболее полно зафиксирована в процессе исследования сооружения № 9) сложены из плашмя уложенных плит и камней. Данное архитектурное решение в Центральном Казахстане свойственно

носителям федоровской культуры и было отмечено, к примеру, на могильниках Аксу-Аюлы [Маргулан и др., 1966, с. 166, рис. 78], Ортау-2 [Маргулан и др., 1966, с. 178, рис. 88], Талдинский-1 [Кукушкин и др., 2020], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2017, с. 193, 195, рис. 7]. Причем на приведенных памятниках отмечается именно аналогичная оградкам Кетабан-2 последовательность применения строительных приемов. Если отвлечься от такой точности, то круг аналогов будет значительно шире.

Довольно примечателен принцип расположения могил на погребальной площадке сооружения № 9: во внутриоградном пространстве находится условно «взрослое» погребение, что подкрепляется размерами могилы (1,3×0,65 м), а за пределами ограды, вплотную к слагающим ее плитам, устроены детские захоронения. Аналогичное расположение было отмечено при исследовании федоровских сооружений могильников Шерубай-1 [Кукушкин, Дмитриев, 2018, с. 44, рис. 2] и Акимбек [Кукушкин, 1992, с. 91].

Ориентировка центральных могил обоих сооружений ЮЗ–СВ, а детских З–В и ССЗ–ЮЮВ, т.е. преобладает с некоторыми отклонениями ось З–В, что характерно как для федоровской, так и для алакульской культур [Кузьмина, 2008, с. 115–249]. Традиционно для обеих культур, зафиксированное в детских захоронениях положение останков умерших – скорченно, на левом боку.

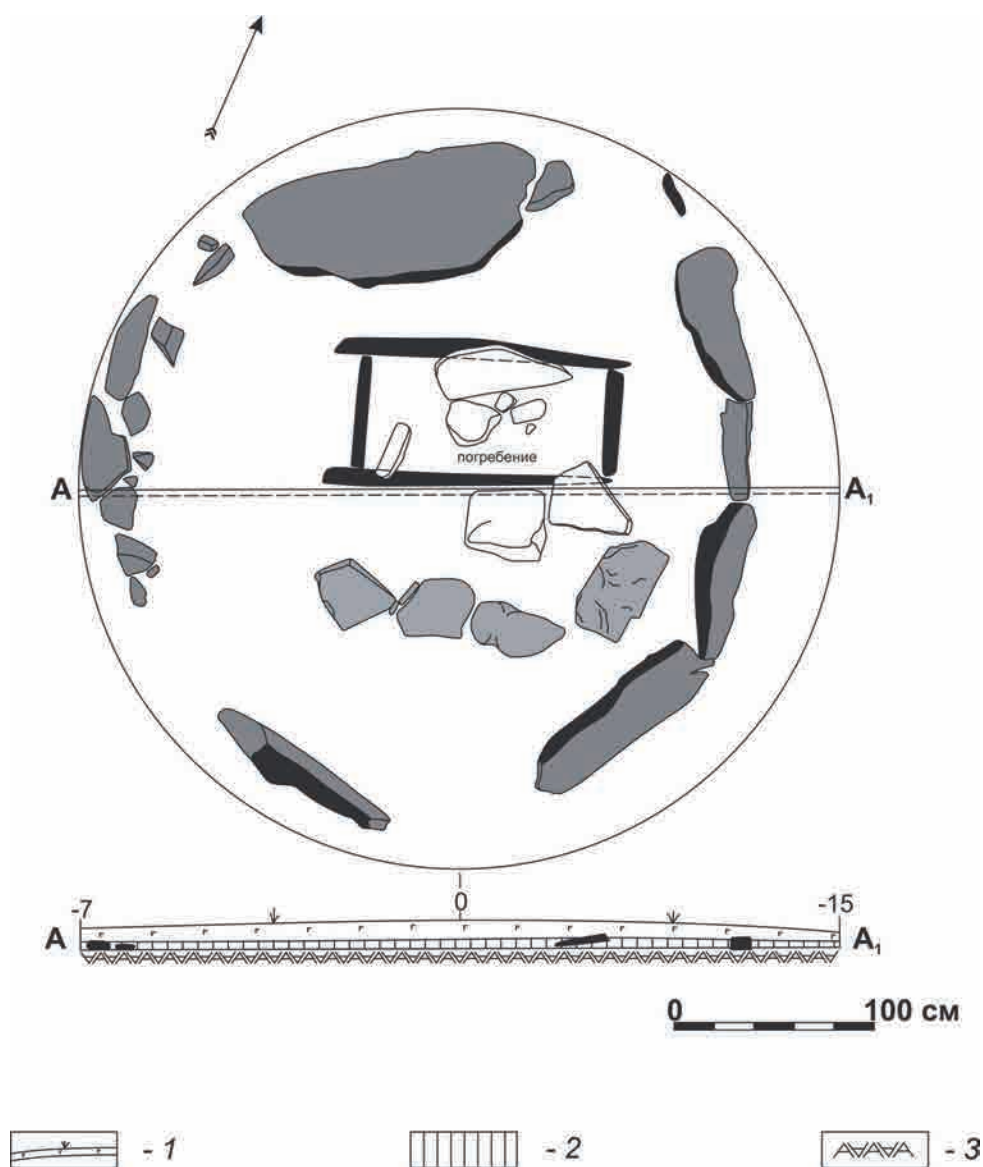

Рис. 5. Могильник Кетабан-2. План и профиль сооружения 10: 1 – дерн; 2 – слой грунта светло-коричневого цвета; 3 – материк. Рисунок Е.А. Дмитриева

Fig. 5. Burial ground Ketaban-2. Plan and profile of the structure 10: 1 – turf; 2 – light brown soil layer; 3 – mainland. Drawing by E.A. Dmitriev

Наличие кремации в погребении № 1 сооружения № 9 можно рассматривать в качестве маркера федоровской погребальной обрядности, а общий биритуализм в выборе способов обращения с телами умерших подчеркивает региональную специфику дан-

ной культурной традиции [Дмитриев и др., 2019, с. 14].

Керамический комплекс насчитывает четыре сосуда в целом и фрагментированном состоянии и не является показательным в плане форм или орнаментации. Следует отметить, что

Таблица 1 – Метрические характеристики костей, использованных для определения возраста и источника сопоставления

Номер сооружения, погребения	Название кости	Длина без эпифизов, мм	Сопоставлено с: Schaefer et al., 2009	
			Суммарный интервал в мм, возраст	Источник
Соор. 9, погребение 2	плечевая	64	55,0–70,0 (38–40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 171]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 172].
	локтевая	59	55,0–66,5 (38–40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 204]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 205].
	лучевая	53,5	45–58,0 (38–40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 188]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 189].
	бедренная	70	62,0–81,0 (38–40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 264]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 265].
	большеберцовая	63,5	54–71,5 (38–40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 284]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 285].
	малоберцовая	62	59–68,5 (40 нед.)	– измерения костей венгерских эмбрионов середины XX в. [Schaefer et al., 2009, p. 300]. – сонограммы зародышей конца XX в. (Брюссель, Бельгия) [Schaefer et al., 2009, p. 301].
Соор. 9, погребение 3	плечевая	75	65,7–86,4 (1,5–3 мес.)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 174].
	лучевая	62	59,7–70,2 (1,5–3 мес.)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 191].
	локтевая	71	62,8–78,0 (1,5–3 мес.)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 207].

Соор. 10, погребение 1	бедренная	276	2 5 6 , 5 – 308,2 (6–7 лет)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 267].
	плечевая	206	1 9 4 , 1 – 230,9 (7–8 лет)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 174].
	локтевая	170	1 5 7 , 9 – 186,3 (7–8 лет)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 207].
	лучевая	153	1 5 3 , 0 – 172,0 (7–8 лет)	– данные по американским детям, родившимся между 1915 и 1967 гг. и зарегистрированным в Детском исследовательском совете [Schaefer et al., 2009, p. 191].

неоднозначен в ракурсе определения культурной принадлежности фрагмент сосуда из погребения с кремацией. На нем нанесен узор по прямой орнаментальной сетке резной техникой, что может соответствовать как алакульской культуре, так и менее показательным, лишенным явных куль-

турно диагностирующих признаков, образцам федоровского гончарства. Как показано И. В. Рудковским, соотношение прямых и скошенных фигур у федоровцев при статичности базовых свойств орнаментики (65,1%) не следует превращать в стереотип [Рудковский, 2013, с. 44, 46].

Таблица 2 – Список AMS-дат федоровской культуры Центрального Казахстана

№	Наименование памятника	Шифр лаборатории, номер даты	14C-дата, л.н.	Калиброванные значения, гг. до н.э.	
				1σ	2σ
1	Могильник Бақыбулак	UBA-28367	3405±43	1743–1626 cal BC, 100%	1876–1843 cal BC, 7,2% 1822–1796 cal BC, 3,2% 1778–1608 cal BC, 86% 1604–1602 cal BC, 0,1% 1581–1559 cal BC, 2,3% 1556–1544 cal BC, 1,2%
2	Могильник Шерубай-1	U B A - 33183	3342±38	1671–1654 cal BC, 13,6% 1639–1597 cal BC, 38% 1594–1540 cal BC, 48,4%	1738–1714 cal BC, 6,7% 1693–1530 cal BC, 91,4% 1526–1518 cal BC, 1,9%

Таким образом, полученный на данный момент материал в целом не имеет однозначных (несмотря на превалирование типичных для федоровской культуры принципов архитектуры надмогильной конструкции и общего биритуализма обрядовой практики) аргументов (имеется в виду невыразительность керамокомплекса) в пользу той или иной культурной принадлежности. Нельзя не обратить внимание на большую вероятность синкретического характера исследованных сооружений.

Для установления предварительной датировки предлагается исходить из условно синкретического характера памятника, т.к. временный диапазон AMS-дат более узок в Центральном Казахстане для федоровских комплексов, нежели для алакульских. На данный момент опубликовано два радиоуглеродных определения, выполненных по могильникам Бақыбулак** [Бейсенов и др., 2014, с. 169, табл. 7] и Шерубай-1 [Кукушкин, Дмитриев, 2018, с. 47]. Анализы проведены в Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии (¹⁴CHRONO) Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия) (см. табл. 2). При калибровке использовалась шкала IntCal 20, что продиктовано также определенными отличиями от IntCal 13 для II тыс. до н. э., связанными со включением колец японских деревьев, демонстрирующих в этот период, видимо, региональные изменения в углеродно-климатическом цикле планеты, пока неясной природы [Reimer et al., 2020, p. 745].

По нашему мнению, следует использовать по возможности калиброванные значения по 1σ, т.к. несмотря на уменьшение процентной вероятности, такой подход позволяет оперировать более узкими хронологическими интервалами. В результате, в соответствии с 1σ, считаем возможным датировать исследованные сооружения могильника Кетабан-2 в рамках второй половины XVIII – конца XVI в. до н. э. (рис. 6).

Материалы исследований местонахождения петроглифов Едирей

Об изображениях на камнях сообщил местный житель, полагая, что это знаки-письмена. Памятник находится в Мадийском сельском округе Каркаралинского района Карагандинской области в 291 км восточнее-северо-восточнее областного центра, в 1,9 км южнее пос. Шалакбулак, у северо-восточного подножия гор Едирей в урочище Кызылшилик, в 238 м южнее сезонного ручья на участке равнинного межгорного пространства. Расположен на террасе площадью в несколько сотен метров под сопкой и на западном ее склоне, где периодически встречаются отдельные гранитные валуны различных размеров. Крупные камни хорошо заметны на местности и возвышаются над поверхностью на 0,8–1,5 м. На одном из них обнаружены изображения, а плоскость с рисунками обращена на юго-восток.

Размеры округлого валуна составляют в ширину 3,4 м, в высоту 1,45 м. Нижняя левая часть камня носит следы подработки с целью выравнивания поверхности, вероятно, спе-

**Необходимо отдельно обратить внимание на неоднозначный в плане культурной принадлежности облик керамического сосуда, не имеющий типичных маркеров федоровской орнаментальной традиции

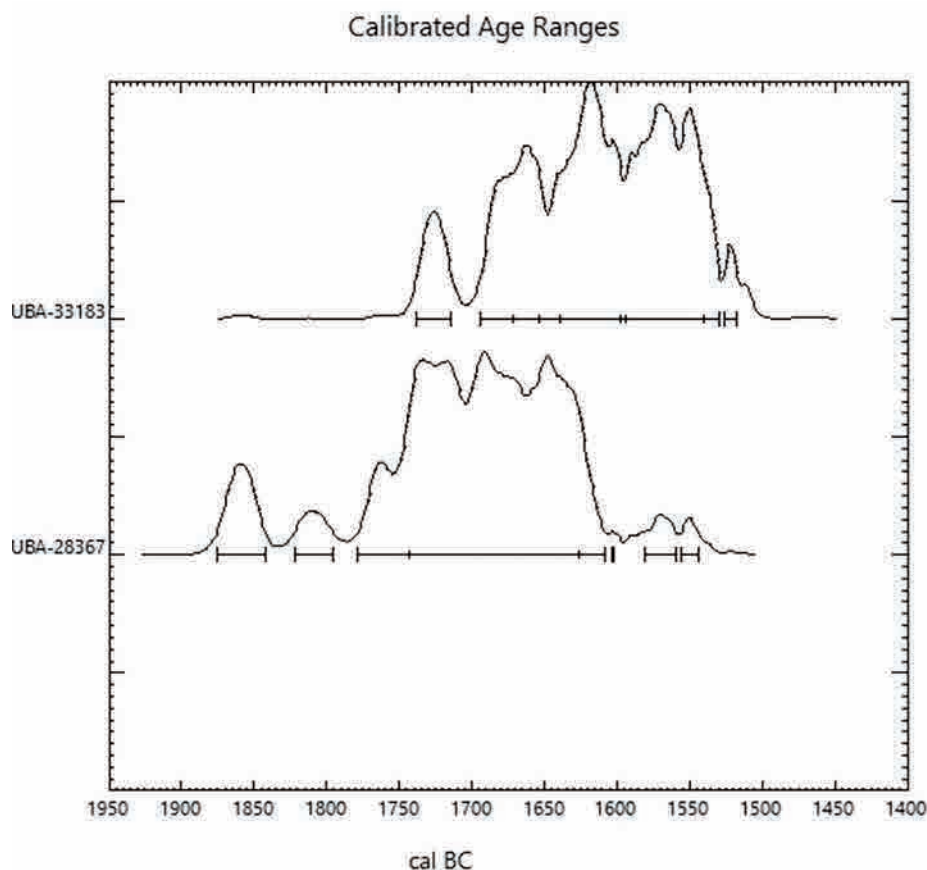

Рис. 6. Результаты калибровки* дат федоровской культуры Центрального Казахстана

Fig. 6. Calibration results of the Fedorov culture dates of Central Kazakhstan

циально предпринятой для нанесения петроглифов. Площадь, занятая рисунками, имеет ширину 1,8 м и высоту 0,8 м. Правая часть испорчена образовавшимися естественными сколами и трещинами в результате климатических факторов (перепад температур). Техникой пикетирования (среднеточечная и мелкоточечная сплошная выбивка глубиной 0,3–0,5 мм) нанесены четыре изображения – три антропоморфные фигуры и один знак-символ крестообразной формы.

Антропоморфные изображения прорисованы в фас и расположены горизонтально. Более детально показана первая фигура: размеры 0,2×0,3 м, округлая голова, длинная шея, руки расположены на линии широких плеч, согнуты в локтях и опущены вниз, туловище изображено двумя треугольниками, соединенными своими вершинами в области талии (битреугольный стиль), что демонстрирует атлетизм фигуры, две прямые ноги расставлены, ступни на-

*Калибровка выполнена в программе Calib Rev, версия 8.1.0

правлены в разные стороны. Второе антропоморфное изображение имеет размер 0,1×0,2 м: округлая голова на короткой шее, положение рук аналогичное первому без прорисовки левой, верхняя часть туловища показана треугольником вершиной вниз плавно переходящим в две ноги без ступней. Третье изображение чуть крупнее фигуры 1 (0,2×0,3 м), идентично по иконографии, но без прорисовки ног, возможно незакончено. Рисунок 4: знак-символ в виде равностороннего креста размером 0,15×0,2 м, у отрезка в левой части добавлен вниз небольшой луч. Осыпаящаяся зернистая порода и патинизация делает рисунки трудноразличимыми (рис. 7).

Местонахождение нуждается в дальнейшем исследовании и тщательной документации.

Обсуждение результатов

Первоочередной интерес вызывает битреугольный стиль, в котором выполнены рисунки. Ряд исследователей такие изображения считают характерными для изобразительного искусства Передней Азии. Импульсом для выделения данной традиции стало исследование местонахождения петроглифов Саймалы-Таш (Кыргызстан) [Шер, 1980].

С позиции историографии представляется возможным выделить две точки зрения относительно хронологии битреугольного стиля. Согласно А. Н. Бернаштаму, который первым обстоятельно занимался вопросом датировки рисунков данного изобразительного стиля, где основным аргументом для установления возраста были привлечены рисунки на расписной керамике в слое Сузы I и других памятниках Иранского нагорья, которые датировал II–I тыс.

до н.э. [Бернаштам, 1952, с. 65]. Однако позднее В. М. Массон посчитал такую датировку малообоснованной, т.к. если провести сопоставления наскальных изображений с расписной керамикой Сузы I и II, древнейший пласт петроглифов Саймалы-Таша следует датировать IV–III тыс. до н. э. [Массон, 1959, с. 116], т.к. комплекс Сузы I (или A) относится к середине IV тыс. до н. э. [Шер, 1980]. Важное значение в вопросе датировки битреугольного стиля в Средней Азии имеют изображения быка и оленя, перекрытые рисунком колесницы на больших колесах (Саймалы-Таш), отличающиеся по плотности загара, что позволяет установить хронологический приоритет рисунков животных в битреугольном стиле над последними [Шер, 1980].

Вместе с тем, при раскопках Ошского поселения чувской культуры были найдены два фрагмента керамики с фигурками животных, выполненных в битреугольном стиле, что позволило Ю. А. Заднепровскому датировать такую манеру изображений II – началом I тыс. до н.э. [Заднепровский, 1997]. Однако данная датировка вызвала резонные возражения ввиду малочисленности полученных материалов, т.к. керамическая коллекция Ошского поселения насчитывает около 15 тыс. экземпляров, из которых порядка 6 тыс. расписные фрагменты [Ташбаева, 2019, с. 213].

Резонные замечания на возможность поиска аналогий в древних наскальных изображениях Саймалы-Таша высказали А. Н. Марьяшев и Б. А. Железняков, опираясь на материалы памятника Кулжабасы, полагающие, что рисунки, созданные земледельцами Ферганы под влиянием культур Средней и Передней Азии,

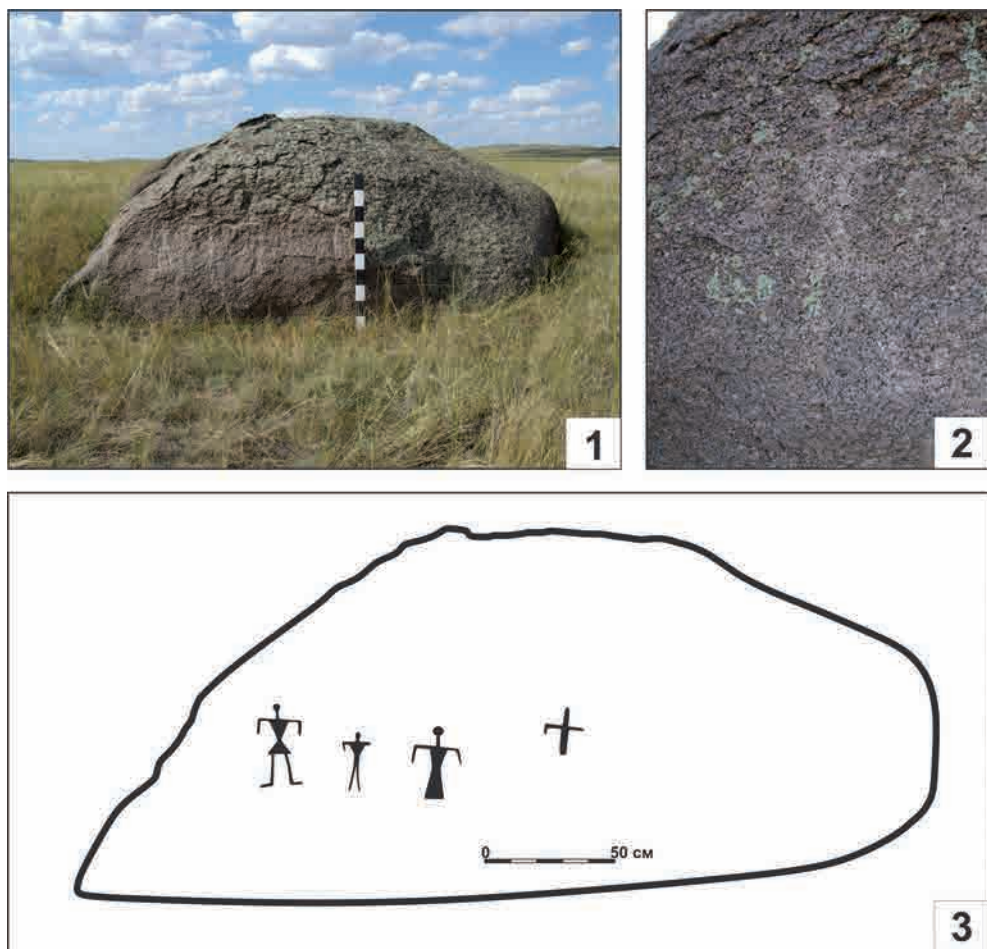

Рис. 7. Петроглифы Едирей: 1 – вид плоскости с рисунками; 2 – изображение человека в битреугольном стиле; 3 – прорисовка петроглифов

Fig. 7. Petroglyphs of Edirey: 1 – view of flat surface with drawings; 2 – image of a person in bit-triangular style; 3 – drawing of petroglyphs

некорректно сопоставлять с петроглифами, оставленными племенами степных культур, имеющими более представительные параллели в сюжетах и стиле изобразительных традиций степной зоны Монголии и Алтая [Марьяшев, Железняков, 2013, с. 19].

В сценах и композициях эпохи бронзы местонахождения Сауыскандык (хребет Большой Каратау) представлены более десятка антропоморфных изображений, туловища которых трактованы в виде битреугольников

[Самашев и др., 2014]. Это многочисленные лучники в рогатых масках [Самашев и др., 2014, рис. 414, 416, 417, 419 и т.д.] и головных уборах в виде птичьих перьев [Самашев и др., 2014, рис. 99, 103, 104, 145, 455 и т.д.]. Анализ иконографических особенностей изображений людей с битреугольными корпусами Сауыскандыка позволил рассматривать их, наряду с «солнцеголовыми» персонажами Тамгалы, «...как маркеры путей культурных контактов (но не миграции)

носителей определенной изобразительной традиции населения Ферганского хребта и других южных регионов с северными территориями», что и привело в результате диффузии к формированию «саймалыташско-тамгалинского феномена наскального искусства ранней и средней бронзы» [Самашев и др., 2014, с. 255, 257].

Сходство сюжетов из раскопок Гонура с центрально-азиатскими петроглифами уже отмечалось исследователями [Рогожинский, 2011, с. 87–99] и нашло яркое выражение в древнейших петроглифах на территории Киргизии и Узбекистана в виде самобытного битреугольного стиля. Соединение этих двух импульсов в урало-казахстанских степях на рубеже III и II тыс. до н.э. возможно и привело к возникновению новой – андроновской изобразительной традиции [Novozhenov, Shvets, 2020, p. 103].

Не исключено, что наскальные рисунки Едирей являются составной частью археологических комплексов эпохи бронзы, представленных

в первой части статьи, отражая художественные традиции и мировоззрение местного населения. Датировка изображений затруднительна и требует дальнейшей разработки проблематики.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, следует подчеркнуть слабую изученность северо-восточной части Каркаралинского района в археологическом плане, отмечая при этом перспективность планомерных исследований данных территорий. Несмотря на то, что публикуемые материалы могильника Кетабан-2 невыразительны, они все же расширяют в определенной мере фактологическую базу. Обращает на себя внимание вероятный синкретический характер исследованных сооружений. Исследование местонахождения петроглифов Едирей позволило выявить первый в Центральном Казахстане памятник, рисунки которого выполнены в битреугольном стиле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
2. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
3. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы Таш // СЭ. 1952. № 2. С. 50–68.
4. Дмитриев Е.А., Елибаев Т.А., Кукушкин А.И. Одномогильные бiritуальные захоронения федоровской культуры эпохи бронзы // РА. 2019. № 3. С. 7–18.
5. Заднепровский Ю.А. О датировке изображений геометрического стиля Саймалы-Таш // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1994–1995 гг.: краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ, 1997. С. 26–27.
6. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
7. Кукушкин И.А. Андроновские погребения Кентского ущелья // Маргулановские чтения–1990. М., 1992. Ч. I. С. 90–93.

8. Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рожд. выдающ. археолога К. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401–414.
9. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы–Тасмола», 2017. Т. 2. С. 188–202.
10. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // АЭАЕ. 2018. Т. 46. № 4. С. 42–48.
11. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: (VI Всерос. науч. конф.). Челябинск: Областное государственное бюджетное учреждение культуры «Челябинский государственный краеведческий музей», 2015. С. 136–143.
12. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Федоровские захоронения могильника Талдинский-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 2020. Вып. XXVI. С. 76–83.
13. Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Исследования на могильнике эпохи бронзы Жыланды-4 // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2014. С. 70–84.
14. Ломан В.Г., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В., Тулеуов Т.С. Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. Алматы: Иль-тех-кітап, 2004. 256 с.
15. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 436 с.
16. Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.
17. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 215 с.
18. Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. Кемерово: САИПИ, 2011. С. 87–99.
19. Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 192 с.
20. Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: изд-во филиала ИА им. А.Х. Маргулана в Астане, 2014. 374 с.
21. Ташбаева К.И. К проблеме датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). С. 213–215.
22. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
23. Fazekas I.Gy., Kosa F. Forensic Fetal Osteology. Budapest: Akademiai Kiado, 1978. 413 p.
24. Jeanty P. Fetal limb biometry // Radiology. 1983. No. 147. Pp. 601–602.
25. Maresh M.M. Measurements from roentgenograms // Human Growth and Development. 1970. Pp. 157–200.

26. Novozhenov V., Shvets I. Sauyskandik vehicles images as an indicator of communications // Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatay to Altai. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. Vol. 2. Pp. 82–110.

27. Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A. et al. The INTCAL20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, no. 4. Pp. 725–757.

28. Schaefer M., Black S., Scheuer L. Juvenile Osteology: a laboratory and field manual. Elsevier Inc., 2009. 369 p.

REFERENCES

1. Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Kasenalin, A. E. 2014. *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kultury Centralnogo Kazakhstana (Sites of the Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
2. Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. *Drevnie poseleniya Centralnogo Kazakhstana (Ancient settlements of Central Kazakhstan)*. Almaty: Inzhu-Marzhan (in Russian).
3. Bernshtam, A. N. 1952. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 50–68 (in Russian).
4. Dmitriev, E. A., Elibayev, T. A., Kukushkin, A. I. 2019. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archeology)*, 3, 7–18 (in Russian).
5. Zadneprovskiy, Yu. A. 1997. In: *Lavrovskie (sredneaziatsko-kavkazskie) chteniya 1994–1995 gg.: kratkoe sodержanie dokladov (Lavrov (Central Asian-Caucasian) readings 1994–1995)*, 26–27 (in Russian).
6. Kuzmina, E. E. 2008. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kulturnoy obshhnosti (Classification and periodization of the sites of the Andronov cultural community)*. Aktobe: PrintA (in Russian).
7. Kukushkin, I. A. 1992. In: *Margulanovskie chteniya–1990 (Margulan readings–1990)*, I, 90–93 (in Russian).
8. Kukushkin, I. A. 2014. In: *Dialog kultur Evrazii v arheologii Kazakhstana (Dialogue of Eurasian cultures in the archeology of Kazakhstan)*, 401–414 (in Russian).
9. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*, vol. 2, 188–202 (in Russian).
10. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 46, 4, 42–48 (in Russian).
11. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2015. In *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: (VI Vseros. nauch. konferenciya) (Ethnic interactions in the Southern Urals: (VI All-Russian scientific conference))*, 136–143 (in Russian).
12. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2020. In: *Sohraneniye i izuchenie kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altay)*, XXVI, 76–83 (in Russian).
13. Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I. 2014. In: *Drevnosti Sibiri i Centralnoy Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*, 70–84 (in Russian).
14. Loman, V. G., Beisenov, A. Z., Evdokimov, V. V., Tuleuov, T. S. 2004. *Arheologicheskaya karta Karkaralinskogo rajona Karagandinskoy oblasti (Archaeological map of the Karkaraly of the Karagandy region)*. Almaty: Ilteh-kitap (in Russian).
15. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orabayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Centralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
16. Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kuljabasy (Antiquities of Kuljabasy)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).

17. Masson, V. M. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)*, 215 (in Russian).
18. Rogozhinskij, A. E. 2011. In *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve (Rock art in modern society)*. Kemerovo: SAIPI, 87–99 (in Russian).
19. Rudkovskiy, I. V. 2013. *Andronovskaya ornamentika v kontekste sistemoobrazuyushhih invariantov (Andronov ornamentation in the context of system-forming invariants)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
20. Samashev, Z., Murgabaev, S., Eleuov, M. 2014. *Petroglify Sauyskandyka (Petroglyphs of Sauyskandyk)*. Astana: izd-vo filiala A.Kh. Margulan Institute of Archeology v Astane (in Russian).
21. Tashbaeva, K. I. 2019. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Centralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kulturnom prostranstve (novye dannye i koncepcii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of Eurasian (new data and concepts))*, vol. 1: *Drevnyaya Centralnaya Aziya v kontekste evraziyskogo kulturnogo prostranstva (novye dannye i koncepcii)*. Saint Petersburg: Institute for History of material culture, 213–215 (in Russian).
22. Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Centralnoy Azii (Petroglyphs of Middle and Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Fazekas, I. Gy., Kosa, F. 1978. *Forensic Fetal Osteology*. Budapest: Akademiai Kiado (in English).
24. Jeanty, P. 1983. In *Radiology*, 147, 601–602 (in English).
25. Maresh, M. M. 1970. In *Human Growth and Development*, 157–200 (in English).
26. Novozhenov, V., Shvets, I. 2020. In: *Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatay to Altay*. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, vol. 2, 82–110 (in English).
27. Reimer, P. J., Austin, W. E. N., Bard, E., Bayliss et al. 2020. In: *Radiocarbon*, vol. 62, 4, 725–757 (in English).
28. Schaefer, M., Black, S., Scheuer, L. 2009. *Juvenile Osteology: a laboratory and field manual*. Elsevier Inc. (in English).

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СОПКЕ САРЫАДЫР (археология и высотная съемка)

Эмма Радиковна Усманова¹, Джамбул Азмуханович Джумабеков¹,
Ерболат Жаксыбекович Рахманкулов²,
Айдын Сенгалиевич Жунисханов³, Сырым Ғадылбекұлы Есен³

¹научный сотрудник Сарыаркинского археологического института
при НАО «Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова»,
г. Караганды, Казахстан. E-mail: emmadervish2004@mail.ru;

¹кандидат исторических наук, декан исторического факультета
НАО «Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова»,
г. Караганды, Казахстан. E-mail: azmukhan@mail.ru;

²научный сотрудник, Государственный историко-культурный
музей-заповедник “Бозок”, г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: mr.doublecherry@mail.ru;

³PhD докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: aidun1985@gmail.com;

³PhD докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: syrymesenov@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования двух погребальных сооружений на сопке Сарыадыр (п. Коргасын, Улытауский р-н, Карагандинская обл.). Объекты находятся в районе горной гряды Караторгай, которая расположена параллельно течению р. Караторгай. Данная местность в археологическом отношении мало изучена. Археологические раскопки в комплексе с высотной съемкой позволили выявить особенности расположения памятников в местном ландшафте. Культурно-хронологическая позиция сооружений была определена по особенностям погребального обряда. Сооружение Сарыадыр 1 – это каменная выкладка с вертикальными стенами относится к поздней кыпчакской погребальной традиции XIII – первой половины XIV в. Оригинальным является захоронение в виде композиции из отдельных частей ног с инвентарем (железный нож и наконечник стрелы). Другое сооружение курган Сарыадыр 2, по всей видимости, имеет поминальный характер и относится к разряду кенотафов. В его конструкции обнаружена стела типа «койтас», которая лежала плашмя. Ритуальное сооружение относится к бегазы-дандыбаевской культуре эпохи поздней бронзы. Сравнительный анализ значения топонима Сарыадыр с архаикой обрядов раскопанных сооружений обозначил сакральное значение сопки в контексте культуры кочевников Улытау.

Ключевые слова: кыпчакская погребальная традиция, стела, койтас, бегазы-дандыбаевская культура, топоним

САРЫАДЫР ШОҚЫСЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУ (археология және биіктік түсірілім)

Эмма Радиковна Усманова¹, Жамбыл Әзмұқанұлы Жұмабеков¹,
Ерболат Жақсыбекұлы Рақманқұлов², Айдын Сенғалиұлы Жүнісханов³,
Сырым Ғадылбекұлы Есен³

¹академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің
Сарыарқа археологиялық институтының ғылыми қызметкері,
Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: emmadervish2004@mail.ru;

¹тарих ғылымдарының кандидаты, академик Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды университетінің тарих факультетінің деканы,
Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: azmukhan@mail.ru;

²«Бозок» Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейінің ғылыми қызметкері,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: mr.doublecherry@mail.ru;

³Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторанты,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: aidun1985@gmail.com;

³Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторанты,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: syrym.e@mail.ru

Аннотация. Мақалада Сарыадыр шоқысында (Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы, Қорғасын ауылы) зерттелген екі жерлеу құрылысының нәтижелері баяндалады. Нысан Қараторғай тау тізбегіне жатады және Қараторғай өзенінің бойында орналасқан. Археологиялық тұрғыдан аймақ өте аз зерттелген. Биіктен түсірілген суреттер мен археологиялық зерттеу жұмыстары жергілікті ландшафтыда ескерткіштердің орналасу ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Құрылыстың мәдени-хронологиялық шегі жерлеу ғұрпының негізінде анықталды. Тігінен қойылған тұғыртас бар, тас құрылысты Сарыадыр 1 құрылысы – XIII–XIV ғасырдың бірінші жартысымен мерзімделетін кейінгі қыпшақ заманының жерлеу дәстүріне тән ескерткіш. Адамның аяқ сүйектерінің жекелеген бөліктерін темір пышақ және жебе ұшы сияқты ахиреттік заттарымен қоса жерлеу өзіндік ерекше бір жерлеу дәстүрі болып табылады. Сарыадыр 2 – аза тұту мақсатында тұрғызылған оба болуы мүмкін және ол кенотафтар қатарына жатады. Тас конструкциядан «қойтас» типіндегі тұғыртас анықталды. Ескерткіш соңғы қола дәуірінің Беғазы – Дәндібай мәдениетіне тиесілі. Сарыадыр топонимін зерттелген нысандарда жасалған көне рәсімдермен салыстырмалы талдау нәтижелері аталмыш шоқының Ұлытау өңірінің көшпелілерінің мәдениетінде сакралды мәнге ие болғандығын көрсетті.

Түйін сөздер: қыпшақ жерлеу дәстүрі, тұғыртас, Беғазы-Дәндібай мәдениеті, топоним

RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE HILL SARYADYR (archeology & altitude shooting)

Emma R. Usmanova¹, Jambul A. Jumabekov¹, Erbolat Zh. Rakhmankulov²,
Aydin S. Zhuniskhanov³, Syrym Yessen³

¹Researcher of the Saryarka Archaeological Institute of the Buketov University,
Karagandy, Kazakhstan. E-mail: emmadervish2004@mail.ru;

¹PhD, Dean of the Faculty of History, Buketov Karagandy University,
Karagandy, Kazakhstan. E-mail: azmukhan@mail.ru;

²Researcher, “Bozok State Historical and Cultural Museum-Reserve”,
Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: mr.doublecherry@mail.ru;

³PhD student of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov,
Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: aidun1985@gmail.com;

³PhD student of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov,
Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: syrymesenov@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study of two burial structures on the Saryadyr hill (Karagandy region, Ulytau district, Korgasyn village). The objects are located in the area of the Karatorgay mountain range paralleled to Karatorgay river. This area is unknown in archaeological researching. Archaeological excavations in combination with high-altitude survey revealed the features of the location of sites in the local landscape. The cultural and chronological position of the structures was determined by the peculiarities of the funeral rite. The Saryadyr 1 is a stone structure with vertical steles belonging to the late Kypchak burial tradition of the 13th – first half of the 14th centuries. The original burial rite is in the form of a composition of individual parts of the legs with inventory such as an iron knife and an arrowhead. Another structure, the Saryadyr 2 mound, apparently had a memorial character and belonged to the category of cenotaphs. A lying flat stele of the type of “koytas” was in its design. The ritual structure belongs to the Begazy-Dandybay culture of the late Bronze age. A comparative analysis of the meaning of the toponym Saryadyr with the archaic rites of the excavated structures indicated the sacred significance of the hill in the context of the culture of the nomads of Ulytau.

Keywords: Kypchak burial tradition, stele, koytas, Begazy-Dandybay culture, toponym

Введение

В сентябре 2020 г. было исследовано два археологических объекта, расположенных в 14 км к северо-западу от п. Коргасын (Улытауский р-н, Карагандинская обл.). Цель исследований: высотная фиксация памятников истории в местном ландшафте и археологическое изучение объектов. В научном плане данный археологический микрорайон, который находится в ландшафте холмов, возвышенностей и узкой долины р. Караторгай, является «белым пятном». Группа новых погребальных памятников была обнаружена в ходе обследования этой местности директором «Национального историко-культурного и природного музея-заповедника Улытау» Б. С. Кожахметовым в 2018 г. В полевом сезоне 2020 г. было раскопано два погребальных сооружения, которые дополнили исторический контекст древностей Улытау.

Археологические объекты находятся в районе горного кряжа Караторгай, расположенного параллельно течению р. Караторгай. На правой

стороне реки находятся высшие точки кряжа, который состоит из слюдяного и глинистых сланцев, сильно приподнятых и разрозненных гранитами, зеленокаменными породами (диабазы, диориты, габбро, порфириты). Вершины в виде отвесных утесов отличаются от остальных гор этого кряжа неправильным напластованием слюдяного сланца с жилами кварцитов и кристаллических сланцев. В утесах, расположенных при повороте реки на северо-запад, известны свинцовые прииски, открытые в 1814 г. [Геологическая характеристика месторождения Кургасын. Интернет-ресурс]. Местность характеризуется обнажениями вдоль речных бортов, наличием оврагов в виде небольших каньонов и ущелий с различного рода отложениями (лессовидные суглинки и др.), которые смываются со склонов водными потоками [Караторгай, горный кряж. Интернет-ресурс]. Реки Караторгай и Жалдама берут свое начало на западной окраине Казахского мелкосопочника и, сливаясь, образуют исток реки Торгай.

Описание археологических материалов

Для археологических раскопок было выбрано два объекта на вершинах холмов под общим названием сопка Сарыадыр: группа погребальных сооружений Сарыадыр 1; курган Сарыадыр 2 (рис. 1). Следует отметить, что эта сопка по своей высоте является одной из главенствующей в окрестностях. С ее вершины открывается обзор местности на 10–20 км вокруг.

Группа Сарыадыр 1. Состоит из трех погребальных сооружений, которые располагаются на одной линии и хорошо фиксируются на поверхности (UTM 49.249696 66.610911). Главное сооружение в виде каменного кургана диаметром около 8 м и высотой 0,8 м находится на вершине, от него вниз по ложбине по линии СЗ–ЮВ на расстоянии 50 и 70 м друг от друга располагаются два сооружения в виде каменных выкладок. Ложбина с покатыми склонами длиной до 500 м, шириной

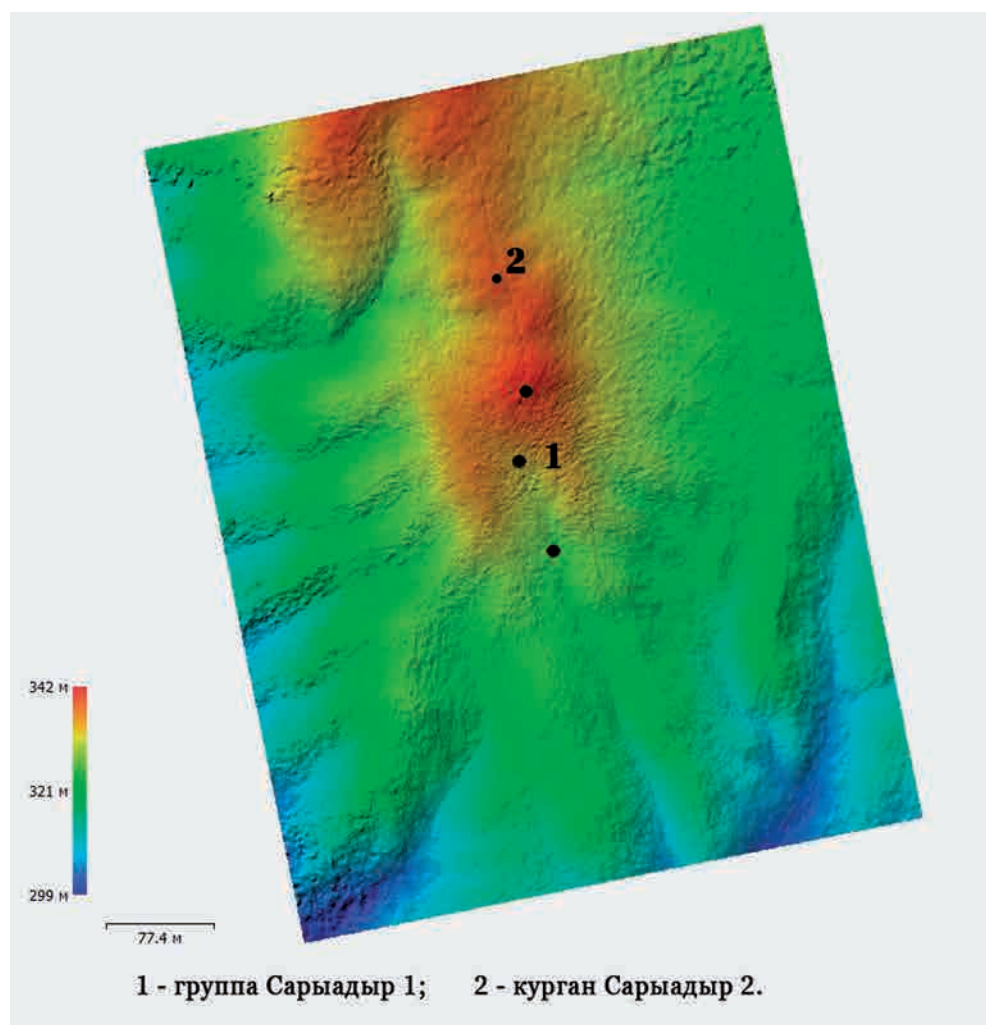

Рис. 1. Археологические объекты Сарыадыр 1 и 2. Ортофоплан и карта высот
Fig. 1 Archaeological site Saryadyr 1 and 2. Orthophoplan and elevation map

до 10 м. Искусственная земляная насыпь не фиксировалась в сооружениях, за исключением лёссового заполнения из суглинка между камнями, которое образовалось за счет смыва со склона. Камни сооружений колотые (преимущество диабазы, диориты зеленоватого цвета с включением жил кварца) неправильной геометрической формы, размерами 0,4×0,5–0,5×0,6 м. Две «ложбинные» выкладки имеют особенность в строении насыпи: поставленные в древности вертикально плиты подтреугольной формы, высотой до 1 м, которые со временем наклонились под углом. Предварительно форма выкладок определялась как четырехугольная размерами более четырех метров. Для археологического исследования было выбрано среднее погребальное сооружение 1, расположенное в центральной части ложбины между главным курганом и нижней выкладкой.

Курган Сарыадыр 2 находится на одной из вершин одноименной сопки в 150 м к северо-западу от основного кургана группы Сарыадыр 1 (UTM 49.250250 66.610923). Каменная насыпь высотой 0,5 м состоит из колотых камней разных пород (кварциты, порфириты, диориты) геометрической формы, размерами 0,3×0,4–0,4×0,6 м. Сооружение «вписано» своей формой в скальный выход, камни которого органично вошли в конструкцию сооружения.

Группа Сарыадыр 1, погребальное сооружение 1. Вскрытие произведено на месте сооружения при помощи раскопа прямоугольной формы размерами 6×6 м, ориентированного по сторонам света, с центральной бровкой, направленной по линии С–Ю. После расчистки выявлена конструкция постройки в плане комбинированной формы: северная половина имела округлый контур, южная – контур подквадратной формы, размерами по сторонам света 4,3×4 м, высотой до 0,6 м (рис. 2). Другой деталью являлась пристройка с юго-восточной стороны сооружения, прямоугольной формы в виде двух плашмя положенных на расстоянии 0,9 м друг от друга камней длиной до 0,6 м (рис. 3).

Погребальное сооружение состояло из внешнего и внутреннего кольца с забутовкой в центре из мелкого камня размерами 0,2×0,3 м. Внешнее кольцо в виде крепиды состояло из камней геометрической формы с заостренным верхом, положенных плашмя и под углом, размерами 0,4×0,5–0,4×0,6 м. Камни острыми концами наклонены к центру, нижними – к внешнему контуру кольца. Камни меньшего размера 0,15×0,25 м лежали внизу под наклоненными камнями и фиксировали их. Внутреннее кольцо состоит из камней вытянутой геометрической формы, уложенных по длине окружности к центру. Камни возвышаются над уровнем поверхности на высоту от 0,3 до 0,5–0,6 м (на чертеже указано в см).

Погребение. Выборка камня из центра и внутреннего кольца выявила четкий контур ограды внешней крепиды как главной конструктивной детали сооружения высотой от 0,4 до 0,6 м, шириной 0,8–1,5 м, в плане округлой формы, размерами 4,5×4 м (рис. 4). Внутри западной стороны ограды на уровне материка (–50–60 см) фиксировалась кладка высотой 0,3–0,4 м из двух рядов плашмя положенных камней прямоугольной формы размерами 0,2×0,3 м. Заполнение внутри ограды – суглинок лёссового происхождения с содержанием каменной крошки.

Следует отметить следующие особенности конструкции вы-

Рис. 2. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. Общий вид после вскрытия

Fig. 2. Burial structure Saryadyr 1. General view after unearthed

кладки: в устройстве использованы камни одной породы – диориты; по двум сторонам (северо-западная и юго-восточная) было установлено по два камня, которые не имели следов видимой обработки, условно обозначенные как стелы. Они имели подтреугольную форму с острым верхним концом и отличались от других камней своими размерами: высота до от 0,7 до 1,2 м, ширина по основанию до 0,4–0,5 м. По всей видимости, первоначально они были поставлены вертикально и со временем наклонились в юго-восточном направлении под углом в 45–50°, и сейчас возвышаются над уровнем крепиды на 0,6–0,8 м. Вертикальные плиты обозначены относительно сторон слева направо: СЗ – № 1, 2; ЮВ – № 3, 4 (рис. 5).

Была расчищена внутриогражденная площадка округлой формы раз-

мерами 2,2×2,1 м (рис. 6). Очертания погребения фиксировались в западной стороне площадки по светлому и относительно мягкому характеру грунта заполнению по сравнению с материком. Могильная яма в плане прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,7×1 м, ко дну сужается до размеров 1,3×0,7 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮВВ (рис. 7). Восточная половина площадки отличалась темным цветом грунта, скорее всего, это был уступ размерами 1,8×0,8 м, сделанный на материке для спуска в яму. Заполнение погребения – плотный суглинок с затеками. Создалось впечатление, что погребение было выдолблено в материке. Стенки ямы чуть пологие, дно плоское.

На глубине 0,6 м в центре дна ямы были обнаружены кости погребенного очень плохой сохранности.

Рис. 3. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. Общий вид после вскрытия
Fig. 3. Burial structure Saryadyr 1. General view after unearthed

Рис. 4. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. Вид кольца ограды
Fig. 4. Burial structure Saryadyr 1

Рис. 5. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. Вид стел

Fig. 5. Burial structure Saryadyr 1. View of the steles

Захоронение представляло собой неполный костяк в виде композиции из отдельно уложенных с сохранением анатомической последовательности бедренных и берцовых костей, ориентированных по линии ССЗ–ЮВВ, общей длиной 0,7 м с расстоянием между ними 0,2–0,25 м. При этом отсутствовали другие части ног: коленные чашечки, кости ступней. Впрочем, иные части скелета также не обнаружены. Скорее всего, в могильную яму были помещены только отдельные кости скелета в виде частей ног погребенного, ориентировка которых соответствовала линии направленности менгиров. По всей видимости, погребение не было разрушено намеренным проникновением и представляло собой частичное захоронение костей погребенного. Из-за плохой сохранности не представляется возможным говорить о помещении в яму костей скелета, свободных от мышеч-

ных тканей или отделенных ног от тела умершего.

В районе верхней части правой бедренной кости в 0,1 м от стенки могильной ямы был найден фрагмент пластинчатого черешкового железного наконечника (дротика?) со сломанным концом, возможно, треугольной формы, общей длиной около 8 см. У конца правой берцовой кости – железный черешковый наконечник стрелы, длиной 6 см, форма пера не сохранилась (треугольная?). Железо изделий плохой сохранности, поэтому установить точную форму предметов не удалось. Других находок не обнаружено. Вскрытая пристройка с южной стороны кольца не содержала находок. Очевидно, что на сохранность костей ног и железных вещей повлияло местонахождение сооружения в ложбине на пути следования потока воды, который замыкал лессом погребение.

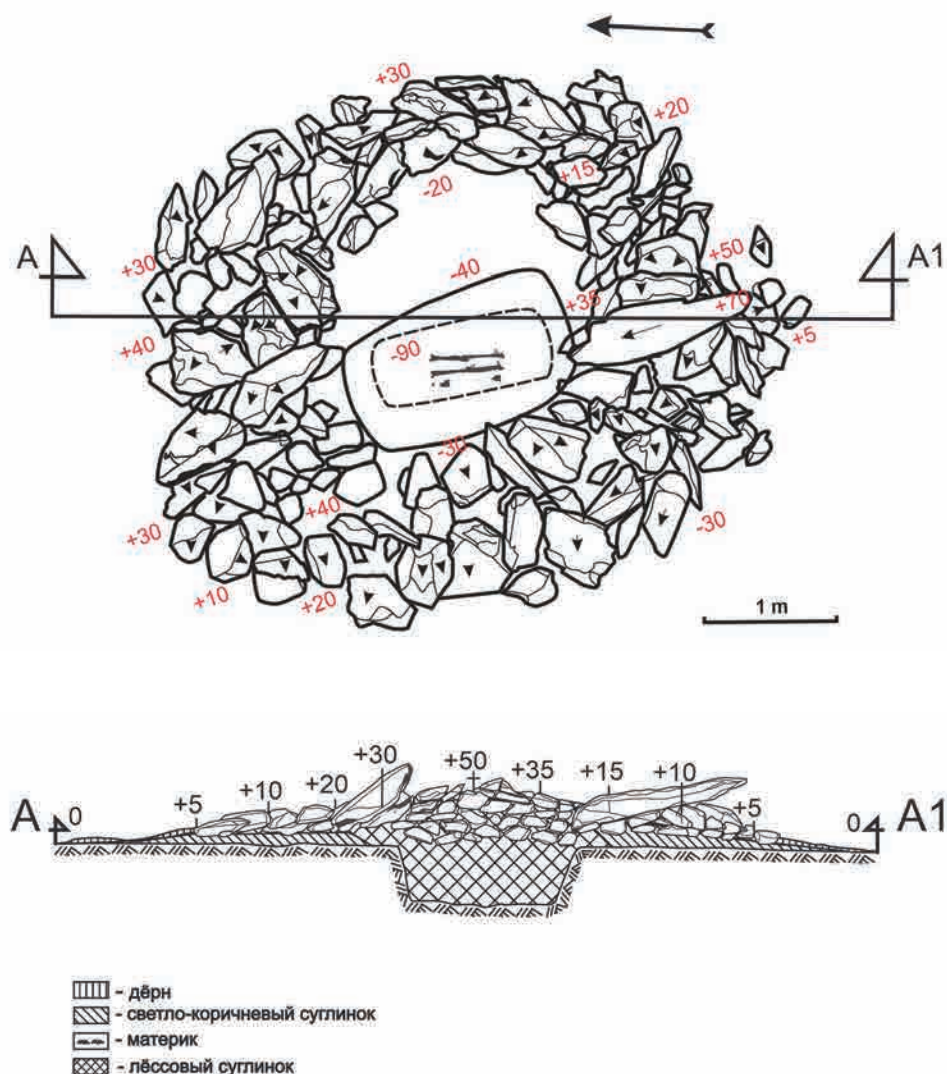

Рис. 6. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. План и профиль

Fig. 6. Burial structure Saryadyr 1. Plan and profile

С целью определения оригинальной характеристики стелы был вынут камень (ЮВ № 3) из крепи-ды, подтреугольной формы длиной 1,2 м, шириной 0,5–0,6 м. Нижняя сторона была заострена в виде кли-на длиной до 0,3 м, видимо, пред-назначенного для установки среди камней ограды. Скорее всего, клин

является результатом искусствен-ного скола, хотя видимых следов намеренной подтески не обнаруже-но. Камень доставлен на хранение в музей-заповедник «Улытау».

Курган Сарыадыр 2. Этот кур-ган отличается по своим внешним характеристикам от погребальных сооружений группы Сарыадыр 1: не-

большая высота до 0,5 м; камень насыпи небольших размеров ($0,3 \times 0,4$ – $0,3 \times 0,5$ м) представлен разными породами (кварциты, диориты, порфириты); использование в конструкции сооружения природных каменных выходов скалы; одиночное местонахождение на самой высокой точке холма; отсутствие двойного кольца крепиды.

Курган округлой формы диаметром 4 м. Вскрытие велось при помощи раскопа в плане округлой формы диаметром 4 м, с центральной бровкой, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ. Разрез профиля сооружения прошел по жиле скального выхода. По этой причине хорошо не фиксировался (на рисунке не указан). Особенностью конструкции насыпи является то, что контур западной половины

кургана был вписан в камни скального выхода, что затрудняло расчистку подкурганной площадки (рис. 8). После выборки грунта (плотный суглинок с содержанием каменной крошки) и камней из центра насыпи обнажилось кольцо ограды, которое являлось главным конструктивным элементом этого погребального сооружения. Контур ограды имел комбинированную форму: западный – округлой формы, восточный – подквадратной. Длина сторон ограды: восточная половина размером 3,5–3,6 м; западная – 3,1–3,2 м. Ширина кольца 0,5–0,8 м из плашмя уложенных камней размерами $0,3 \times 0,4$ – $0,3 \times 0,5$ м. Некоторые камни прямоугольной формы ($0,4 \times 0,7$ м) были сложены в один ряд по западному контуру ограды.

Рис. 7. Погребальное сооружение Сарыадыр 1. Вид погребения

Fig. 7. Burial structure Saryadyr 1. View of burial

Рис. 8. Погребальное сооружение Сарыадыр 2. Вид после вскрытия

Fig. 8. Burial structure Saryadyr 2. View after unearthed

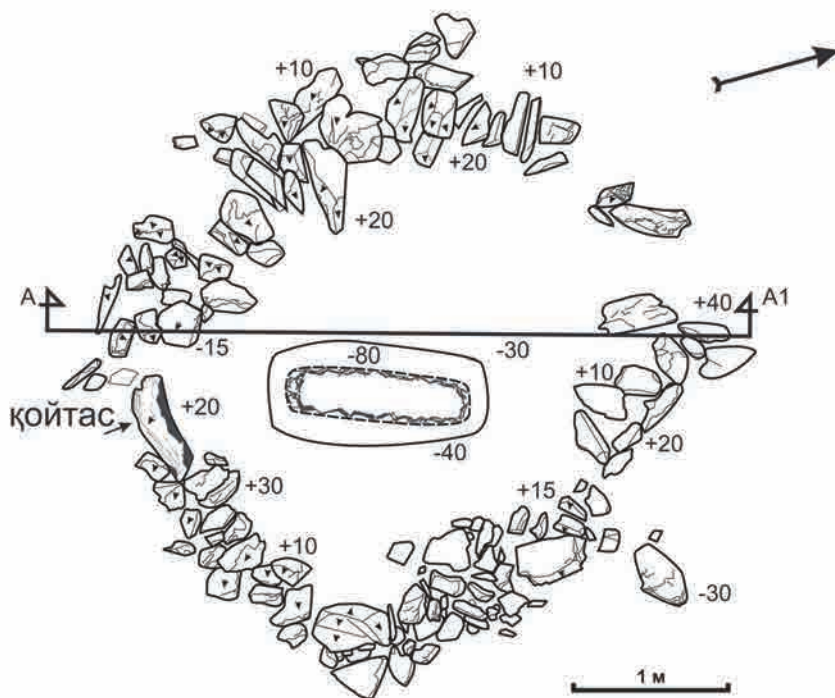

Рис. 9. Погребальное сооружение Сарыадыр 2. План

Fig. 9. Burial structure Saryadyr 2. Plan

Рис. 10. Погребальное сооружение Сарыадыр 2. Вид стелы «койтас»

Fig. 10. Burial structure Saryadyr 2. View of the stele "koytas"

В центре подкурганной площадки подквадратной формы размерами около 3×3 м, вдоль восточной стороны скальной жилы длиной около 2 м, была вскрыта яма (рис. 9). Ее очертания едва фиксировались на уровне материка (-40 см). Вскрытие ямы осуществлялось на основании мягкого характера грунта заполнения. В результате была выявлена яма в плане овальной формы размерами 1,5×0,6–0,8 м (1,3×0,4 м – у дна), ориентирована по линии С–Ю, глубиной 0,6 м. На ее дне фиксировались камни скального выхода. Яма пустая. Назначение ее не ясно, возможно, жертвенная или кенотаф.

Особенность погребальной конструкции. В южном конце бровки юго-восточного сектора кольца была уложена плита из белого кварцита, которая заметно отличалась по своей форме от других камней ограды.

По конфигурации она очень напоминает так называемый *койтас* («бараний камень»). Плита подпрямоугольной формы длиной 105 см, шириной в основании 30 см, в узкой части 22 см, толщиной 10 см, в сечении прямоугольной формы (рис. 10). Верхняя часть оформлена в виде стилизованной морды барана, подтреугольной формы, длиной до 12 см, шириной 8 см. С одной стороны на поверхности плиты наблюдаются следы грубых сколов. Длинная сторона плиты, противоположная «морде», имеет небольшую вогнутость, скорее всего, искусственного происхождения. В ограде *койтас* лежал перпендикулярно по отношению к яме, с «мордой», повернутой к ее восточной стороне. Плита была уложена в кольцо ограды и, скорее всего, она не стояла вертикально. Своей формой она была «вписана» в кольцо ограды и составляла вместе

с ней единый контур. Койтас доставлен на хранение в музей-заповедник «Улытау».

Обсуждение материалов, интерпретация и выводы

Культурно-хронологическая характеристика объектов. Группа Сарыадыр 1, погребальное сооружение 1. На основании погребального обряда и, прежде всего, малочисленного инвентаря (черешковые, пластинчатые железные нож и наконечник стрелы), данное сооружение можно отнести к восточной группе кыпчакских погребений урало-казахстанских степей XII–XIII вв. [Могильников, 1981, с. 194–195; с. 244, рис. 72, 74, 77, 86, 87]. Для них характерна каменная выкладка над погребением, преимущественно 3–СЗ ориентировки. Но погребальный ритуал этого сооружения не находит прямых аналогий в классической кыпчакской погребальной традиции: отсутствуют – конское захоронение, вещи военной атрибутики, быта, костюма. «В середине XIV в. в погребальном обряде кочевников происходят существенные изменения: из могил исчезают предметы конской сбруи, вооружения, большинство бытовых предметов <...>» [Иванов, Кригер, 1988, с. 31]. Ориентировка ССЗ–ЮВВ с вектором в сторону севера указывает на новые тенденции в оформлении погребального ритуала, которые связаны с изменением этнополитической картины периода Золотой Орды в Степи. Северная ориентировка погребений считается одной из отличительной черт монгольской культурной традиции «<...> представление о севере как направлении в страну мертвых, воспринятое, как полагают, у монгол, существовало и в тюркской среде» [Боталов, 2019, с. 270].

В контексте интерпретации погребение Сарыадыр 1 можно сравнить с погребениями урало-поволжских степей золотоордынского времени. Этот тип погребений связан с традицией племен, которые приходят из Сибири в составе монгольских войск. Для языческих кочевнических погребений восточной степной зоны XIII – первой половины XIV в. характерны каменная наброска-выкладка и каменное кольцо вокруг могилы [Иванов, 2013, с. 92–94]. Начинают преобладать такие признаки погребального обряда как северная ориентировка, простая могильная яма с вертикальным стенками, отсутствие костяков коней. Во второй половине XIV в. в связи с исламизацией кочевников Золотой Орды постепенно «уходят» многие языческие элементы из погребального обряда, происходит нивелировка компонентов инвентаря при сохранении в его составе престижных предметов типа украшений и монет [Иванов, Кригер, 1988, с. 41].

Вероятно, что погребение Сарыадыр 1 по своим элементам обряда принадлежит поздней кыпчакской погребальной традиции XIII – первой половины XIV в., которая оформилась после прихода в степь монгольских племен (в данном случае монголы это политоним – *прим. авт.*). При этом погребальный ритуал лишен многих монгольских элементов, таких как вертикально вкопанная кость ноги овцы, кости животных, культовые предметы. Единственный элемент, который объединяет с монгольской погребальной традицией золотоордынского образца – это вертикально установленная стела в каменную выкладку [Усманова и др., 2018, с. 106–113].

Что касается каменных изваяний, которые являются знаковым ко-

дом в половецко-кыпчакских ритуалах, то монгольское завоевание прервало существование этой системы хранения культурной информации [Бисембаев, 2003, с. 142]. Установка изваяний в кыпчакском обществе относится к культам поминального характера и не сопровождает погребальный ритуал, связанный с конкретной умершей личностью.

Оригинальный ритуал погребения Сарыадыр 1 – композиция на дне ямы из выложенных определённых частей костей ног умершего, четыре вертикальных стелы, отсутствие следов намеренного проникновения – указывает на его символический аспект со смещением в сторону поминального культа. В таком случае, кости ног могли символизировать отсутствующее тело умершего, стела представляла образ каменного изваяния.

Само погребение, спрятанное в ложбине, носило потаенный характер кенотафа – это тип погребения, который оформлялся в случае отсутствия костей погребенного или наличия лишь некоторых частей костяка. Можно предположить, что данное сооружение было выстроено с целью исполнения поминального культа, знаковый смысл которого кроется в системе кыпчакского мировоззрения.

Возможно, что идея кенотафа относится к воинскому характеру погребения, когда воин мог погибнуть где-нибудь на чужбине и до родного кочевья для похорон были доставлены лишь какие-то части тела. По своим ритуальным элементам погребение Сарыадыр 1 является оригинальным проявлением степного кочевнического погребального обряда XIII – первой половины XIV в. Прямых аналогий данному погребению нами пока не найдено.

Похожее по некоторым деталям погребение было раскопано одними из авторов статьи (А. С. Жунисханов и Е. Ж. Рахманкулов) в ограде 1 могильника Елекесазы (Тарбагатайский р-н, Восточно-Казахстанская обл.). Нетронутое погребение было впускным, в нем зафиксированы *in situ* нижние конечности (стопами вверх) погребенного в анатомическом порядке. Культурная принадлежность и дата погребения не определены. Этнографическая параллель погребению с характером кенотафа с символическим захоронением какой либо части тела известна в легенде о батыре Байеш. Недалеко от села Актубек (Жанааркинский р-н, Карагандинская обл.) располагается сопка под названием Байеш. По легенде здесь захоронен средний палец (по другой версии – мизинец) известного батыра Байеша из рода Алтай-Алысай, который погиб на войне с джунгарами. Батыр Байеш перед смертью отрезал себе средний палец и завещал (аманат) захоронить его и назвать эту местность его именем. Впоследствии на месте захоронения был построен кумбес (могила), а сопка носит его имя до сегодняшнего дня [Жанайдаров, 2014, 5–6-бб.]

Курган Сарыадыр 2. Единственным культурным и датирующим элементом сооружения является стела с особенностью в ее установке – лежала плашмя в кольце ограды. Нам не удалось определить факт ее вертикальной позиции в конструкции. При вскрытии сооружения создалось впечатление, что стела была плашмя изначально помещена в контур кургана. Возможно, что при совершении ритуала она первоначально находилась в вертикальной позиции. После его завершения стела была уложена в ограду.

В свое время А. Х. Маргуланом на основании визуальных данных о вертикально поставленных стелах в историческом ландшафте была «<...> произведена первичная систематизации объектов и выделено четыре типа: округлые, не имеющие четких геометрических очертаний; высокие четырехгранные стелы, в сечении близкие к квадратной форме; высокие уплощенные стелы с зачатками стилизации морды животных; уплощенные стелы средних и малых размеров с полукруглым завершением» [Ярыгин, 2011, с. 410].

Значительная часть менгиров (стел) была включена в комплекс памятников бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) эпохи поздней бронзы. Объекты, датированные этим периодом, названы как «*койтасы*» («бараньи камни»). Ученый предполагал, что в основе форм большинства стел представлен образ барана. Стелы занимают возвышенные места вблизи поселений, некрополей и рудников эпохи бронзы и являются своеобразными маркерами-символами определенных точек степного ландшафта. И только в единичных случаях имеют отношение к погребению [Маргулан, 1979, с. 276–277].

В дальнейшем типологизация А. Х. Маргулана была усовершенствована. В результате чего было выделено два основных типа, критерием для которых выступает расположение стелы на местности: одиночная установка; групповая [см. подробнее: Ярыгин, 2011, с. 408–416]. Стела сооружения Сарыадыр 2 относится к первому типу: установленный одиночный *койтас* с каменной постройкой. Только в этом случае *койтас* находится в горизонтальном положении.

Вертикальная постройка одиночной стелы в составе конструкции характерна для оленных камней Монголии, Тывы, Алтая (цит. Ковалев и др. по: [Ярыгин, 2011, с. 409]). При этом наиболее древними представляются изваяния без изображений. Культурный код стелы как ритуального объекта и образа символического маркера степного пространства восходит к эпохе палеометалла и получает продолжение в бегазы-дандыбаевское время. Архаическая традиция представлена в расположение стел в кольцевых оградках. Семантически и морфологически *койтасы* БДК входят в систему вертикально установленных стел, характерных для культурного ландшафта горностепного пространства Евразии от оленных камней Центральной Азии до киммерийских стел Восточной Европы и Северного Кавказа [Ярыгин, 2011, с. 410].

На основании вышесказанного курган Сарыадыр 2 со стелой можно отнести к категории ритуальных сооружений эпохи поздней бронзы. Отсутствие угольков, костей животных и т.п., характерных для жертвенных колец БДК, указывает на ритуальную особенность кургана, возможно, связанную с его сакральной миссией в ландшафте Караторгая. Стела со стилизованным образом бараньей головы является признаком бегазы-дандыбаевской культовой традиции [Маргулан, 1979, с. 275–280]. Скорее всего, курган Сарыадыр 2 относится ко времени знаковой БДК Центрального Казахстана.

Значение топонима *Сарыадыр* и *архаика сооружений*. Топоним «Сарыадыр» по структуре является сложным и образован из двух слов: первое из них обозначает цвет «*сары* - желтое», а второе «*адыр* - сопка». Жел-

тый цвет наряду с белым и черным наиболее часто встречается в казахской топонимике. Например, «Сарыарка», «Сарыбел», «Сарыагаш» и т.д. Первый компонент топонима «сары» кроме цветового обозначения имеет значение «широкий, обширный, большой», что отмечено исследователями казахской топонимики. Вместе с тем, «слова ак и сар(ы) “белый” и “желтый” в космогоническом употреблении имели значение “запад” (-ный)» [Кононов, 1975, с. 176].

Слово «адыр» в казахском языке употребляется для обозначения возвышенности или сопки [Қазақ тілінің сөздігі, 1999, б. 16]. В этимологическом словаре казахского языка, исследуя происхождения слова «адырна», составителями отмечено, что оно производно от слова «адыр», которое в тюркских языках имело значение «разделить, развести» [Ысқаков, Сыздықов, Сарыбаев, 1966, б. 21]. Слово «адыр» редко встречается в казахской географической номенклатуре в сочетании с цветовым обозначением (например, топоним «Ак-адыр»). Возможно, это связано со вторым или скрытым значением слова «адыр». В ходе этимологического исследования на этот факт обращает внимание исследователь Ә. Нұрмағанбетов: слово «адыр» имеет значение, близкое с «жынды (сумашедший)». К такому выводу исследователь пришел, опираясь на толкование казахского слова «адыраю» (широко раскрытый глаз) и якутского слова «адырай», которое имеет значение «джин, шайтан (черт)» [Нұрмағанбетов, 1994, 6–7-бб.].

Смысловое значение топонима на первый взгляд может казаться простым и означать «желтая сопка».

Однако, учитывая ландшафтное положение топонима, вероятно, интерпретировать его как «западная отдельная сопка». Редкое употребление слова «адыр» в тюркской топонимике предполагает и другое его значение как «запретная сопка». В этом контексте архаика исследованных сооружений с выраженным ритуальным характером в какой-то степени повлияла на происхождение данного топонима. Скрытый, культовый смысл сооружений был понятен, воспринят и сохранен кочевниками в названии одной из самых высоких сопки в ландшафте Караторгая.

Культовое значение памятников на сопке Сарыадыр. Традиционно средневековые святилищные комплексы кочевников располагались в ландшафте, природные позиции которого имели отличительные черты: урочища, участки расчлененного рельефа, возвышенное плато, уплощенные вершины крупных холмов. Определяется взаимосвязь возвышенных и сакральных объектов [Боталов, 2019, с. 299]. По всей видимости, традиция формирования поминальных культовых мест в ландшафте Караторгая относится к эпохе бронзы и получает дальнейшее развитие в XII–XIII вв. Исследованные сооружения подтверждают сакральную архетипичность значения сопки Сарыадыр в системе кочевнических культурных ценностей.

Благодарности. Благодарим за участие в археологических раскопках: А. К. Курмангалиева (Национальный музей РК), А. А. Молдахмета (КазНУ им. аль-Фараби), А. А. Сабыржана (заповедник-музей «Улытау»), В. Ю. Юсупова (г. Лисаковск). Приносим благодарность за помощь в организации работ экспедиции на

местности Национальный историко-культурный и природный музей-заповедник «Улытау».

Высотную съемку осуществили: С. Ф. Есен, докторант ЕНУ

им. Л. Н. Гумилева; А. С. Омаров, докторант Карагандинского технического университета; И. А. Кузнецов, бакалавр технических наук, Караганды, Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: изд-во Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. 232 с.
2. Боталов С.Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала: в 8 т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. Т. 5. 424 с.
3. Геологическая характеристика месторождения Кургасын. URL: https://studbooks.net/1772478/geografiya/geologicheskaya_harakteristika#16 (дата обращения: 11.11.2020).
4. Жанайдаров О.К. Қазақ жерінің 100 аңызы. Алматы: «Сораба» қоғамдық қоры. 2014. Т. 4. 240 б.
5. Иванов В.И., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М.: Наука, 1988. 91 с.
6. Иванов В.И. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...): сб. ст. Сер. «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века». Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 2. С. 77–100.
7. Қазақ тілінің сөздігі. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 776 б.
8. Каратургай, горный кряж. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Каратургай,_горный_кряж (дата обращения: 11.11.2020).
9. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. М.: ГРВЛ; «Восточная литература», 1975 (1978). С. 159–179.
10. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 360 с.
11. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Изд-во «Наука», 1981. С. 194–200.
12. Нұрмағанбетов Ә. Бес жүз бес сөз. Алматы: «Рауан», 1994. 304 б.
13. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр, Улытау // АЭАЕ. 2018. Т. 46, № 2. С. 106–113.
14. Ысқақов А., Сыздықова Р., Сарыбаев Ш. Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1966. 240 б.
15. Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакской культуры Степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) / гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 408–416.

REFERENCES

1. Bisembayev, A. A. 2003. *Arkheologicheskiye pamyatniki kochevnikov srednevekoviya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.) (Archaeological sites of the nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan (VIII–XVIII centuries))*. Uralsk: West Kazakhstan regional center of history and archeology Publ. (in Russian).
2. Botalov, S. G. 2019. *U istokov yuzhnouralskikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordyy (IX – nachalo XV veka) (At the origins of the South Ural peoples. Southern Urals in the era of the Golden Horde (IX – early XV centuries))*. 8 vol. Vol. 5. Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (in Russian).
3. *Geologicheskaya harakteristika mestorozhdeniya Kurgasyn (Geological characteristics of the Kurgasyn deposit)*. URL: https://studbooks.net/1772478/geografiya/geologicheskaya_harakteristika#16
4. Janaydarov, O. K. 2014. *Kazakh jerinin 100 anyz (100 Legends of the Kazakh land)*. Vol. 4. Almaty: “Soraba” Publ. (in Kazakh).
5. Ivanov, V. I., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale. (Mounds of the Kypchak time in the South Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
6. Ivanov, V. I. 2013. In: *Tyurkskiye kochevniki Yevrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy...) (Turkic nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Polovtsians...))*. Vol. 2. Kazan: “Ikhlas” Publ.; Sh. Marjani Institute of History AN RT, 77–100 (in Russian).
7. *Kazakh tilinin sozdigi (Dictionary of the Kazakh language)*. 1999. Almaty: “Dayk Press” Publ. (in Kazakh).
8. Kononov, A. N. 1975 (1978). *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkological collection)*. Moscow: “Eastern Literature” Publ., 159–179 (in Russian).
9. *Karaturgaj, gornyy kryazh (Karaturgai, mountain range)*. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Каратургай,_горный_кряж
10. Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana. (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
11. Mogilnikov, V. A. 1981. In: *Archeology of USSR*. Moscow: “Nauka” Publ., 194–200 (in Russian).
12. Nurmaganbetov, A. 1994. *Bes zhyz bes soz (Five hundred five words)*. Almaty: “Rauan” Publ. (in Kazakh).
13. Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In: *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 46, No. 2, 106–113 (in Russian).
14. Yskakov, A., Syzdykova, R., Sarybayev, Sh. 1966. *Kazakh tilinin kyskasha etymology sozdigi (Short Etymological Dictionary of the Kazakh language)*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Kazakh).
15. Yarygin, S. A. 2011. In: Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z. (eds.). *Arheologiya Kazahstana v epokhu Nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archeology of Kazakhstan in the era of Independence: results, prospects)*. Vol. 1. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 408–416 (in Russian).

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АҚЫРТАС ТӨРТКҮЛІНІҢ ОСТЕОЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫ

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹,
Мәмбет Сапарбекұлы Шагирбаев¹

¹PhD докторы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жетекші ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: eraly_a@mail.ru

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: mambet_87@mail.ru

Аннотация. Мақалада 2000–2014 жылдар аралығында Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты қызметкерлерінің Тараз қаласынан 40 км шығыста орналасқан ортағасырлық Ақыртас төрткүліне (X–XIII ғ. басы) жүргізген археологиялық қазба жұмыстары барысында жиналған остеологиялық материалдары археозоологиялық тұрғыдан қарастырылады. Остеологиялық материалдар жануар түрлеріне, қаңқа элементтеріне, сақталу дәрежесіне қарай топтастырылып, зерттеледі. Зерттеу нәтижесінде Ақыртас төрткүлінің шаруашылығында үй жануарларының барлық түрі болғаны және уақ малдың басым екендігі анықталады. Төрткүл тұрғындарында аңшылықтың рөлі үлкен болмаған. Мұны Талас өңіріндегі басқа да ортағасырлық ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдар растайды. Төрт түліктен (жылқы, түйе, ірі қара және уақ мал) бөлек, көлік құралы ретінде есекті де қолданғаны байқалады. Жануар сүйектеріне систематикалық шолу барысында, бірқатар жануарларда анатомиялық ерекшеліктер бар екені анықталады. Ақыртас төрткүлінен табылған жануар сүйектері Талас өңірінің ортағасырлық фаунасында үлкен өзгерістер болмағанын көрсетіп отыр. Морфометриялық зерттеу нәтижелері мен жануарлар фаунасы бірқатар ежелгі және ортағасырлық ескерткіштерден (ортағасырлық Шенгелді, Талғар, Қаратөбе, Қастек, Тараз, Құлан, Ақтөбе, Күлтөбе, Отырар, Жанкент, Қостөбе) табылған жануар сүйектерімен салыстырмалы түрде талданады. Талас өңірінің ортағасырлық фаунасы Іле өңірі мен Сырдарияның орта және төменгі ағысының ортағасырлық фаунасымен салыстырылып, шаруашылықтағы үй жануарларының көлемінде айырмашылықтар бар екендігі анықталады.

Түйін сөздер: Талас өңірі, Ақыртас төрткүлі, Іле өңірі, Сырдария бойы, ортағасыр, археология, археозоология, остеологиялық материалдар, жануарлар систематикасы, ортағасырлық фауна, мал шаруашылығы, аңшылық, тағам рационы

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОРТКУЛЯ АҚЫРТАС

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹, Мәмбет Сапарбекович Шагирбаев¹

¹PhD доктор, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: eraly_a@mail.ru

¹научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: mambet_87@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты археозоологических исследований материалов, полученных сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана в 2000–2014 гг. в ходе археологические раскопок торткуля Ақыртас (X – нач. XIII в.), расположенного в 40 км к востоку от г. Тараз. Остеологический материал группировался и изучался по видам животных, элементам скелета, степени сохранности. В результате исследования установлено, что в хозяйстве населения, оставившего памятник, содержались все виды домашних животных, при этом, преобладал мелкий рогатый скот; охота играла незначительную роль. В пользу этого также свидетельствуют остеологические материалы, происходящие из других средневековых памятников Таласской долины. Кроме четырех обычных видов скота (лошадь, верблюд, крупный и мелкий рогатый скот), в качестве транспортного средства использовался и осел. В ходе подготовки систематического обзора установлено, что у ряда животных имеются анатомические особенности. Кости животных, найденные в торткуле Ақыртас, свидетельствуют о том, что в средневековой фауне Таласской долины больших изменений не произошло. Результаты морфометрического исследования и фауна животных были сопоставлены с костями животных, найденными в ряде древних и средневековых памятников (Шенгельды, Талгар, Каратобе, Кастек, Тараз, Кулан, Актобе, Культобе, Отырар, Жанкент, Костобе). Средневековая фауна Таласской долины сопоставляется с таковой долины р. Иле и Южного Казахстана. Установлено, что в хозяйстве имеются различия среди домашних животных.

Ключевые слова: Таласская долина, Торткуль Ақыртас, Илейская долина, Южный Казахстан, средневековье, археология, археозоология, остеологические материалы, систематика животных, средневековая фауна, скотоводство, охота, пищевой рацион

OSTEOLOGICAL MATERIALS FROM THE MEDIEVAL SITE OF TORTKUL AKYRTAS

Yeraly Sh. Akymbek¹, Mambet S. Shagyrbaev²

¹PhD, Leading Researcher of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: eraly_a@mail.ru

²Researcher of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: mambet_87@mail.ru

Abstract. This article analyzes the results of archaeozoological studies of osteological materials collected by employees of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in 2000–2014 during archaeological excavations of the medieval site of the tortkul Akyrtas (10th – the beginning of 13th century), located 40 km to the East from Taraz city. Osteological material was grouped and studied by animal species, skeletal elements, level of preservation. As a result of the study, it was found that the farm on the Akyrtas site contained all types of domestic animals, while small cattle prevailed. Hunting played an insignificant role in the lives of the inhabitants of this site. This is evidenced by osteological materials found in other medieval sites of the Talas Valley. As usual in addition to the four usual types of traction animal (horse, camel, cow and small cattle), donkey is also used as a vehicle. During a systematic review of animal bones, it was found that a number of animals have anatomical features. Animal bones found in the Akyrtas site indicate that there were no major changes in the medieval fauna of the Talas Valley. The results of a morphometric study and animal fauna were compared with animal bones found in a number of ancient and medieval sites (Shengeldy, Talgar, Karatobe, Kastek, Taraz, Kulan, Aktobe, Kultobe, Otyrar, Jankent, Kostobe). The medieval fauna of the Talas Valley in compared with the medieval fauna of the Ile River region and South Kazakhstan, and it has been distinguished that there are differences between domestic animals.

Keywords: Talas Valley, Tortkul Akyrtas, Ile Valley, South Kazakhstan, Middle Ages, archaeology, archaeozoology, osteological materials, animal taxonomy, medieval fauna, cattle breeding, hunting, food diet

Kіріспе

Ғылымда «Ақыртас археологиялық-архитектуралық кешені» [Байпаков, 2018, с. 118] атымен белгілі ескерткіштер тобы Тараз қаласынан 40 км шығыста, Қырғыз Алатауының етегінде, XIX ғ. аяғында «Таш-Тюбе» («Тастөбе») [Иванов, 1886, с. 162] деп аталған, бүгінде «Қызылтас» немесе «Қоңыртөбе» деп аталатын тау алды төбенің маңайында орналасқан (сур. 1–2).

орналасқан. Осы арнаның оң және сол жағалауында солтүстіктен оңтүстікке қарай тізбектелген бірнеше оба бар. Қызылтас төбесінің ең биік жерінде қарауыл мұнара орналасқан болса, оның оңтүстігіне екі ортағасырлық ескерткіш (төрткүл мен қоныс) жайғасқан.

Су құбырлары бұрын Саз-узек (Сазөзек), бүгінде Кіші Шошқалы деп аталатын шатқал мен Ұзынбұлақ шатқалынан тартылған [Каллаур,

Сур. 1. Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің орналасқан жері

Fig. 1. Location of the medieval tortkul Akyrtas

Кешенде ескерткіштердің бірнеше түрі бар: тастан салынған сарайдың өзі, обалар, төрткүл, керуен сарай, тас өңдеу орны, қарауыл мұнара, ауыз сумен қамтамасыз ету мен суландыру жүйесімен байланысты құрылыстар және т.б. (сур. 3).

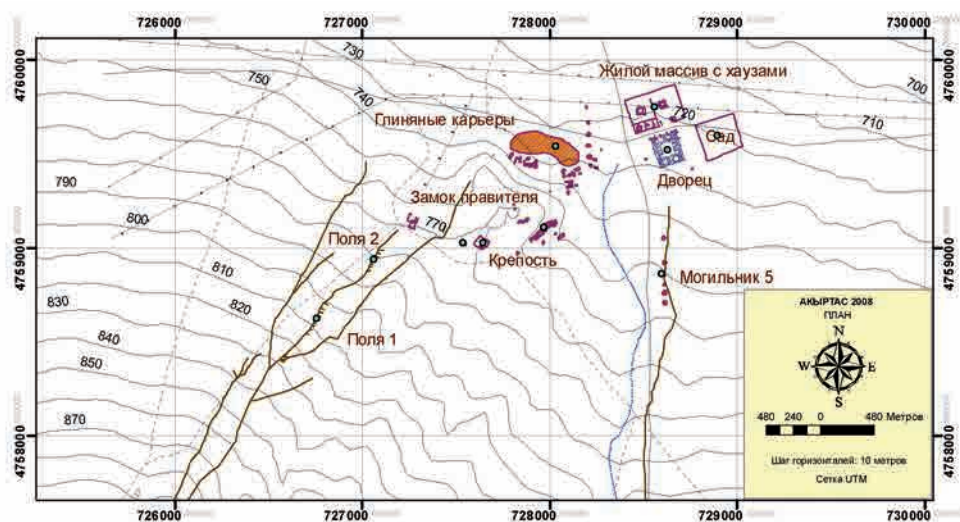
Сарай және оның солтүстігіндегі құрылыс Қызылтас төбесінің етегінде, Үлкен және Кіші Шошқалы шатқалдарынан шығатын бұлақ сулары өтетін, бүгінде құрғап қалған арнаның оң жағасында

2011, с. 351]. Осы шатқалдардағы бұлақтардың маңында қыш құбырлардың сынықтары шашылып жатқандығын Г. И. Пацевич өз еңбегінде айтып өтеді [Пацевич, 1949, с. 83]. Тау алды беткейіндегі суармалы алқапқа су Қызылқайнар мен Ұзынбұлақ шатқалдарынан келген. Қызылқайнар шатқалынан тартылған арық Ақыртас сарайының оңтүстігіне дейін келсе, Ұзынбұлақ шатқалынан тартылған арық бірнеше тармақталып, беткейдегі телімдерге таралып,

Сур. 2. Фарыштан түсірілген суреті. ©Google Earth Pro

Fig. 2. Satellite image. ©Google Earth Pro

Сур. 3. Ақыртас археологиялық-архитектуралық кешені.

Топографиялық жоспарын М. Антонов түсірген ([Байпаков, 2008, с. 31]: бойынша)

Fig. 3. Archaeological and architectural complex Aktyrtas.

The topographical plan was taken by M. Antonov (by: [Baipakov, 2008, p. 31])

атыздарға бөлініп, төрткүлдің батыс жағынан өтеді. Сондай арықтардың бірінің бойында, төрткүлдің батыс жағында шағын әуіз орналасқан. Осы ортағасырлық суармалы алқаптан жергілікті тұрғындар ежелгі соқаның

екі тісін тауып алған. Соған қарағанда ортағасырлық кешеннің тұрғындары егін немесе бау-бақша өсірумен де айналысқан болуы мүмкін.

Тас алу және өңдеу орындары Қызылтас төбесінің беткейлерінде

орналасқан. Төбенің солтүстік беткейінде шұңқырлардың іздері сақталса, шығыс беткейінде тас алған орындар анық көрініп жатыр.

Зерттелу тарихы

Ақыртас құрылысында алғашқы археологиялық қазба жұмыстарын 1996 ж. Жамбыл облысы әкімдігінің қаржыландыруымен халықаралық қазақ-француз экспедициясы бастайды [Байпаков, 2018, с. 121]. Одан кейінгі жылдары қазба жұмыстары ҚР МСМ «Мәдени мұра» бағдарламасы мен ҚР БҒМ ҒК гранттық қаржыландыруы аясында жалғасын табады.

2004–2009 жылдары Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша Ақыртас кешеніндегі бірқатар ескерткіштерде қазба жұмыстары қарқынды жүргізіліп, кешен ескерткіштері туралы қызықты

мәліметтер алынады. Аталған бағдарлама аясында қазба жұмыстары жүргізілген нысанның бірі – ортағасырлық төрткүл (сур. 4).

Ақыртас кешеніндегі төрткүл туралы алғашқы мәліметтер В. Каллаурда кездеседі [Каллаур, 2011, с. 351]. Онда Ақыртастың оңтүстік жағындағы топырақтан үйілген төрткүл, яғни тас құрылыстың оңтүстік қақпасынан шыққан жолды жауып тұрған төртбұрышты бекініс туралы айтылады. Ал, төбенің үстінде орналасқан төрткүл туралы толық анықтаманы Г. И. Пацевич береді. «<...> Второй турт-куль – крепость находится примерно в 100 м на запад от каменоломни «Таш-Тюбе» где производилась ломка камня для Акыр-Таша, т.е. примерно в полукилометре от Акыр-Таш» [Пацевич, 1941, с. 2]. Г. И. Пацевич төрткүлдің

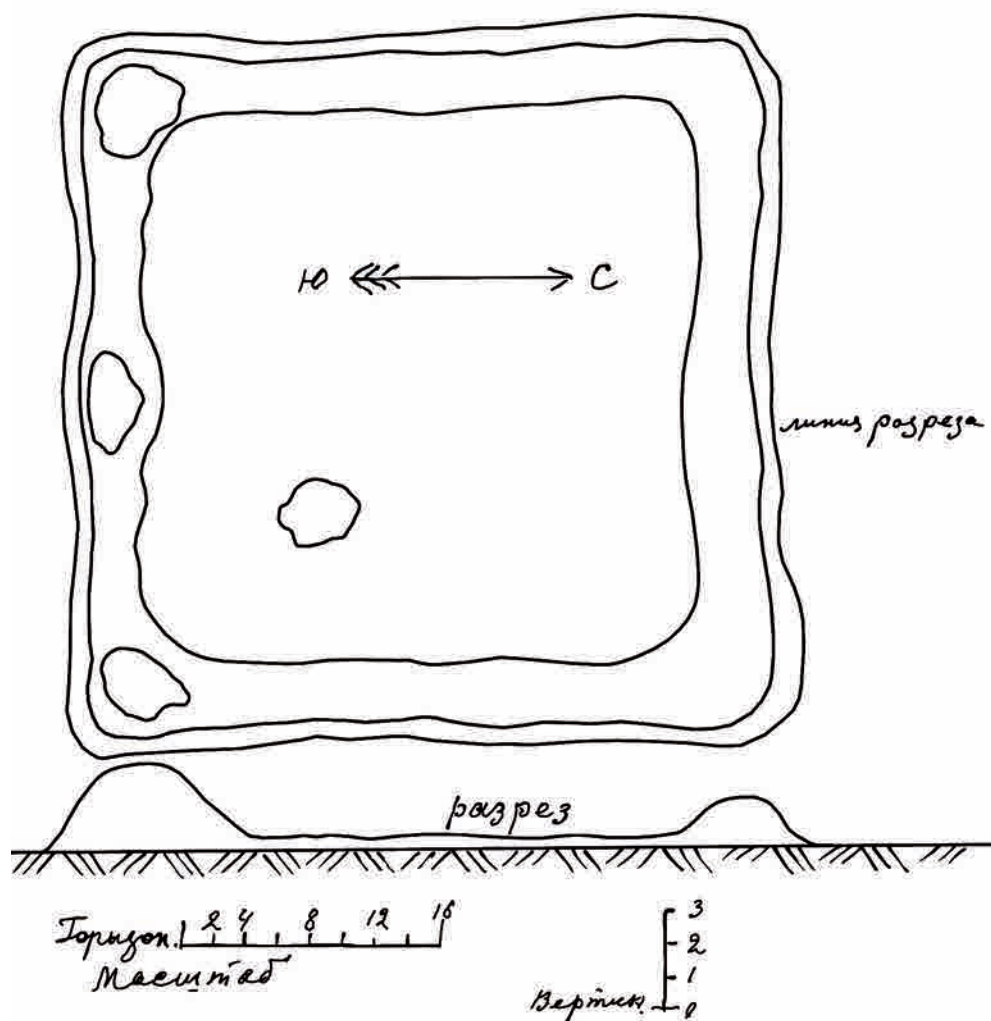

Сур. 4. Ортағасырлық Ақыртас төрткүлі.
Аэрофотосуреті ([Байпаков, 2018, с. 120, рис. 2]: бойынша)

Fig. 4. Medieval tortkul Akyr-tas. Aerial view (by: [Baipakov, 2018, p. 120, fig. 2])

сол кездегі жай-күйі бойынша жоспарын түсіріп, төмендегідей сипаттама береді. Шаршылы келген төрткүлдің жақтаулары әлемнің төрт тарабына қараған, алаңының биіктігі 0,5 м, барлық жағын ені 3 м, биіктігі 1,5–2 м жал қоршаған, оның тауға қараған оңтүстік жағындағы жалынан шағын төбе түрінде диаметрі 4–4,5 м, биіктігі 0,5–1 м болатын үш мұнараның ізі байқалады. Ішкі жазық келген алаңның шығыс жағындағы шағын төбешіктің диаметрі 2×2 м, биіктігі

0,5 м, қақпасының немесе кіріп-шығар орынның ізі жоқ. Үстінен орташа сападағы, сазы қою қызыл түсте күйдірілген бірнеше сырсыз ыдыстың кішкентай сынықтарын табады. Дегенмен, қазба жұмыстарын жүргізбей уақытын анықтау қиын екендігін айтады [Пацевич, 1941, с. 2]. Төрткүлдің жалпы көлемін айтпағанымен, түсірген жоспарындағы масштаб бойынша сыртымен есептейтін болсақ 48×48 м болады (сур. 5).

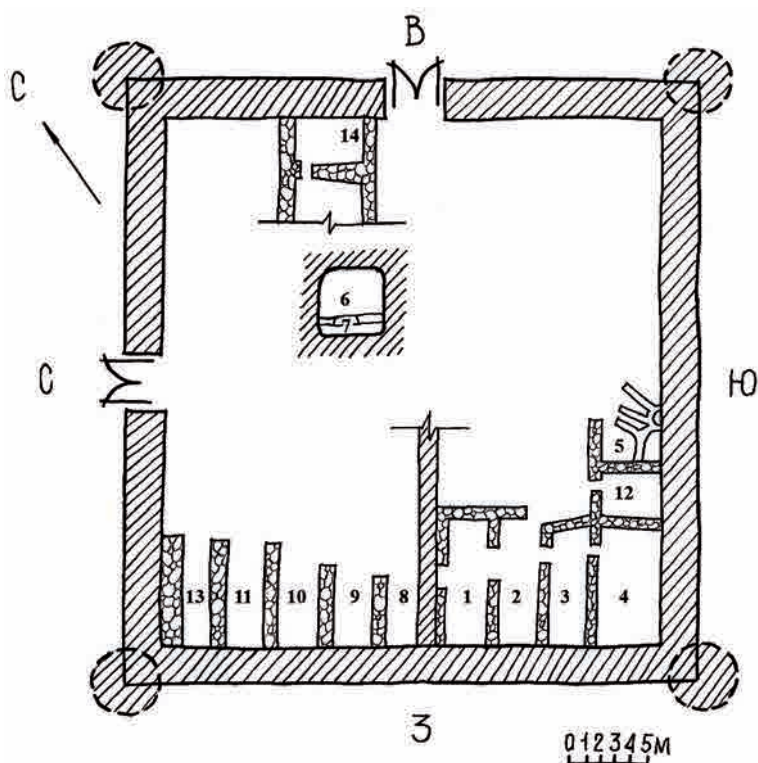

Сур. 5. Төрткүлдің жоспары ([Пацевич, 1940, рис. 3]: бойынша)

Fig. 5. Plan of the tortkul (by: [Patsevich, 1940, fig. 3])

Төрткүлдің батыс жағында 40 м жерде тағы бір ортағасырлық ескерткіш орналасқан. Шығыстан батысқа қарай созылып жатқан төбенің көлемі 40×25 м, биіктігі 3–3,5 м. 1999 ж. бастап осы ескерткішке Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ОҚКАЭ-ның (жетекшісі: К. М. Байпақов) Ақыртас отряды (жетекшісі: З. Шарденова) қазба жұмыстарын жүргізіп, бірнеше бөлмелердің орнын анықтайды. З. Шарденова ашылған құрылысты «замок правителя» («билеушінің сарайы») деп есептеп, VIII–X ғ.ғ. жатқызса [Шарденова, 2000, с. 186–187], К. М. Байпақов VIII–X ғ.ғ. мерзімделетін керуен сарай деп санайды [Байпаков, 2018, с. 118].

2000 жылдардан бастап аталған институттың ОҚКАЭ-ның Ақыртас отряды (З. Шарденова) төрткүлде қатарынан бірнеше далалық маусымда Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша қазба жұмыстарын жүргізеді [Шарденова, 2005, с. 217–220]. Қазба негізінен оңтүстік қабырғаны жағалай және шығыс қабырғаның оңтүстік бөлігі мен ескерткіштің ішкі алаңының орта тұсына, сонымен қатар солтүстік қабырғаның орта жағына салынады. Нәтижесінде ескерткіштің қабырғаларына жағалай іргесі тастан қаланған бірнеше бөлмелердің қалдықтары ашылады (сур. 6). З. Ж. Шарденова ескерткішті «кре-

Сур. 6. Ақыртас төрткүлінен ашылған құрылыс орындары. Жоспарын З.Ж. Шарденова түсірген ([Байпаков, 2010, рис. 3]: бойынша)

Fig. 6. Building construction open from tortkul Akirtas. The plan removed Z. J. Shardenova (by: [Baipakov, 2008, fig. 3])

пость» («қамал») деп есептеп, өмір сүруінің екі кезеңін көрсетеді: VII–VIII және IX–XI ғ.ғ. [Шарденова, 2010, с. 194]. К. М. Байпаков төрткүлден ашылған құрылысты керуен сарай деп санып, оның өмір сүрген уақытын X–XIII ғ. басы аралығына жатқызады [Байпаков, 2018, с. 118].

Төрткүлде бірнеше жыл қазба жұмыстарын жүргізген З. Ж. Шарденованың және кей жылдары зерттеу жүргізген М. Антонов пен Е. Ш. Ақымбектің жинаған материалдарының бір бөлігі бүгінде Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қоймасында сақтаулы тұр. Зерттеушілердің жинаған археологиялық материалдарының кейбір түрлері Институт құрамында 2018 ж. ашылған «Археологиялық технология зертханасына» тапсырылды. Зертханаға алынған материалдардың арасында төрткүлге қазба жұмыстарын жүргізген уақытта жиналған жануарлардың сүйектері бар.

Материал және зерттеу әдістері

Остеологиялық материалдар ортағасырлық Ақыртас төрткүлінде

2000, 2002–2003, 2005, 2013–2014 жылдары жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары кезінде әрбір бөлме бойынша жиналған. Остеологиялық материалдардың жалпы саны 1432 дана, оның ішінде 1345 данасы сүтқоректі жануарларға (*Mammalia*), екі дана сүйек – құсқа (*Aves indet*), бес дана сүйек – адамға тиесілі. Сүйек материалдардың ішінде 80 данасы өте қатты ұсақталып, негізгі белгілері сақталмағандықтан, жануар түрлеріне (*Mammalia indet?*) ажыратылмады (кесте 1).

Материалдарды зерттеу археозоологияның стандартты әдістеріне сай жүргізіліп, остеологиялық материалдар жануар түрлеріне, қаңқа элементтеріне, жас ерекшеліктеріне қарай топталды. Сүйектер бөлшектенуі бойынша бүтін және фрагмент деп екіге бөлінді. Бүтін сүйектер – тістер (*dentes*), омыртқа (*vertebra*), асық (*talus*), тұсау сүйектер (*ossa carpi*) және фалангалар. Фрагмент – барлық сынған сүйектер (жеке эпифиздер (*epiphysis*), диафиздер (*diaphysis*) және т.б.). Сүйек материалдарды морфометриялық талдау жұмыстары А. Дриш [Driesch, 1976, p. 74–101] және В. Айзенман

Кесте 1 – Ақыртас төрткүлінен табылған остеологиялық материалдар жануар түрі және саны бойынша

№	Жануар түрі	Сүйек саны	Сүйек саны %
1	Уақ мал (қой-ешкі) – <i>Ovis et Capra</i>	794	55,4
2	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	377	26,3
3	Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	163	11,3
4	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	2	0,1
5	Есек – <i>Equus asinus</i>	1	-
6	Құс – <i>Aves indet</i>	2	0,1
7	Ит – <i>Canis familiaris</i>	2	0,1
8	Арқар – <i>Ovis ammon</i>	6	0,4
9	Адам сүйегі	5	0,3
10	Анықтауға келмейтін – <i>Mammalia indet?</i>	80	5,5
Жалпы		1432	100

[Eisenmann, Karchound, 1982, p. 80] әдістеріне сүйеніп жасалды. Оның ішінде ірі қара және уақ малдардың сүйектерінің остеометриялық өлшемдері А. Дриштің әдісі бойынша, жылқының кейбір жекелеген қаңқа элементтерінің (асық, тұяқ) биометриялық өлшемдері В. Айзенманның [Eisenmann, Karchound, 1982, p. 75–103] әдісі бойынша, сүйектердің бөлшектенуден қалған бөлігін сипаттауда Н. Г. Ерохин, О. П. Бачура [Ерохин, Бачура, 2011, с. 62–69] жасаған әдістеме бойынша, жылқы сирағының жіңішкелік индексі В. О. Витт [Витт, 1952, с. 163–206] қолданған әдіс бойынша жасалды. Сүйектердің биометриялық өлшемдерінің қорытындылары биология және медицина саласында қолданылатын статистикалық тәсілдер (формула) негізінде [Зверев, Зефиоров, 2013, с. 21–38] жасалды.

Систематикалық шолу

Отряд **Artiodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Bovidae** Gray, 1821

Туыс *Bos* Linnaeus, 1758

Bos taurus L., 1758 – Ірі қара

Ақыртас төрткүліне жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында жалпы саны 163 дана ірі қара сүйектері табылған. Материалдардың ішінде ірі қараның сүйек құрылысындағы барлық элементтер кездеседі (кесте 2–4). Бұл ірі қара малды төрткүлдің аумағына сойып, пайдаланғанын көрсетеді. Негізінен жасы үлкен мал көп сойылған. Бұл ірі қараны бірінші кезекте сүт өнімдерін (ет өнімдерін) алуға пайдаланғанын айғақтайды.

Салыстырмалы талдау.

Ақыртас төрткүлінен табылған ірі қара сүйектеріне жүргізілген биометриялық талдаулар, төрткүлде

Кесте 2 – Ірі қараның қаңқа элементтерінің саны мен құрамы (сүйек саны бойынша)

Қаңқа элементі	2000		2002		2003		2005		2014	
	Б*	Ф**	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф
Бас сүйек – <i>cranium</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Т. жақ – <i>mandibular</i>	0	0	0	2	0	2	0	3	0	4
Тіс – <i>dent.</i>	1	0	1	0	1	0	6	0	2	0
Омыртқа – <i>vertebra</i>	0	0	0	0	0	0	1	0	0	6
Қабырға – <i>costae</i>	0	1	0	2	0	12	0	10	0	4
Жауырын – <i>scapula</i>	0	0	0	0	0	0	0	2	0	4
Топпан жілік – <i>humerus</i>	0	1	0	9	0	0	0	2	0	1
Шынтақ сүйегі – <i>ulna</i>	0	0	0	1	0	0	0	2	0	2
Метаподия – <i>metapod.</i>	1	4	0	4	0	4	0	1	0	8
Жамбас – <i>os coxae</i>	0	3	0	1	0	3	0	0	0	4
Сан жілік – <i>femur</i>	0	0	0	0	0	20	0	1	0	0
Асықты жілік – <i>tibia</i>	0	0	0	0	0	0	0	3	0	1
Асық – <i>talus</i>	0	0	2	0	0	0	4	0	7	0
Фаланга – 1	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0
Фаланга – 2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Ескерту: *Б – бүтін; **Ф – фрагмент.										

Кесте 3 – Ірі қара сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы (сүйек саны бойынша)

Зерттелген жылдар	2000	2002	2003	2005	2014	Жалпы
Бүтін сүйектер	2	3	1	11	16	33
Фрагменттер	9	19	41	24	37	130
Сүйектердің жалпы саны	11	22	42	35	53	163

Кесте 4 – Ақыртас кешеніндегі ірі қараның қаңқа бөліктер қатынасы (сүйек саны бойынша)

Қаңқа бөлігі	Ақыртас төрткүлі				
	2000	2002	2003	2005	2014
Бас сүйек (жоғары – төменгі жақ сүйек)	0	2	2	3	7
Тістер	1	1	1	6	2
Кеуде (омыртқа, қабырға)	1	2	12	11	10
Аяқтың жоғары бөліктері (жауырын, жамбас)	3	1	3	2	8
Аяқтың төменгі бөліктері	6	16	24	13	26
Жалпы саны (жыл бойынша)	11	22	42	35	53
Жалпы	163				

Кесте 5 – Сиыр сүйектерінің өлшемдері (мм) мен пропорциясы (%%)

Белгілері	n	$\sqrt{n-1}$	Lim	M	M $\pm$ m	σ
Жауырын (<i>Scapula</i>)						
Мойынның ең кіші ені	2	0,41	50,24–55,54	52,89	52,89 $\pm$ 9,12	3,74
Буын қуысының ені	2	0,41	43,42–57,47	50,44	50,44 $\pm$ 24,21	9,93
Тілерсек (<i>Calcaneus</i>)						
Ең үлкен ұзындығы	3	0,73	104,87–137,83	119,77	119,77 $\pm$ 32,35	23,62
Ең үлкен ені	3	0,73	21,27–31,06	26,56	26,56 $\pm$ 9,56	6,98
Асық (<i>Talus</i>)						
Латеральды ұзындығы	3	0,73	55,00–60,82	57,58	57,58 $\pm$ 5,73	4,19
Медиальды ұзындығы	3	0,73	52,61–55,58	54,15	54,15 $\pm$ 2,87	2,10
Дистальды шетінің ені	3	0,73	34,14–39,23	36,42	36,42 $\pm$ 5	3,65
Саггитальды ұзындығы	3	0,73	44,48–47,74	46,35	46,35 $\pm$ 3,24	2,37
Проксимальды фаланга(<i>I-фаланга</i>)						
Ең кіші ені	2	0,41	22,03–24,66	23,34	23,34 $\pm$ 4,51	1,85
Ең үлкен ұзындығы	2	0,41	50,24–60,05	55,14	55,14 $\pm$ 16,90	6,93

сойылған сиырлардың анатомиялық ерекшеліктеріне қатысты қызықты мәлімет беріп отыр. Салыстырмалы түрде біз қолымызда бар бірнеше ескерткіштерден табылған сиыр сүйектерінің биометриялық өлшемдерін алып қарадық. Ақыртас төрткүлінен табылған сиыр асықтарының латеральды ұзындықтары 55,00–60,82 мм

аралығында ауытқиды (кесте 5). Шу өңіріндегі ортағасырлық Қосқұдық төрткүлінен табылған ірі қара асығының латеральды ұзындығы 61,2 мм, Бәбіш мола (б.д.д. IV–II ғ.ғ.) қаласынан табылған сиыр асығының латеральды өлшемі орташа 64,3 мм, ортағасырлық Қаратөбе (Ежелгі Сауран) қаласынан табылған асықтың латеральды ұзындығы 63,3 мм құрайды. Ақыртас төрткүліндегі ірі қара асықтарының сыртқы анатомиялық пішіні және құрылымы жасы үлкен сиырға тиесілі болғанымен, ірі қаралардың тұқымы аса ірі болмаған секілді. Жақын ұқсастық Шу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерден табылған ірі қара сүйектерінен ғана байқалды.

Отряд **Artiodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Bovidae** Gray, 1821

Туыс *Ovis* Linnaeus, 1758

Туыс *Capra* Linnaeus, 1758

Ovis et Capra – Уақ мал (қой – ешкі)

Уақ мал сүйектері төрткүлден табылған жануар сүйектерінің ішінде ең көбі болып табылады. Бұл сол кезеңдегі шаруашылықта уақ малдың басымдыққа ие болғандығын көрсетеді. Қаңқа бөліктерінің қатынасы уақ малдың ескерткіш маңайында сойылып, пайдаланылғанын айғақтайды. Уақ малдың қаңқа бөліктерінің қатынасы кеуде және аяқтың төменгі бөліктеріне тиесілі сүйектердің басымдығын көрсетсе, басқа бөліктеріне қатысты сүйектер бірдей пропорцияға ие (кесте 6–9). Уақ малға тиесілі сүйектердің көпшілігі бөлшектеніп кеткендіктен, қой-ешкі түріне қарай ажыратылмай, жалпы уақ мал деп алынып отыр. Дегенмен бірқатар ешкі мүйіздеріне қарап, нақты ешкі жануарын да

систематикалық жүйеде қарастырып отырмыз.

Туыс *Capra* Linnaeus, 1758

Capra hircus – ешкі

Ешкі сүйегі (мүйізі) төрткүлге 2000 ж. жүргізілген қазба барысында № 3в бөлмесінің еденінен және 2005 ж. жүргізілген қазба барысында бұрыштағы № 4 бөлмеден табылған. Жалпы археозоологияда ешкі мен қойдың сүйектерін ажырату өте қиын. Біздің пікірімізше қойға жатқызылған сүйектердің ішінде жекелеген ешкі сүйектері де болуы мүмкін. Бірақ, аса көп мөлшерде емес.

Отряд **Perissodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Equidae** Gray, 1821

Туыс *Equus* Linnaeus, 1758

Equus caballus Linnaeus, 1758 –

Жылқы

Төрткүлге жүргізілген археологиялық қазба барысында табылған сүйектердің ішінде 377 данасы жылқыға тиесілі. Жылқы сүйектері жалпы жануар сүйектерінің сандық мөлшері жөнінен үшінші орында. Қаңқа элементтерінің барлығы да кездеседі. Жас мөлшері жағынан үш топ анықталып отыр. Олар сүт тістері кездесетін жас жылқылар, азу (молляр) тістері бар орта жастағы және тістері қатты егеліп, өзгеріске түскен кәрі жылқылар. Қаңқа бөліктері бойынша аяқтың төменгі сүйектері үлкен басымдыққа ие. Жылқы сүйектерінің барлық элементтерінің кездесуі жануарларды сойып, пайдалану ескерткіштің маңайында орын алғандығын көрсетеді. Бүтін сақталған сирақтың (*ossa metatarsi*) жіңішкелік индексі В. О. Виттің Пазырық қорымының жылқыларына жасаған зерттеу әдістері негізінде

Кесте 6 – Уақ малдың қаңқа элементтерінің саны мен құрамы

Қаңқа элементі	2000		2002		2003		2005		2014	
	Б*	Ф**	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф
Мүйіз – <i>cornu</i>	0	0	1	0	0	0	2	0	1	0
Бас сүйек – <i>cranium</i>	0	1	0	1	0	9	0	1	0	1
Ж. жақ – <i>maxilla</i>	0	1	0	5	0	1	0	0	0	0
Т. жақ – <i>mandibula</i>	2	10	2	12	0	9	0	14	0	7
Тістер – <i>dentes</i>	14	0	12	0	15	0	12	0	4	0
Атлант – <i>Atlas</i>	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Эпистрофей – <i>Axis</i>	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Омыртқа – <i>Vertebra</i>	0	23	0	9	3	2	0	6	0	2
Төс – <i>sternum</i>	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Қабырға – <i>costae</i>	0	58	0	46	0	42	0	25	0	9
Жауырын – <i>scapula</i>	2	5	0	6	0	3	0	4	0	4
Тоқпан жілік – <i>humerus</i>	0	13	0	2	0	12	0	8	0	5
Шынтақ сүйегі – <i>ulna</i>	0	1	0	1	0	3	0	1	0	0
Кәрі жілік – <i>radius</i>	0	8	0	24	0	0	0	0	0	0
Метаподия – <i>metapodium</i>	0	65	0	42	0	34	0	29	0	4
Құйымшақ – <i>os sacrum</i>	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Жамбас – <i>os coxae</i>	0	0	0	3	1	4	0	5	0	1
Сан жілік – <i>femur</i>	0	0	0	21	0	8	0	7	0	1
Асықты жілік – <i>tibia</i>	0	27	0	18	0	19	0	12	0	2
Асық – <i>talus</i>	4	0	3	0	1	0	4	0	3	0
1-ші фаланга	3	0	2	0	0	0	0	0	1	0
2-ші фаланга	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Ескерту: *Б – бүтін; **Ф – фрагмент.										

Кесте 7 – Уақ мал сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы (Сүйек саны бойынша)

Төрткүл						
Зерттелген жылдар	2000	2002	2003	2005	2014	Жалпы
Бүтін сүйектер	27	22	20	18	9	96
Фрагменттер	214	190	146	112	36	698
Сүйектердің жалпы саны	241	212	166	130	45	794

Кесте 8 – Уақ малдың жас құрамы

Төменгі жақ сүйектегі азу тістердің сақталу жағдайы	Жануардың жасы, ай бойынша	Жақ сүйектердің саны
М ₁ жоқ	3-айға дейін	1
М ₁ бар, М ₂ жоқ	3–12 ай	1
М ₂ бар, М ₃ жоқ	12–24 ай	2
М ₃ бар	24-айдан жоғары	3

Кесте 9 – Қой сүйектерінің өлшемдері (мм) мен пропорциясы (%%)

Белгілері	n	$\sqrt{n-1}$	Lim	M	M±m	σ
Жауырын (<i>Scapula</i>)						
Мойынның ең кіші ені	12	2,46	15,17–22,21	19,58	19,58±3,09	7,62
Буын өсіндісінің ұзындығы	6	1,44	26,19–38,54	32,79	32,79±6,20	8,94
Буын қуысының ұзындығы	8	1,82	23,77–31,75	27,18	27,18±4,28	7,79
Буын қуысының ені	7	1,64	20,15–25,15	22,86	22,86±2,81	4,61
Тоқпан жілік (<i>Humerus</i>)						
Дистальды шетінің ені	5	1,23	25,52–36,28	31,79	31,79±8,16	10,04
Дистальды блоктың ені	3	0,73	28,54–35,04	31,95	31,95±6,31	4,61
Шынтақ сүйегі (<i>Ulna</i>)						
Дистальды шетінің ені	3	0,73	24,46–27,65	26,14	26,14±3,09	2,26
Омыртқа (<i>Vertebra</i>)						
Буын қоспасының ең үлкен ені	3	0,73	37,46–77,51	51,36	51,36±43,89	32,04
Жамбас (<i>os coxae</i>)						
Ұршық ойысының ұзындығы	3	0,73	32,13–35,52	34,27	34,27±3,60	2,63
Асық (<i>Talus</i>)						
Латеральды ұзындығы	11	2,31	20,83–41,71	29,86	29,86±8,15	18,83
Медиальды ұзындығы	11	2,31	20,60–40,79	28,65	28,65±7,56	17,48
Дистальды шетінің ені	10	2,16	13,78–35,41	20,23	20,23±8,39	18,14
Саггитальды ұзындығы	10	2,16	14,75–30,29	23,91	23,91±6,02	13,02
Тілерсек (<i>Talus</i>)						
Ең үлкен ұзындығы	2	0,41	68,18–69,39	68,78	68,78±2,07	0,85
Ең үлкен ені	2	0,41	22,81–23,78	23,29	23,29±1,65	0,68
Метаподия (<i>Metapodium</i>)						
Дистальды шетінің ең үлкен ені	2	0,41	28,08–29,98	29,03	29,03±3,26	1,34
Проксимальды фаланга (<i>№ 1 фаланга</i>)						
Диафиздің ең кіші ені	3	0,73	9,58–12,41	11,29	11,29±2,90	2,12
Ең үлкен ұзындығы	3	0,73	36,20–40,48	38,72	38,72±4,32	3,16
Проксимальды шетінің ені	3	0,73	11,60–14,24	13,05	13,05±2,58	1,89
Дистальды шетінің ені	3	0,73	10,80–14,11	12,61	12,61±3,23	2,36
Саггитальды ұзындығы	2	0,41	31,94–33,70	32,82	32,82±5,78	2,37

жүргізілді. Бүтін сақталған жылқы сирағының дистальды блогының ені 41,0 мм, ең үлкен ұзындығы 270 мм, диафиздің ені 22,2 мм құрайды, жалпы индексі 10,0 мм тең. Бұл Пазырық жылқыларының сирақтарының өлшемдеріне ұқсас, нақтырақ ІІІ топтағы Р бөлігіне жақын. Ақыртас жылқыларының (шартты түрде алынып отыр – М.Ш.) сирақтарының дистальды ені 41,0–51,0 мм аралығында ауытқиды. Диафиздің ені – 22,2–39,0 мм (кесте 10–12). Асықтарының

өлшемдері кіші болып келеді. Ақыртас жылқыларында асықты жіліктің дистальды ені орташа 51,9 мм құрайды. Ақыртас жылқыларының асықты жілігінің дистальды эпифиздерінде синастоз жағдайы толық аяқталған, яғни тым жас жылқылар болуы мүмкін емес. Ақыртас төрткүлінде жылқылардың ауыр тұрмысқа арналмаған тұқымы өсірілген болуы мүмкін.

Отряд (тармақшасы) **Tylopoda**
Illifer, 1811

Кесте 10 – Жылқы сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы (сүйек саны бойынша)

Ақыртас төрткүлі							
Зерттелген жылдар	2000	2002	2003	2005	2013	2014	Жалпы
Бүтін сүйектер	13	7	16	50	2	4	92
Фрагменттер	7	28	55	160	14	21	285
Жалпы саны	20	35	71	210	16	25	377

Кесте 11 – Жылқы сүйектерінің өлшемдері (мм) мен пропорциясы (%%)

Белгілері	n	$\sqrt{n-1}$	Lim	M	M $\pm$ m	σ
Метаподия (<i>Metapodium</i>)						
Дистальды шетінің ені	5	1,23	41,07–51,06	44,23	44,23 $\pm$ 7,00	8,61
Диафиздің ең кіші ені	2	0,41	22,22–39,07	30,64	30,64 $\pm$ 29,04	11,91
Токпан жілік (<i>Humerus</i>)						
Дистальды блоктың ені	2	0,41	63,38–74,04	68,71	68,71 $\pm$ 18,38	7,53
Проксимальды фаланга (1 – фаланга)						
Дистальды шетінің ені	2	0,41	37,18–41,67	39,42	39,42 $\pm$ 7,74	3,17
Ең үлкен ұзындығы (GL)	3	0,73	63,07–85,34	75,69	74,22 $\pm$ 22,14	16,16
Ең кіші ені (SD)	4	1	28,11–37,35	32,98	32,98 $\pm$ 6,97	6,97
Сыртқы буын шелінің ені (BFD)	4	1	28,21–44,59	38,87	38,87 $\pm$ 12,93	12,93
№ 2 фаланга						
Ең үлкен ұзындығы (GL)	3	0,73	35,38–48,96	43,29	43,29 $\pm$ 13,67	9,98
Ең кіші ені (SD)	3	0,73	43,12–46,89	45,36	45,36 $\pm$ 3,83	2,80
Проксимальды ені (Bp)	3	0,73	46,22–54,09	50,89	50,89 $\pm$ 8,00	5,84
Дистальды ені (Bd)	3	0,73	50,59–81,56	60,91	60,91 $\pm$ 34,63	25,28
Дистальды фаланга (3 – фаланга)						
№2 фалангамен қосылыс ені (LF)	2	0,41	24,74–24,92	24,83	24,83 $\pm$ 0,29	0,12
№2 фалангамен қосыл. ұзынд. (BF)	2	0,41	46,54–44,46	45,5	45,5 $\pm$ 2,60	1,07
Асықты жілік (<i>Tibia</i>)						
Асықты жілік дистальды ені (Bd)	2	0,41	30,22–51,93	41,07	41,07 $\pm$ 37,43	15,35
Асық (<i>Talus</i>)						
Ең үлкен биіктігі (GH)	2	0,41	43,12–57,84	50,48	50,48 $\pm$ 25,36	10,40
Медиальды шетінің ұзынд. (LmT)	2	0,41	59,90–60,59	60,24	60,24 $\pm$ 1,14	0,47
Ең үлкен ені (GB)	2	0,41	42,64–61,58	52,11	52,11 $\pm$ 32,65	13,39
Дистальды буынның ені (BFd)	2	0,41	50,53–54,03	52,28	52,28 $\pm$ 6,02	2,47

Кесте 12 – Жылқы сирағының жіңішкелік индексі (В. О. Витт бойынша)

Жылқы сирағының жіңішкелік индексі				
Промеры по Дришу	Bd	GL	SD	Жіңішкелік индексі
Метаподия	41.07	270	22,22	10,08

Тұқымдас **Gamelidae** Gray,
1821

Туыс *Gamelus* Linnaneus, 1758
Camelus bactrianus L., 1758–
Бактриан түйесі

Түйеге тиесілі екі дана метаподия фрагменті табылды. Әдетте түйе метаподиясының дистальды бөлігі басқа жануарларға қарағанда екі тармақты болып келуімен ерекшеленеді. Әрбір тармақшаның анатомиялық пішіні жылқысирағының дистальды бөлігіне қатты ұқсайды. Дистальды бөліктегі тармақшаның бір шеті сынып жоғалғандықтан, нақты биометриялық өлшемдері алынған жоқ. Түйе жануарының Қазақстанның оңтүстік және оңтүстік-шығыс өңіріндегі ортағасырлық тұрғындарының шаруашылығында болғанын дәлелдейтін мысалдар жетерлік. Салыстырмалы түрде ортағасырлық Қаратөбе (Ежелгі Сауран) [Талеев, Ержігітова, Шагирбаев, 2020, 204 б.], Бурнооктябрск 1 (Жылқышытөбе) [Талеев, Шагирбаев, 2020, 236 б.], Шеңгелді [Савельева, Шагирбаев, 2020, с. 396], Қастек [Нуржанов, Гимранов, 2019, с. 535] қалаларынан, антикалық кезеңмен мерзімделетін Бәбіш мола, Іңкәр қала [Утубаев, Шагирбаев, 2020, с. 357] секілді ескерткіштерден табылғанын айтуға болады.

Отряд **Perissodactyla** Owen,
1848

Тұқымдас **Equidae** Gray, 1821
Туыс *Equus* Linnaeus, 1758
Equus asinus asinus Linnaeus,
1758 – Есек

Төрткүлге 2003 ж. жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары барысында, № 6 бөлменің ішінен есекке тиесілі тұяқ табылған. Аталған сүйекке жүргізілген биометриялық

зерттеу нәтижелері келесідей: № 2 фалангамен қосылатын буынның ені (LF) – 20.52 мм, № 2 фалангамен қосылатын буынның ұзындығы (BF) – 31.60 мм, жалпы ұзындығы (GL) – 36.75 мм, жалпы ені (GB) – 41.93 мм (өлшемдер А. Дриш әдісіне сәйкес жасалды). Аталған өлшемдер жылқы тұяғының өлшемдерінен әлдеқайда кіші болып келеді. Әрі сыртқы анатомиялық пішінінде де жылқы тұяғынан өзара айырмашылықтарға ие. Төрткүлдің тіршілігінде есекті қаншалықты пайдаланғанын айту қиын. Бірақ аталған жануардың сол кезеңде, аталған аймақтағы халық тұрмысында болғаны анық. Есек сүйектері жоғарыда аталған ортағасырлық Қастек, Бурнооктябрск 1, Қаратөбе, Қастек қалаларынан анықталған. Мұның ішінде Бурнооктябрск 1 қаласынан есек сүйегі біршама көп табылған. Шамасы ортағасырларда Талас өңірінде есек шаруашылықта кеңінен қолданылған тәрізді.

Отряд **Carnivora** Bowdich,
1821

Тұқымдас **Canidae** G. Fischer,
1817

Туыс *Canis* Linnaeus, 1758
Canis familiaris Linnaeus, 1758 –
Ит.

Төрткүлге 2003 ж. жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары барысында № 4 бөлмеден итке тиесілі жоғарғы оң жақ сүйектің Р⁴ және М¹ тістері табылған. Тістің ішкі құрылымы аса көп егеліп, қажалмаған. Соған қарағанда жас итке тиесілі болуы мүмкін. Бірақ итке тиесілі басқа қаңқа элементтері ұшыраспады. Төрткүлдің тіршілігінде иттің қаншалықты пайдаланылғанын айту қиын.

Отряд **Artiodactyla** Owen, 1848
Тұқымдас **Bovidae** Gray, 1821
Туыс *Ovis ammon* Linnaeus,
1758

Ovis ammon – Арқар

Арқар сүйектері төрткүлге 2005 ж. жүргізілген қазба жұмыстары барысында бұрыштағы № 4 бөлмеден табылған. Жалпы сүйектердің ішінен арқарға тиесілі алты дана сүйек анықталды. Оның ішінде төрт дана төменгі жақ сүйек және екі дана түтікшелі сүйектің диафиздері. Барлығы да фрагмент түрінде ғана кездескендіктен, биометриялық өлшемдер жүргізілген жоқ.

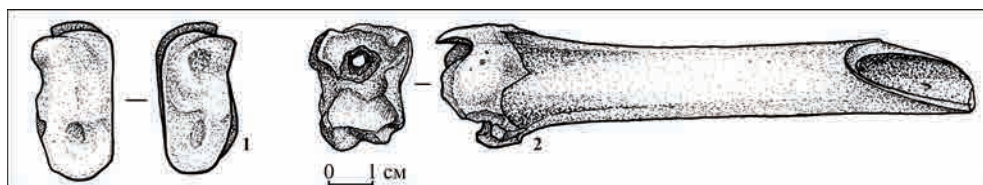
Aves Linnaeus, 1758. Төрткүлге 2000 ж. жүргізілген қазба барысында, № 3в бөлмесінің еденінен екі дана құсқа тиесілі тірек-қимыл жүйесінің сүйектері табылған. Сүйектердің екеуінің де эпифиздері сақталмаған. Фрагмент түріндегі сүйектерге биометриялық өлшемдер жасалған жоқ.

Адам сүйектері. Төрткүлге 2000 ж. жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында № 3в бөлменің солтүстік бөлігінен, 130–150 см тереңдіктегі өртенген қабаттың үстінен бес дана адамға тиесілі сүйек элементтері табылған. Оның ішінде төрт дана бас сүйек сынықтары және бір дана М¹ тісі. Барлығы да бір адам қаңқасына тиесілі.

Өңделген сүйектер. Төрткүлден табылған жануар сүйектерінің ішінде екі дана өңделген сүйек табылды (сур. 7). Сүйектердегі өңделу үдерісі қарапайым. Біріншісі, асықтың дорсальды бөлігі егелген. Шамасы белгілі бір ойын түріне икемдеп жасалған секілді. Екінші уақ малдың асықты жілігінің проксимальды бөлігін ішкі түтікке қарай тескен. Тесіктің диаметрі 5,1×5,3 мм құрайды. Бірақ сүйектің өзі тұрмыста қолданылмаған тәрізді. Шамасы белгілі бір құрал жасау үшін дайындалған, бірақ аяқталмаған күйі қалып қойған.

Тафономиялық талдау

Уақ малға тиесілі сүйектердің әр жылдары жүргізілген зерттеу барысында табылу көрсеткіші жыл сайын төмендеуімен ерекшеленеді. Мәселен, 2000 ж. анықталған уақ мал сүйегінің саны 241 дана болса, 2014 ж. – 45 дана. Жылқыға тиесілі сүйектердің табылу циклі бірқалыпты емес, кейде кемісе, кейде бірден артады. Үлкен айырмашылық диапазоны 2005 (210 дана) және 2013 (16 дана) жылдары байқалады. Ірі қараға тиесілі сүйектер керісінше жыл сайын табылу қарқыны артады. Мұнда уақ мал сүйектеріне қарама-қарсы, 2000 ж. 11 дана табылса, 2014 ж. 53 дана табылған. Сонымен жануар сүйектерінің жыл бойынша

Сур. 7. Өңделген жануар сүйегі: 1 – дорсальды (краниальды) беті егелген қой асығы; 2 – тесігі бар (дистальды шеті) қойдың асықты жілігі

Fig. 7. Processed animal bone: 1 – sheep talus stony dorsal (cranial) surface; 2 – sheep tibia with hole (distal surface)

қатынасына талдау жасау негізінде, төрткүлдің тіршілігінде жылқы сүйектерінің табылуы бірқалыпты жағдайды сақтап отырғаны анықталды. Жалпы Ақыртас төрткүлі тұрғындарының шаруашылығында жылқыны пайдалану үдерісінде тұрақтылық байқалады. Ірі қараны көбіне сүт өнімі үшін пайдаланған тәрізді. Себебі остеологиялық материалдардың ішінде жасы үлкен сиырға тиесілі сүйектер басым болып отыр. Уақ мал Ақыртас төрткүлі тұрғындарының тұрмысында негізгі рөл атқарған. Анықтауға келмейтін сүйектер қазба жүргізілген жылдар бойынша әртүрлі пропорцияда байқалады (кесте 13).

Фауналық талдау

Талас өңірінің ортағасырлық фаунасы туралы толық ақпарат

палеозоолог В. В. Карачаровский талдаған [Карачаровский, 1949, с. 199]. М. А. Бубнова зерттеген Ақтөбе 1 (Орловка) қаласынан табылған остеологиялық материалдарға Қырғыз ауылшаруашылығы институтының «Үй жануарларының анатомиясы» кафедрасының доценті В. А. Лелеко талдау жүргізіп, жануар түрлерін анықтаған [Бубнова, 1963, с. 137].

Ортағасырлық Тараз, Құлан, Шөлтөбе және Қостөбе қалаларынан жалпы саны 2000-нан астам сүйек материалдар табылып, 15-тен астам жануар түрлері және бір құстың түрі анықталған. Талас өңіріндегі ортағасырлық қалалардан табылған остеологиялық материалдарды өзара салыстырып қарау барысында, аталған өңірде ортағасырларда уақ мал өсіру үлкен басымдыққа

Кесте 13 – Жануар сүйектерінің анықталуы бойынша қатынасы (сүйек саны бойынша)

Ақыртас төрткүлі							
Зерттелген жылдар	2000	2002	2003	2005	2013	2014	Барлығы
Анықталған сүйектер	283	269	282	383	16	121	1354
Анықталмаған сүйектер	17	11	22	18	1	11	80
Жалпы саны	300	280	304	401	17	132	1434

алу үшін, Ақыртас төрткүлінің мерзімделуіне жақынескерткіштерден табылған остеологиялық материалдар кешеніне талдау жасап, өзара ұқсастықтар мен айырмашылықтарын анықтадық.

Салыстырмалы материалдар Шу-Талас өңірлерінде орналасқан ортағасырлық Тараз қаласы, Ақтөбе 1 (Орловка), Қостөбе, Құлан және Шөлтөбе ескерткіштері бойынша талданды. А. Н. Бернштам археологиялық қазба жүргізген ортағасырлық Тараз, Қостөбе, Құлан және Шөлтөбе қаласынан табылған остеологиялық материалдарды

ие болғанын көреміз (56,5%). Тек ортағасырлық Қостөбе қаласында уақ малға қарағанда, ірі қара басым болып шыққан. Уақ малдың ішінде қой саны көп. Ешкі сүйектерін тек Ақыртас төрткүлі, Құлан және Тараз қалаларынан ғана кездестіреміз. Шөлтөбе, Қостөбе және Ақтөбе 1 (Орловка) қалаларынан ешкі сүйегі анықталмаған. Бұл жерде қой мен ешкі сүйектерін ажырату палеозоология ғылымында өте күрделі мәселе екенін ескеру қажет. Негұрлым жануар сүйектері қатты бөлшектенген сайын, екі жануар түрін анықтау қиындай

береді. Палеозоологтар қой мен ешкі сүйектерін тек бірқатар бүтін сүйектер негізінде ажыратуға тырысады. Оның ішінде мүйіз, бүтін бас сүйек, сирақтың дистальды эпифизи, асықтары және тоқпан жілігі. Басқа сүйектер арқылы ажырату көбіне болжам деңгейінде қалып қояды.

Ортағасырлық Қостөбе қаласында ірі кара басым екенін жоғарыда айттық. Дегенмен, Талас өңірінде аталған ескерткіштер бойынша екінші орында жылқы шаруашылығы (23,9%) дамыған. Ірі кара жалпы жануар түрлері бойынша үшінші орында (16,5%).

Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің остеологиялық материалдарымен салыстырғанда өзара ұқсастықтар ортағасырлық Тараз және Құлан қалаларында байқалады. Аталған үш ескерткіште бірінші орында уақ мал (қой-ешкі), екінші орында жылқы, үшінші ірі кара болса, ортағасырлық Ақтөбе, Шөлтөбе, Қостөбе қалаларында бірінші орында уақ мал, екінші орында ірі кара, ал, жылқы сүйек мөлшері бойынша үшінші орынға түседі. Әрине жалпы аймақ бойынша жылқы сүйектерінің мөлшері ірі кара сүйектеріне қарағанда көп болғанына қарамастан, ішінара бірқатар ескерткіштердің шаруашылығында жылқы ірі қарадан кейінгі орында болған секілді.

Үй жануарларының ішінде түйе шаруашылығы да жақсы өріс алған. Жоғарыда аталған ескерткіштердің барлығынан да (Құлан қаласынан басқа) түйе сүйектері өзара ұқсас пропорцияда табылған. Ортағасырлық Құлан қаласынан ғана түйе сүйектері біршама көп шығып отыр. Қала тіршілігінде түйе санының көп болуын, сауданың дамуымен байланыстыруға болады. Бірақ сауданың басты

орталықтарының бірі болған Тараз қаласынан түйе сүйектерінің аз шығуын әзірге түсіндіру қиын. Бұл көріністі Тараздың ерте кезеңдерімен мерзімделетін басқа қабаттарынан да көруге болады.

Жабайы жануарлардан бар болғаны бес жануар сүйегі өте аз мөлшерде анықталды. Олар ақбөкен, бұғы, елік, арқар және құстан қырғауыл сүйектері. Аталған жабайы жануарлар мен құс сүйектерінің мөлшері жалпы сүйектерге шаққанда 0,3% құрайды. Шамасы Талас өңіріндегі ортағасырлық қалаларда аңшылық аса үлкен маңызға ие болмаған секілді. Бірақ аймақ тұрғындарының тағам рационы кең болған. Нақты түрі анықталмаған құс сүйектері Ақыртас төрткүлінен басқа, Құлан және Шөлтөбеден табылып отыр. В. В. Карачаровский Құлан және Шөлтөбеден табылған құс сүйектерін қолға үйретілген тауық болуы мүмкін деп болжайды. Дегенмен, ортағасырлық ескерткіштерден үй тауығының сүйектері туралы археозоологиялық деректер еш жерде кездеспейді. Бірақ, ортағасырлық жазба деректерде құс түрлері туралы деректер бар. Мәселен, А. Н. Кононов Әбілғазының Түрік шежіресін зерттеп, онда Оғыз ханның 24 немересінің есімдері құс атауларымен аталатынын айтады [Кононов, 1958, с. 54–55]. Бірақ онда негізінен жыртқыш құс атаулары көрініс тапқан. Н. Базылхан көне түркі жазба ескерткіштерінде кездесетін құс атауларының ішінде тауық атауы кездесетінін айтып, төмендегі талдауды ұсынады: «*turunjaja*>тырна, *taqïu*>тауық, *qaz*>қаз» [Базылхан, 2016, с. 160–161]. Жалпы тауық бейнесі мифологиялық ұғымда да көрініс тапқан. Мәселен, жыл қайыруда 12 жануардың ішінде тауық

бар. Соған қарағанда тауық тотемистік сенімде ерекше орынға ие болған секілді. Қораз бейнесіне ұқсайтын жәдігер Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының экспедициясы зерттеген Үржар қорымынан да табылған [Курган Урджар, 2018]. Тауық бейнесінің ерте көшпелілер дәуіріндегі жерлеу қорымынан, ерте түркі дәуіріндегі жазулардан табылуы, Қазақстанның оңтүстік-шығыс және шығыс аймақтарында аталған құс түрінің болғанын айғақтайды. Бірақ тауықтың қолға үйретілуі туралы ортақ пікір жоқ. Талас өңіріндегі ортағасырлық қалалардан табылған құс сүйектері тауыққа тиесілі болуы мүмкін екендігін жоққа шығармаймыз. Бірақ, орнитологиялық тұрғыдан дәлелденбегендіктен, бұл болжамды нақты деп айту ерте. Ойымызды қорытындылайтын болсақ, Талас өңірінің ортағасырлық тұрғындарының тағам рационында үй жануарларымен қатар, жабайы жануарлар және құс түрлері де болған (кесте 14).

Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдарды Іле Алатауы мен Іле өзенінің аңғарындағы ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануар сүйектерімен салыстыра зерттеу, өз кезегінде өңірдің ортағасырлық шаруашылығы туралы тұжырым жасауға ықпал етері сөзсіз. Осыған байланысы, Талас өңіріндегі ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдарды салыстыру үшін, ортағасырлық Қастек, Талғар қалалары мен Шеңгелді төрткүлінің материалдары қарастырылды. Ортағасырлық Қастек қаласының остеологиялық материалдарын палеозоолог Д. О. Гимранов

зерттеген [Нуржанов, Гимранов, 2019, с. 531]. Ортағасырлық Шеңгелді қаласының остеологиялық материалдарына палеозоолог П. А. Косинцев және М. С. Шагирбаев талдау жүргізген [Савельева, Шагирбаев, 2020, с. 392.]. Ортағасырлық Талғар қаласының материалдарына палеозоолог Л. А. Макарова [Макарова, 1974, с. 205] және М. С. Шагирбаев талдау жүргізген. Өзара салыстыра зерттеу нәтижесінде, Іле өңіріндегі ортағасырлық қалаларда уақ мал басымдыққа ие екендігі анықталды. Ал жылқы шаруашылығы Қастек пен Шеңгелді ескерткіштерінде екінші орында болса, Талғарда үшінші орында. Бұл жерде аталған ескерткіштердің белгілі бір бөлігіне жүргізілген қазба материалдары есепке алынғанын ескеруіміз қажет. Белгілі бір жануар түрлерінің санындағы өзгеріс диапозондары келешектегі зерттеулерде өзгеруі ғажап емес. Іле өңіріндегі ортағасырлық қала тұрғындарының тіршілігінде аңшылықтың рөлі мен тағам рационында бірқатар өзгерістер бар. Мәселен, Қастектің тұрғындары құлан аулаған. Бұл жағдай Талас өңіріндегі ескерткіштерден кездеспеген жағдай. Ал, Шеңгелді тұрғындарының тағам рационында тасбақа еті қолданылған [Савельева, Шагирбаев, 2020, с. 392].

Талас өңіріндегі ортағасырлық Ақыртас төрткүлі, Шөлтөбе, Ақтөбе 1 (Орловка), Қостөбе, Тараз қалалары, Шу өңіріндегі Құлан қаласы және Іле өңіріндегі ортағасырлық Қастек, Талғар қалалары мен Шеңгелді төрткүлінің (тоғыз ескерткіш) остеологиялық материалдарын байланыстыра талдау нәтижесінде, ортағасырларда аталған өңірлерде мал шаруашылығының 54,4% уақ мал құрағаны анықталды (кесте 15). Екінші

Кесте 14 – Шу-Талас өңірлеріндегі IX–XIII ғасырлармен мерзімделетін ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануар сүйектерінің саны мен жануар түрлері

№	Жануар түрлері	Ақыртас төрткүлі X–XIII ғғ.	Құлан VIII–X ғғ.	Тараз IX–XI ғғ. Цитадель	Ақтөбе (Орловка) XI–XII ғғ.	Шөлтөбе IX–XII ғғ.	Қостөбе IX–XII ғғ.	Жалпы
1	Қой – <i>Ovis aries</i>	90	564	269	102	114	54	1193
2	Уақ мал – <i>Capra et ovis</i>	701	-	-	20	-	-	721
3	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	377	231	108	47	41	20	824
4	Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	163	181	41	65	55	63	568
5	Ешкі – <i>Capra</i>	3	5	11	-	-	-	19
6	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	2	13	3	3	3	2	26
7	Есек – <i>Equus asinus asinus</i>	1	2	-	4	1	-	8
8	Ит – <i>Canis familiari</i>	2	2	12	4	1	-	21
9	Арқар – <i>Ovis ammon</i>	6	-	-	-	-	-	6
10	Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	-	1	-	-	1	-	2
11	Елік – <i>Capreolus pygargus</i>	-	-	-	1	-	-	1
12	Бұғы – <i>Cervus elaphus</i>	-	-	-	1	-	-	1
13	Мысық – <i>Felis s. catus</i>	-	5	19	-	-	-	24
14	Құс – <i>Aves indet</i>	2	8	-	-	8	-	18
15	Қырғауыл – <i>Phasianus c.</i>	-	-	-	2	-	-	2
16	Қабан – <i>Sus scrofa</i>	-	1	2	-	-	-	3
Жалпы		1347	1013	465	249	224	139	3437

орында жылқы шаруашылығы болса, үшінші орында ірі қара өсірілген. Үй шаруашылығында болған түйе, есек, ит жалпы жануар сүйектеріне шаққанда 1,7% құрайды (сур. 8).

Салыстырмалы талдау

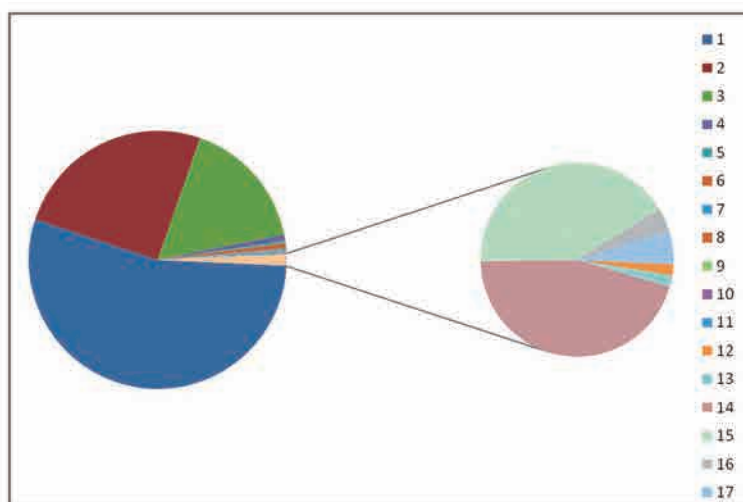
Талас өңіріндегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың құрылымдық ерекшеліктері Сырдарияның орта және төменгі ағысына қарағанда біршама ерекшеленеді. Сырдария бойындағы ортағасырлық қалалардан табылған остеологиялық материалдар туралы мәліметтер 1970 жылдардан бастап кездеседі. Ортағасырлық Отырар және Күлтөбе қалаларынан табылған жануар

сүйектерін палеозоолог Л. А. Макарова зерттеген [Макарова, 1974, с. 205]. Ортағасырлық Қаратөбеден (Ежелгі Сауран) 2019 ж. қазба барысында табылған жануар сүйектеріне палеозоолог П. А. Косинцев және М. С. Шагирбаев талдау жүргізген. Ортағасырлық Жанкент қаласының остеологиялық материалдарына талдау жүргізген палеозоолог Л. Л. Гайдученко [Гайдученко, 2014, с. 162].

Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануар сүйектеріне жүргізілген археозоологиялық зерттеу нәтижелері уақ малдың (қой-ешкі) басым екендігін көрсетіп отыр (71,8%). Уақ

Кесте 15 – Шу-Талас өңірлеріндегі тоғыз ортағасырлық ескерткіштен табылған жануар сүйектерінің көлемі

№	Жануар түрлері	Сүйек саны	Сүйек саны %
1	Қой – <i>Ovis aries</i>	1175	31,4
2	Уақ мал – <i>Capra et ovis</i>	835	22,3
3	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	942	25,2
4	Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	616	16,5
5	Ешкі – <i>Capra</i>	21	0,5
6	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	28	0,7
7	Есек – <i>Equus asinus asinus</i>	11	0,2
8	Ит – <i>Canis familiaris</i>	25	0,6
9	Арқар – <i>Ovis ammon</i>	7	0,1
10	Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	3	0,08
11	Құлан – <i>Equus hemionus</i>	4	0,1
12	Тасбақа – <i>Testudines</i>	4	0,1
13	Елік – <i>Capreolus pygargus</i>	9	0,2
14	Аю – <i>Ursus arctos</i>	1	0,02
15	Бұғы – <i>Cervus elaphus</i>	1	0,02
16	Мысық – <i>Felis s. catus</i>	24	0,6
17	Құс – <i>Aves indet</i>	22	0,5
18	Қырғауыл – <i>Phasianus c.</i>	2	0,05
19	Қабан – <i>Sus scrofa</i>	3	0,08
ЖАЛПЫ		3733	100

Сур. 8. Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық қалалардан табылған жануар сүйектерінің мөлшері

Fig. 8. Volume of animal bones found from medieval cities in Shu-Talas Valley

малдың ішінде нақты анықталған қой сүйектерінің мөлшері 75%. Бұл жерде жануар түріне нақты ажыратыл-

май, жалпы уақ мал деп көрсетілген топтаманың ішінде де қой санының көп екендігін ескеру қажет (кес-

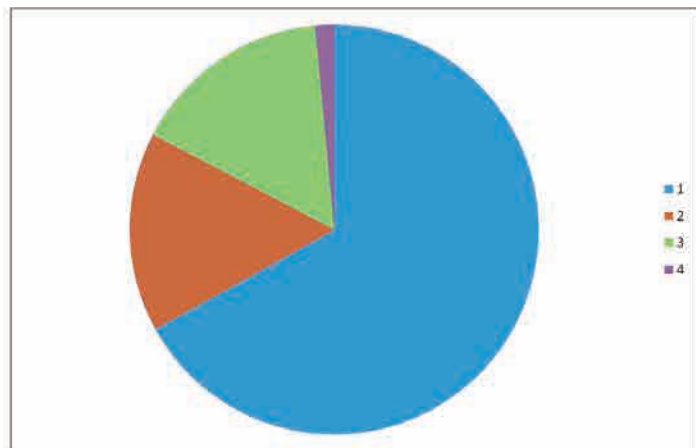
те 16; сур. 9). Дегенмен барлық ескерткіштерде ешкі не жоқ, не саны мүлдем төмен болуымен ерекшеленеді. Бұл жоғарыда айтқанымыздай қоймен ешкі сүйектерін ажыратудағы қиындықтармен тікелей байланысты. Бір қызығы Сырдария бойында жылқыға қарағанда ірі кара басым. Ірі кара саны жекелеген ескерткіш бойынша да, жалпы ескерткіштер бойынша да сәл ғана артықшылыққа ие. Жылқы сүйектерінің санына қарағанда ірі кара сүйектерінің аздап болса да басымдықта болуы, оңтүстікте бұл жануардың шаруашылықта маңызды орын алғанын көрсетеді. Жылқы сүйектерінің жалпы мөлшері 10% құрап отыр. Шу-Талас өңірлеріне

қарағанда Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы ортағасырлық қала тұрғындарының тағам рационы күрделірек. Мұнда жұптұяқты жануарлармен қатар, құстың бірнеше түрлері, балық та кездеседі. Жыртқыш жануарлардан түлкі сүйегі ғана анықталған. Шамасы аңшылық тері илеу кәсібімен байланыста дамыған тәрізді. Есесіне балық шаруашылығы жақсы дамыған. Жабайы жануарлардан оңтүстік өңірлерде құлан, қарақұйрық және ақбөкен сүйектері көп кездесіп отыр. Бұл аталған жануарлардың мекендеу ареалының негізгі орталығы осы оңтүстік өңірлер болуымен байланысты.

Кесте 16 – Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы ортағасырлық ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдар бойынша жануарлар түрі

остеологиялық материалдар бойынша жануарлар түрі

№	ЖАНУАР ТҮРЛЕРІ	Отырар	Күлтөбе	Қаратөбе	Жанкент	Жалпы
1	Қой – <i>Ovis aries</i>	-	-	15	4221	4236
2	Ешкі – <i>Capra</i>	-	-	-	4	4
3	Уақ мал – <i>Capra et ovis</i>	426	980	-	-	1406
4	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	298	360	2	173	833
5	Ірі кара – <i>Bos taurus</i>	242	380	8	467	1097
6	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	40	23	1	67	131
7	Ит – <i>Canis familiaris</i>	-	-	-	14	14
8	Есек – <i>Equus asinus asinus</i>	-	-	1	11	12
9	Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	2	74	-	4	80
10	Бұғы – <i>Cervus elaphus</i>	-	-	1	-	1
11	Құлан – <i>Equus hemionus</i>	-	-	-	9	9
12	Қарақұйрық – <i>Gazella subg.</i>	-	-	-	3	3
13	Мысық – <i>Felis s. catus</i>	-	-	1	-	1
14	Түлкі – <i>Vulpes vulpes</i>	-	2	-	-	2
15	Қоян – <i>Lepus sp.</i>	-	-	-	1	1
16	Құс (белгісіз) – <i>Aves indet</i>	-	-	14	1	15
17	Аққу – <i>Cygnus sp.</i>	-	-	-	1	1
18	Жайың (лақа) – <i>Silurus glanis</i>	-	-	-	1	1
19	Сазан – <i>Cyprinus carpio</i>	-	-	-	8	8
БАРЛЫҒЫ		1008	1819	43	4985	7855

Сур. 9. Қазақстанның оңтүстігіндегі (Шу-Талас өңірлері – тоғыз ескерткіш; Сырдария бойы төрт ескерткіш) ортағасырлардағы шаруашылық жүйесінде үй жануарларының үлесі: 1 – уақ мал; 2 – жылқы; 3 – ірі қара; 4 – түйе

Fig. 9. The share of domestic animals in the economic system of the Middle Ages in the south of Kazakhstan (Shu-Talas Valley – nine monuments; Syrdarya – four monuments): 1 – small cattle; 2 – horse; 3 – cow; 4 – camel

Жартас суреттері бойынша жануарлар фаунасы

Жалпы ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануар сүйектері негізінде аймақтың фауналық құрылымын анықтауда салыстырмалы түрде жартас суреттерінде бедерленген жануар бейнелерінің ықпалы зор. Себебі ғылыми ортада археозоологиялық мәліметтерге қарағанда, жартас суреттеріне қатысты зерттеулер жиі жарияланады.

Талас өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштердің остеологиялық материалдар бойынша анықталған жануарлар фаунасын Талас Алатауындағы Жалтырақ Таш, Ақсу-Жабағылы, Үлкен Қаратаудағы Сауысқандық [Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014], Арпаөзен, Жыңғылшық, Қойбағар, Кіші Қаратаудағы Габаевка және Маймақ петроглифтері [Бейсенов, Марьяшев, 2014, с. 94–137], Шу-Іле тауларындағы петроглифтер кешені

[Марьяшев, Горячев, 1998, с. 12–20] және Жетісу Алатауындағы Ешкіөлмес және Баян-Жүрек петроглифтеріндегі [Байпаков, Марьяшев, 2008, 102–121 бб.] жануарлар фаунасымен өзара салыстырып, бірқатар қызықты мәліметтерге қол жеткізе алдық (кесте 17). Кестедегі Батыс Жетісуда – Шу-Іле тауларындағы Құлжабасы, Тамғалы, Қарақыр, Серектас, Ойжайлау, Үңгірлі, Шокпар жартас суреттеріндегі бейнелер, ал, Шығыс Жетісуда – Жетісу Алатауындағы Ешкіөлмес және Баянжүрек петроглифтері негізге алынды.

Жартас суреттерінен анықталған жануарлар фаунасына талдау жасау барысында, Жетісу өңірімен Қаратау баурайында ұқсастықтар өте көп және бірқатар айырмашылықтар да бар екендігі байқалады. Екі аймақтан да үй жануарлары толық көрініс тапқан. Айырмашылықтар көбіне жабайы жануарлар бейнесінде

Кесте 17 – Жетісу және Қаратаудың жартас суреттерінен кездесетін жануарлар фаунасы

№	Жануар түрлері	Халықаралық ғылыми атауы*	Батыс Жетісу	Шығыс Жетісу	Қаратау
<i>Тұяқты жануарлар (сүтқоректілер – mammalia)</i>					
1	Жылқы	<i>Equus caballus</i>	+	+	+
2	Құлан	<i>Equus hemionus</i>	+	-	+
3	Ешкі	<i>Capra hircus</i>	+	+	+
4	Ірі қара	<i>Bos taurus</i>	+	+	+
5	Тау ешкі	<i>Capra sibirica</i>	+	+	+
6	Бұғы	<i>Servus elaphus</i>	+	+	+
7	Түйе	<i>Camelus bactrianus</i>	+	+	+
8	Арқар	<i>Ovis ammon</i>	+	+	+
9	Ақбөкен	<i>Saiga tatarica</i>	-	-	+
10	Елік	<i>Capreolus</i>	+	+	+
11	Тур	<i>Bos t. primigenius</i>	+	+	+
12	Қабан	<i>Sus scrofa</i>	+	+	+
<i>Жыртқыш аңдар (сүтқоректілер – mammalia)</i>					
13	Аю	<i>Ursus arctos</i>	-	+	-
14	Барыс	<i>Panthera (Carnivora)</i>	+	+	+
15	Мысық тұқым.	<i>Felidae</i>	-	+	+
16	Түлкі	<i>Vulpes vulpes</i>	+	-	-
17	Ит	<i>Canis familiaris</i>	+	+	+
18	Қасқыр	<i>Canis lupus</i>	-	+	+
<i>Бауырымен жорғалаушылар (Reptilia)</i>					
19	Жылан	<i>Serpenes indet</i>	-	+	+
20	Сарышаян	<i>Scorpiones</i>	-	-	+
21	Тасбақа	<i>Testudines</i>	-	-	+
<i>Құстар (Aves)</i>					
22	Құс	<i>Aves indet</i>	-	+	-
23	Бүркіт	<i>Aquila indet</i>	-	+	-
24	Өтеш	<i>Gallus gallus?</i>	+	-	-
Ескерту: *жануарлардың халықаралық ғылыми атаулары шартты түрде алынды.					

кездеседі. Мәселен, Қаратау және Батыс Жетісудағы жартас суреттерінде құлан бейнесі кескінделсе, Шығыс Жетісудың жартас суреттеріне қатысты еңбектерден құланға қатысты мәлімет кездестірмедік. Қаратау өңіріндегі жартас суреттерінен ақбөкен бейнесі өте жиі кездеседі. Ал, Жетісу өңірінде ақбөкен бейнесі өте сирек. Жыртқыш жануарлардан аю бейнесі тек Жетісудың шығыс бөлігінен

ғана анықталған. Ортағасырлық Талғар қаласынан да аюға тиесілі сүйек табылған (материалға археозоологиялық талдау жасаған М. С. Шагирбаев). Қаратау өңірінен бауырымен жорғалаушылар бейнесі өте жиі кездесетін құбылыс. Батыс Жетісуда құстар бейнесінің ішінде өтешке ұқсас суреттер бар. Бұл Талас өңіріндегі ортағасырлық қалалардан табылған құс сүйектерінің бірқатарын

үй тауықтарына жатқызған болжамдарды растай түсетін секілді.

Қорытынды

Ақыртас кешеніндегі төрткүлден табылған жануар сүйектері отандық археологияда алғаш рет сараланып отыр. Жануар сүйектеріне жүргізілген морфометриялық өлшемдер кейбір жануарлардың сүйек құрылымында бірқатар өзгерістер бар екендігін көрсетті. Сүйек материалдарға жүргізілген талдау жұмыстары Ақыртас төрткүлінің тіршілігінде мал шаруашылығының басым болғандығын айғақтайды. Табындағы (отар) жануардың басым бөлігін уақ мал құраған. Сүйектерінің саны жөнінен екінші орында жылқы, үшінші ірі қараға тиесілі. Уақ малды еті мен жүні үшін санын арттырғаны анық. Ірі қараның сүйектерін морфологиялық тұрғыдан талдау барысында, сойылған жануарлардың көпшілігінің жасы үлкен екендігі белгілі болды. Бұл сиырдың сүт өнімі үшін қолданыста болғандығын айғақтайды. Ірі қараны шаруашылықта күш көлігі ретінде пайдаланудың белгілері байқалған жоқ. Уақ малдың ішінде ешкінің сүйектері аз кездеседі, яғни уақ малдың құрамында қой үлкен басымдыққа ие болған. Сүйек материалдардың ішінде кездескен бірлі-жарым түйе сүйегі, аталған жануардың төрткүл тұрғындарының тіршілігінде аз көлемде қолданыста болғанын дәлелдейді. Төрткүлден жабайы жануарға тиесілі сүйектер өте аз кездесіп отыр. Жалпы сүйектерге шаққанда 0,5% (8 дана) құрайды. Жинақталған материалдар негізінде Ақыртас кешеніндегі төрткүл тұрғындарының тіршілігінде аңшылық аса үлкен

рөл атқармағанын аңғаруға болады. Сүйек материалдардың ішінде кездескен жабайы аң сүйектері төрткүл орналасқан аймақтағы табиғи ортаның жануарларына сәйкес. Жыртқыш аңдарға тиесілі сүйектер кездескен жоқ. Зерттеу барысында ғұрыптық жосындарында жануар сүйектерін пайдалану дәстүрін байқамадық. Бірақ уақ малдың асықтарын ойын құралы ретінде пайдаланған. Қой асықтарының дорсальды бөліктерін егеп, тегістеген.

Жартас суреттеріндегі жануарлар фаунасын Талас өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануарлар фаунасымен өзара салыстыруда, аймақта үй жануарларының сандық мөлшерінде үлкен өзгерістер болғанымен, жануар түрі бойынша ерекшеліктер көп еместігі байқалады. Талас өңірінің ортағасырлық ескерткіштерінен табылған жануар сүйектері аймақтың ортағасырлық фаунасында аса үлкен өзгерістер болмағанын көрсетіп отыр.

Іле, Шұ және Талас өңірлеріндегі ортағасырлық қалалардан табылған жануар сүйектері өз ішінде жануарлар фаунасының көптігімен ерекшеленеді. Осы өңірлеріндегі ортағасырлық тұрғындардың тағам рационы үй жануарларымен қатар жабайы жануарлар және құстардың көп болуымен күрделенеді. Бұл аймақтың табиғи-климаттық жағдайымен тікелей байланысты екені даусыз. Әзірге ортағасырлық ескерткіштерден табылған жануар сүйектерінің аздығы, толыққанды тұжырым жасауға ерте екендігін көрсетіп отыр.

Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы ортағасырлық тұрғындар су жануарларын тағам рационында қолдануымен ерекшеленеді. Жабайы жануарлардан құлан, бұғымен,

қарақұйрық және ақбөкен аулаған. Осы жануарлардың ішінде ақбөкенді көп аулауы ерекше қызығушылық тудырады. Себебі Сырдария бойындағы Шірік Рабад мәдениетіне тән Бәбіш мола қаласынан да ақбөкен сүйектері көп табылған болатын. Шамасы Ақбөкен аулау – көне дәуірден бастап, ортағасырларға дейін үздіксіз жүрген тәрізді. Себебі ақбөкенге тиесілі сүйектер басқа жабайы жануар сүйектеріне қарағанда мөлшері жағынан ең жиі табылатыны байқалып отыр. Мұны біз антикалық кезеңмен мерзімделетін Бәбіш мола, ортағасырлық Күлтөбе және Жанкент қалаларының остеологиялық материалдар кешенінен байқаймыз.

Сонымен, жалпы қорытынды жасайтын болсақ, Ақыртас төрткүлінен табылған остеологиялық материалдар бойынша анықталған жануарлар фаунасы Талас өңіріндегі ортағасырлық шаруашылық құры-

лымы туралы маңызды ақпарат беріп отыр. Талас өңіріндегі басқа ортағасырлық ескерткіштерден табылған археозоологиялық материалдармен өзара салыстыру нәтижесінде, шаруашылықта уақ малдың басым болғаны, екінші орында жылқы, үшінші ірі қараны дамытқаны байқалады. Сырдария бойындағы ортағасырлық қалалардан табылған остеологиялық материалдар кешені жылқыға қарағанда, ірі қараны көбірек пайдалануымен ерекшеленеді. Ал уақ мал Сырдария бойында бірінші орында ғана емес, жалпы мөлшерінің көптігімен де ерекшеленеді. Аңшылықтың рөлі Іле, Шу, Талас және Сырдария бойындағы табиғи-климаттық ортадағы жануарлар фаунасының құрамына қарай, аймақтық ерекшеліктерге ие. Аталған өңірлерде жабайы жануарлар үлесі өзара жақын.

ӘДЕБИЕТ

1. Базылхан Н. Этносемантические особенности некоторых этнонимов кочевых этносов // Ұлы дала: І-ші гум. ғыл. форум. м-ры / жауапты ред. Д.К. Кыдырали. Астана: Халықаралық түркі академиясы, 2016. С. 159–164.
2. Байпаков К.М. Археологический комплекс Акыртас. Научный отчет по программе «Культурное наследие» Джамбулской области. 2008 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 2, д. 2893, 53 л.
3. Байпаков К.М. Городище Акыртас. Отчет по «Государственной наследие по теме: Городище Акыртас в 2009 году // Архив Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 2, д. 2592, 31 л.
4. Байпаков К.М. Архитектурно-археологический комплекс Акыртас // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 118–132.
5. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Баян-Жүрек петроглифтері. Алматы: ИД «Средо», 2008. 200 б., 64 қосарбет (қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде).
6. Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им.А.Х. Маргулана, 2014. 156 с.
7. Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: изд-во АН КиргССР, 1963. С. 125–145.
8. Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. XVI. С. 163–206.
9. Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009–2012 гг.) // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) /сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: «Арыс», 2014. С. 161–178.

10. *Ерохин Н.Г., Бачура О.П.* Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований. сб. науч. ст. и метод. рекомендаций. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2011. С. 62–69.
11. *Зверев А.А., Зефирова Т.Л.* Статистические методы в биологии: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский Федеральный Университет, 2013. 42 с.
12. *Иванов Л.Д.* К вопросу о некоторых туркестанских древностях // ИРГО. 1886. Т. 21. С. 162–167.
13. *Каллаур В.* Поездка на Акыр-таш (Ахур-таш, Таш-акыр) и его окрестности // ПТКЛА. Историко-культурные памятники Казахстана / авт. предисл. и сост. М.Е. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. Туркестан: «Туран», 2011. С. 349–354.
14. *Карачаровский В.В.* Результаты определения костных остатков животных // Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938). Таласская долина / Сост. под общ. ред. проф. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1949. С. 198–202.
15. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абулгазы хана Хивинского. М.–Л.: изд-во АН СССР, Ленингр. Отд., 1958. 193 с.
16. *Курган Урджар* / сост. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. 120 с.
17. *Макарова Л.А.* Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане // В глубь веков / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 201–207.
18. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. 207 с.
19. *Нуржанов А.А., Гимранов Д.О.* Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневекового городища Кастек // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 529–538.
20. *Пацевич Г.И.* Акыр-таш (Ахур-таш, Таш-акыр). Археологические работы. 1940 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 2, д. 38, 9 л.
21. *Пацевич Г.И.* Ахыр-Таш // Вестник АН КазССР. 1949. № 4. С. 80–85.
22. *Савельева Т.В., Шагирбаев М.С.* Остеологические материалы из караван-сарая Шенгельды // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2020. № 1 (64). С. 390–400.
23. *Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Сауыскандық петроглифтері. Астана: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2014. 374 б.
24. *Талеев Д.Ә., Ержигитова А., Шагирбаев М.С.* Ежелгі Сауран (Қаратөбе) қаласының остеологиялық материалдары // «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: зерттеу, түсіндіру және сақтау мәселелері» атты «ХІІ Оразбаев оқулары» халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры (Алматы қ., 17–18 сәуір 2020 ж.). Алматы: «Қазақ университеті», 2020. 201–209 бб.
25. *Талеев Д.Ә., Шагирбаев М.С.* Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) қаласының остеологиялық материалдары // Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры. Алматы. Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 1 т. 230–242 бб.
26. *Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С.* Остеологические материалы античного памятника Бабиш-мола 7 в низовьях Сырдарьи (по материалам 2019 года) // Вестник КазНПУ им. Абая, сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2020. № 4 (67). С. 354–363.

27. Шарденова З.Ж. Замок правителя на городище Ақыртас // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 186–196.
28. Шарденова З.Ж. Крепость Ақыртас // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2005. С. 217–220 (на каз., рус. яз.).
29. Шарденова З.Ж. Крепость средневекового Касрибаса // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 194–201.
30. Driesch A. V. A Guide to the measurement of animal bones from archeological sites // Peabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University. 1976. Bulletin 1. 136 p.
31. Eisenmann V., Karchoud A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bulletin Museum natn. Hist. nat. Paris, 1982. P. 75–103.

REFERENCES

1. Bazykhan, N. 2016. In: Kydyrali, D. K. (ed.). *Materialy I-go gumanitarnogo nauchnogo foruma «Velikaya step» (Materials of the 1st humanitarian scientific forum «Great Steppe»)*. Astana: International Turkic Academy Publ., 159–164 (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 2008. In: *Archive A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, fund 2, dossier 2893, 53 (in Kazakh, Russian).
3. Baipakov, K. M. 2010. In: *Archive A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, fund 2, dossier 2592, 31 (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2018. In: *Kazakhstan Archeology*, 1–2, 118–132 (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2008. *Bayan Jurek petroglifleri (Petroglyphs Bayan Jurek)*. Almaty: ID “Credo” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
6. Beisenov, A. Z., Maryashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Jetysu (Petroglyphs of the Early Iron Age Jetysu)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
7. Bubnova, M. A. 1963. In: *Arkheologicheskiye pamyatniki Talasskoy doliny (Archaeological sites of Talas region)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR Publ., 125–145 (in Russian).
8. Witt, V. O. 1952. In: *Sovetskaya archeologia (Soviet archeology)*, XVI, 163–206 (in Russian).
9. Gaiduchenko, L. L. 2014. In: *Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Jankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive studies of the Jankent town (works 2011–2014))*. Almaty: “Arys” Publ., 161–178 (in Russian).
10. Erokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In: *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy (Interdisciplinary archaeological research methodology)*. Omsk: Omsk State University Publ., 62–69 (in Russian).
11. Zverev, A. A., Zefirov, T. L. 2013. *Statisticheskiye metody v biologii: uchebno-metodicheskoye posobiye (Statistical methods in biology: a training manual)*. Kazan: Kazan Federal University Publ. (in Russian).
12. Ivanov, L. D. 1886. In: *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Russian Geographical Society)*, 21, 162–167 (in Russian).
13. Callaur, V. 2011. In: *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo krugha lyubiteley arkheologii. Istoriko-kulturnyye pamyatniki Kazakhstana (Minutes of meetings and messages of members of the Turkestan circle of archeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan)*. Turkestan: “Turan” Publ., 349–354 (in Russian).
14. Karacharovskiy, V. V. 1949. In: *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (1936–1938). Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechensky archaeological expedition (1936–1938). Talas region)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 198–202 (in Russian).

15. Kononov, A. N. 1958. *Rodoslovnaya turkmen. Sochineniye Abulgazy khana Khivinskogo (Family tree of Turkmen. Composition by Abulgazy Khan Khivinsky)*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences, Leningrad branch Publ. (in Russian).
16. Baitanayev, B. A. (compl.). Kurgan Urjar. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of archeology, 2018. 120 s.
17. Makarova, L. A. 1974. In: Akishev, K. A. (ed.). *V glub vekov (In the middle of centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 201–207 (in Russian).
18. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1998. *Naskalnyye izobrazheniya Semirechiya (Rock paintings of the Seven Rivers)*. Almaty: Found «XXI Century» Publ. (in Russian).
19. Nurzhanov, A. A., Gimranov, D. O. 2019. In *Margulanovskiye chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: K.A. Akishev Research Institute near the L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 529–538 (in Russian).
20. Patsevich, G. I. 1940. In: *Archive A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, fund 2, dossier 38 (in Russian).
21. Patsevich, G. I. 1949. In: *Vestnik Akademii nauk KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 4, 80–85 (in Russian).
22. Savelyeva, T. V., Shagirbaev, M. S. 2020. In: *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskiye i sotsialno-politicheskiye nauki» (Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University. Series «Historical and socio-political sciences»)*, 1 (64), 390–400 (in Russian).
23. Samashev, Z., Murgabayev, S., Eleuov, M. 2014. *Sauyskandyk petroglifteri (Petroglyphs Sauskandyk)*. Astana: the branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology (in Kazakh).
24. Taleev, D. A., Erjigitova A., Shagyrbayev, M. S. 2020. In: *XII Orazbaev oqulary (XII Orazbayev Readings)*. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University Publ., 201–209 (in Kazakh).
25. Taleev, D. A., Shagirbaev, M. S. 2020. In: *Margulanovskiye chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ., 230–242 (in Kazakh).
26. Utubaev, J. R., Shagirbaev, M. S. 2020. In: *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskiye i sotsialno-politicheskiye nauki» (Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University. Series «Historical and socio-political sciences»)*, 4 (67), 354–363 (in Russian).
27. Shardenova, Z. Zh. 2000. In: *Izvestiya MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Proceedings of the MES RK, NAS RK. Series of social sciences)*, 1, 186–196 (in Russian).
28. Shardenova, Z. Zh. 2005. In: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoy programme “Kulturnoye naslediye” v 2005 godu (Report on archaeological research under the State program “Cultural Heritage” in 2005)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 217–220 (in Kazakh, Russian).
29. Shardenova, Z. Zh. 2010. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News of NAS RK. Series of social sciences)*, 1, 194–201 (in Russian).
30. Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University*. Cambridge, 1, 66–101 (in English).
31. Eisenmann, V., Karchound, A. 1982. In: *Bulletin Museum natn. Hist. nat. Paris*, 75–103 (in English).

УДК 39+902(574)
МРНТИ 03.61.91; 03.41.91

АС БЕРУ ЖӘНЕ ТАС МҮСІН (жік түскен дәстүрлер)

Орынбай Жаңабайұлы Ошанов¹

¹«Ұлы даланы зерттеу институты» ЖШС, Алматы қ., Қазақстан.
E-mail: dadan_@mail.ru

Аннотация. Мақалада қазақтың ас беру дәстүрі мен тас мүсіннің ерте замандарда бір ғұрыптық шара болғандығы қарастырылып жан-жақты дәлелденеді. Тас мүсін тұрған жерлердің қазақтың ас берген «ошақ» орындарымен қатар келуі екі ғұрыптың бастауы бір екендігін көрсетеді. Далалық зерттеу барысында Қарағанды облысының Ақтоғай ауданы жерінде анықталған «Орманбет ошағы», «Ербекей ошағы», «Шегетай ошағы» орындары және осы алқапта орналасқан тас мүсіндер дәлелге келтіріледі. Мақалада экспедициялық жұмыстардың нәтижесі және ас беру барысында орын алатын салт-дәстүрлер және көне ғұрыптар сөз болады. Тас мүсіннің бойындағы «ыдыс», «аяқ-табақ» секілді дүниелер осы көне ас беру ғұрпымен байланысты туындағаны және т.б. жайттар қарастырылады. Ас беру ғұрпының қоғамдық ролі, тарихи-саяси маңызы анықталады. Мақалада қазақпен қатар қырғыз халқындағы ас беру дәстүрі қоса сипатталады.

Түйін сөздер: ас, ошақ, сауын айту, жөнелту, тас мүсін, құрбандық орын, тұл ат, бәйге, этнография, археология

ТРИЗНА И КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ (разделенная традиция)

Орынбай Жанабайұлы Ошанов¹

¹ТОО «Институт исследования Великой степи», г. Алматы, Қазақстан.
E-mail: dadan_@mail.ru

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается и обосновывается идея о том, что казахская традиция проведения тризн (ас беру) и установка каменных изваяний в ранний период представляли собой одно обрядовое действие. На это указывает то, что места установки каменных изваяний совпадают с местами проведения тризн последних веков. Эти места в степи встречаются в виде отдельных топонимов. Как обычно в народной памяти эти долины до сих пор ассоциируются с поминками и называются в честь того или иного усопшего – «очаг такого-то» (напр.: «Очаг Орманбета», «очаг Бектаса» и т.д.). Очаг – это то место, где во время поминок располагались «полевые» кухни, там же проводился убой домашних животных, ставились казаны и бесперестанно варилось мясо для гостей. В степи в некоторых местах до сих пор сохранились следы очага в виде лунки или места, обложенные камнем. В статье так же приводятся результаты полевых исследований соответствующих мест; обобщены традиции и древние ритуалы, сопровождавшие тризну; рассмотрены элементы каменных изваяний

с изображением посуды и утвари, свидетельствующие об их связи с древней традицией тризн, раскрывается их семантическое значение.

Ключевые слова: тризна, поминки, «сауын айту» (приглашение), проводы, очаг, изваяния, жертвенник, жертвенный конь, скачки, этнография, археология

TRIZNA AND STONE SCULPTURES (tradition divided)

Orynbay Zh. Oshanov¹

¹LLP «Institute for research of the Great steppe», Almaty, Kazakhstan.
E-mail: dadan_@mail.ru

Abstract. The article comprehensively examines and substantiates the idea that the Kazakh tradition of triznas (as беру) and the installation of stone statues in the early period were one ritual action. This is indicated by the fact that the places where the stone statues were installed coincide with the places where the funeral triznas of the last centuries were held. People's memory of these places is still associated with commemoration, and calls the honor of the deceased – “the hearth of such” (e.g.: “the hearth of Ormanbet”, “the hearth of Bektas”, etc.). The hearth is the place where during the commemoration “field” kitchens were arranged, the cattle allocated for slaughter were slaughtered there, and kazans were set up, and meat was continuously cooked for the guests. The article also contains the results of expeditionary studies of the relevant places; summarized the traditions and ancient rituals that accompanied the funeral feast; elements of stone statues with the image of dishes and utensils were considered, testifying to their connection with the ancient tradition of triznas, and their semantic meaning is revealed.

Keywords: trizna, commemoration, farewell, hearth, statues, altar, sacrificial horse, horse racing, ethnography, archaeology

Kipicne

Тас мүсіндердің мән-мағынасын анықтауда археологиямен қатар жазба және этнографиялық деректерді ұштастыра зерттеудің маңызды екенін кезінде Л. Р. Кызласов атап көрсеткен болатын [Кызласов, 1964, с. 27]. Сонымен қатар С. И. Руденко Пазырық обаларының тұрғызылуы ас секілді шаралар негізінде іске асқанын алға тартып, археология мәселесінде қазақ, қырғыз халықтарының этнографиясын ден қойып зерттеудің маңыздылығын жазады [Руденко, 1953, с. 256–257]. Өкінішке орай бұл мәселеде (жалпы археологияда) түркі-моңғол халықтарының рухани және заттық мәдениетіне әлі күнге жете

мән бермейміз. Ал бұл халықтардың заттық және рухани мұраларында далада тұрған тарихи ескерткіштердің көптеген шешуші кілті жатыр.

Зерттеушілердің назарынан тыс қалып келе жатқан әдет-ғұрыптардың бірі (С. И. Руденко нұсқағандай) – ас беру дәстүрі. Зерттеп қарасаңыз ас беру дәстүрінің далада тұрған тас мүсіндермен тамырластығы байқалады. Тас мүсін тұрғызу ерте дәуірлерде ас беру дәстүрінің негізгі ғұрыптық шараларының бірі екендігін болжауға болады. Тек тастан мүсін тұрғызу ғасырлар қойнауында қалып, ал ас берудің басқа ғұрыптары XX ғ. бас кезіне дейін сақталып жетті.

Халық жадында сақталған көне астың бірі – атақты Едігенің асы (XV ғ.). Ұлытауда Едігенің тауының етегінде «Едігенің майлы жұрты» деген алқап бар. Халық арасындағы аңыз бойынша Едігенің асында сойылған малдың етінен бұлақтың суы май болыпағыпты. Содан осы су «Майбұлақ» атанып кеткен (I). Асқа сойылған атының бассүйегін моласының басына қойған. Бассүйек таудың басында «соғыстан кейінгі уақытқа дейін болды» (1941–1945 жж.) дейді көзімен көрген Рашид ақсақал (II).

Материалдың сипаттамасы

Түсінікті болуы үшін алдымен ас беру дәстүріне, және оның барысында орын алатын көне далалық ғұрыптарға тоқтала кетсек.

Дәстүрлі ас беру түрі XX ғ. бас кезіне дейін қазақ пен қырғыз халқында сақталып келді. Ас – адам қайтыс болғаннан күннен кезек алатын (қонағасы, жетісі, қыркы, жүзі) ғұрыптық шаралардың жылдық нүктесі. Өз тілімен айтқанда *жөнелтудің* соңы. Дегенмен, белгілі бір рудың ішінен шыққан атақты адамына немесе тұтас бір рудың бастауында тұрған тұлғаларға ас беру салты араға жылдар салып барып тұрақты түрде қайталанып отырады. Мысалы, С. Шәріповтің жазуынша XIX ғ. өмір сүрген Ерден Сандыбайұлына үш рет ас берілген [Шарипов, 1982, 296-б.]. Қазақ халқы XVIII ғ. өмір сүрген атақты би-батырларға және одан да ерте ру бастауында тұрған түп бабаларға әлі күнге (сол ру өкілдері) ас беріп келеді. Әсіресе Қазақстан тәуелсіздік алуымен бұл үрдіс заманауи көріністермен, жаңаша белен алды.

Асты кез-келген адам бере алмайды. Ол мол шығынды қажет ететін шаралардың бірі. Сондықтан

асты дәулеті жеткен адамдар береді. Кей жағдайда белгілі адамы қайтыс болғанда намыс үшін сол рудың өкілдері ас шығынын жабылып көтеріп алған оқиғаларда бар. Ал хан, сұлтандардың асының шығыны қашанда қоластындағы рудың мойнына жүктелген. Асқа үш жүз өкілдері ғана емес, іргелес халықтардың (қалмақ, қырғыз) келіп қатысқаны жайлы ауыз әдебиеті мұралары жетерлік.

Назар аударарлық жайт қазақ халқы арасында ас өткен жерлер өз алдына топоним ретінде «ошақ» атауымен сақталып келеді. Мысалға «Ботақан ошағы» (Шыңғыстау), Бектастың ошағы (Торғай), «Ерденнің ошағы» (Ұлытау), «Шегірдің ошағы» (Ұлытау), «Орманбеттің ошағы», «Ербекей ошағы», «Шегетайдың ошағы» (соңғы үшеуі Қарағанды обл. Ақтоғай ауд.) деген секілді атаулармен әлі күнге далада кездесе береді. Яғни бұл жерлер ас арналған марқұмның есімімен аталып қалған. «Ошақ» деп ас кезінде ошақ құрылып, қазан асылған жерлерді айтады. Ерденге ас берілген жерде (Ұлытауда) әлі күнге ошақтың орындары сақталған.

Әдетте ошақтар өзеннің бойында орналасады. Астың бірінші күні «Ошақ құрар» деп аталады. Бұл күні ас беретін жақтың адамдары келіп ошақ құрып, үй тігу секілді жұмыстары басталады. Ал асқа келуші қонақтар үшін киіз үйлер ошақ құрылған жерден алыстау, көбіне тау бөктерлей немесе жазық алқап ортасында өз алдына бөлек тігілген. Ортасында марқұмның қаралы туы тігілген киіз үйі орналасады. Киіз үй ішінде марқұмның тұтынған заттарын (киімі, ертоқымы, қамшысы, қару-жарағы) іліп қояды. И. А. Кастанье бұндай көріністі «тұлдап қойды» деп айтатынын жеткізеді [Кастанье, 1911, с. 91].

Қонақтар ас барысында осы үйге келіп бата қайырып, дұға оқыған.

Асқа шақырылған адамдардың санына немесе ас беруші адамдардың әл-ауқатына байланысты 200–300 үй, кейде одан да көп киіз үй тігілетін болған. Жазба деректердің өзінде 1000 киіз үйге дейін тігілгені жайлы мәліметтер кездеседі [Народы России, 1880, с. 52]. Бұл деректе асқа келген адамдар саны 15 мыңға дейін жететіні жазылған [Народы России, 1880, с. 51]. Халық аузында Ағыбай батырдың асында жиналған халықтың саны 20 мыңға дейін жетті деген мәліметтер айтылады. Ас ауқымына байланысты 3-күн, тіпті кейбір ұлы астар 7 күнге дейін созылған.

Қаралы ту тігілген үйде жоқтау айтылып, жылау секілді рәсімдер орындалғанымен, жалпы астың негізгі барысы ойын-сауық түрінде өтеді. Астың өту барысын жиналған рудың арасындағы өзара бәсеке деп қарастыруға болады. Өйткені мұнда әр рудың *намысын жыртықан* ақындар айтысы, балуандар күресі, найзагерлер сайысы, ат жарысы және т.б. ойын-шаралар өтеді. Асқа барар ру «ат апарамыз ба, ақын апарамыз ба?!» деп өз ішіндегі таңдаулы ақыны мен жүйрігін сайлап алатын болған. Бұдан бөлек күреске түсер балуаны, бір қойдың (кейде тайдың) етін жейтін «мешкейі» қоса жүреді.

Ас берген жақтың шығыны ерекше болады. Үлкен астарда 150-ден 300-ге дейін жылқы, 500 қой сойылып, келген қонақтарға тартылған. Мысалы 1874 ж. Лабақ Қуат баласының асына 300 жылқы, 500 қой; 1913 ж. Сүгірұлына 260 жылқы, 300 қой жұмсалған [Шарипов, 1982, 296-б.]. Бұл тек *сойыс малының* шығыны. Ал, ат жарысының жүлдесі одан неше есе асып түседі. Жазба деректердің өзінде XIX ғ. кейбір астарда ат жа-

рысында алғашқы 15 атқа жүлде тағайындалғаны кездеседі. Алдымен келген жүйріктің өзіне берілер сыйлық 100 рубльдің товары, 30 түйе, 100 жылқы, 30 сиыр, 500 қой болған [Народы России, 1880, с. 55]. Тіпті одан да көп, әрі қымбат сыйлықтар таратылғаны аталады. Сыйлықтың басына *ат жетектеген бір құл мен бір кұңнің* қоса берілетіні аңыз-әңгімелер мен жазба деректерде жиі көрініс береді [Чорманов, 2000, с. 23].

Ас соңында жыл бойы тұрған *сеп* бұзылады. Киімдері жақын адамдарының арасында таратылады. Егер қайтқан адам жауынгер болса, оның сауыт сайманы өзінің аманаты бойынша беріледі. Мысалы белгілі Көтібар батыр өлер алдында өзінің наркескен қылышы мен жүйрік атының жабуын ас кезінде аты бәйгеден келген адамға («ерекке») беруін аманаттаған. Осы аста шұбыртпалы Ағыбай батырдың аты бірінші болып келіп, ол бас жүлдеден бөлек Көтібар батырдың наркескен қылышы мен ат жабуын иемденген [Ақжолтай Ағыбай, 1992, 96 б.]. Ағыбай Кенесары ханның бас батыры болған. Ол Кенесары хан көтерілісінің (1837–1847 жж.) басынан аяғына дейін қатысқан тарихи тұлға. Қазақтардың дүниеден озған адамының сауыт-сайманын бәйгеге тігу дәстүрі жайлы Н. Рычков өзінің күнделік жазбаларында келтіреді [Дневные записки, 1772, с. 28].

Жазба деректерден XIX ғ. бас кезінде қазақтарда қайтыс болған адамның «бейнесін» жасау дәстүрі сақталғанын кездестіруге болады. Бұл деректе киіз үй ішінде ас өткенге дейін қара тумен бірге марқұмды бейнелейтін мүсін қойылатыны жазылған. Мысалы: «По окончании похорон вывешивают у юрты на длинном шесте небольшой лоскут черного

бархата или плису, вырезанный треугольником, а внутри юрты ставят болвана, наряженного в лучшее платье и имеющего сверх того панцирь или кольчугу, а на голове шлем. Пред сим болваном мать, жены и дочери покойного, кроме мужчин, каждое утро и вечер при захождении солнца, стоя на коленях оплакивают покойника, воспоминая и выхваляя добродетели его, храбрость, рукоделия и домовитость» [Киргиз-кайсаки, 1820, с. 162–163].

Бұндай «куыршаққа» марқұмның киімін кигізіп жоқтау айту жайлы А. Левшин де жазады. Әрі бұл дәстүрдің Орта жүздің кейбір жерлерінде сақталғанына тоқталады [Левшин, 1832, с. 110]. Өзінің зерттеу мақаласында Л. Қызыласовта бұл дәстүрдің ескі дәуірлерде қазақпен бірге қырғыз, якут халықтарында болғанына тоқталады [Қызыласов, 1964, с. 38].

Марқұмның дүниеден озғаннан кейін орын алатын келесідей ғұрыптық рәсімдері болады:

Қаралы ту. Қайтқан адамның үйінде асы өткенше тігіліп тұратын туды айтады. Бұны «қара тұрғызу» деп атаған [Халид, 1992, 180-б.]. Қара деген атауы қайғыны бейнелейтіндіктен, әрі білдіретіндіктен айтылады. Өйтпесе қайтқан адамның барлығына қара түсті ту тігіле бермейді. Мысалы бір деректе ер адамға ақ ту, әйел адамға қара ту тігеді деп жазылады [Народы России, 1880, с. 50]. Ал Құрбанғали Халид жас адамға қызыл түс, ересек адамға ақ түс, орта жастағы адам болса бір жағы ақ, бір жағы қара қылып ту тіккенін жазады [1992, 180-б.]. И. А. Кастаньенің дерегі де осыған үндес келеді. Ол жас адам қайтыс болса найзаның ұшына қызыл лента байланатынын келтіреді [Кастанье, 1911, с. 71]. Қ. Халидтің жазуынша төре тұқымы қайтыс болса,

тірі кезінде ұстаған тулары тігілетін болған [1992, 180-б.]. Қаралы ту тіккен үй ас кезінде ортада орналасады. Асқа келген адамдар осы үйге бас сұғып бата жасап шығады. Қаралы туды ас аяқталғаннан кейін ақсақалға немесе сыйлы адамға сындыртатын болған. Бұл рәсім кезінде әйел адамдар жоқтау айтып, жылап-сықтап дауыс шығарады. Қаралы туды сындырумен аза тұту аяқталады.

Сиректе болса қазақ пен қырғыз халықтарының ас беру дәстүрінде көрініс беретін «түйе шешу» («тайлақ тарту», «жез бұйдалы қара інген») ғұрыптық ойыны бар. Ә. Марғұлан бұл ойынға мән беріп ерте дәуірлерден сақталып қалған ойын екенін жазады [1985, 279-б.]. Р. Шомбал-Кукашев бұл ғұрыптық ойынның мән-мағынасын терең зерделей келе оның қаралы туды сындырумен мағаналас деп қорытқан [2001].

Жыртыс. Негізі жыртыс адам қайтыс болған кезден бастап азаға қатысқан адамдарға, көңіл айтып келушілерге үлестірілетін мата түрлері. Ол үшін арнайы тең-тең маталар сатып алынады. «Жыртыс» үшін алынатын маталардың шығыны да үлкен. Көңіл айта келген адамның барлығына «тәбарік» деп кездемеден бастап, ұзындығы 2 м кем емес мата үлестіріледі. Аста жыртыс берілмейді. Бірақ теңделген мата түрлері аста бәйге тіккен сыйлықтардың ішінен орын алады. Мысалы деректе: «Бывают и такие байги, на которых первый приз состоит из 100 верблюдов, 100 лошадей, 100 коров, 100 баранов, 100 рублей, 100 коканов, 100 аршин сукна, 100 аршин шай (канауса) и 100 концов маты» деп келеді [Народы России, 1880, с. 54–55]. Соңғы үшеуі мата түрлеріне жатады. Бұл *жыртысқа* кететін шығынның ас иесі үшін оңғайға түспейтінін аңғаруға болады.

Сеп жинау. Бұл марқұмның тірі кезінде пайдаланған дүниесін жинап қою. Асына дейін сақталады.

Сеп бұзу. Ас аяқталғаннан кейін орындалатын рәсім. Жиналған септі бір адамға арнайы бұздырады. Сеп бұзған адамға ат-шапан сыйлық беріледі [Халид, 1992, 183-б.]

Тұл ат. Тұл ат марқұмның тірі кезінде мінген аты болып табылады. Тұл аттың ғұрыптық жағы басым. Иесі қайтыс болғаннан кейін аты тұлданып (құйрығы кесіледі) асқа дейін құр жіберіледі. Тек көш кезінде ғана ұсталынып, ерттеледі. Иесінің тұтынған ер-тұрманын салады. Тек ертоқым керісінше (алды артына қаратылады) ерттеліп, үстіне иесінің киімін жауып, ердің қасына бас киімін кигізіп, көшпен бірге алып жүреді [Кастанье, 1911, с. 89]. Жауынгер адам болса ертоқымға қару-жарағы асылады. Бұндай көшті «*қаралы көш*» деп атаған. И. А. Кастаньенің жазуынша әйел адам қайтыс болса, оның ертоқымын түйеге салып, үстіне киімін және орамалын асып қояды. Түйенің бұйдасын қызы, ол болмаған жағдайда келіні жетекке алатыны туралы маңызды мәліметтер келтіреді [Кастанье, 1911, с. 71].

Тұл атты астың соңғы күні шаалады. Шалар алдында жоқтау айтылады. Оның еті асқа жиналған халықтың ішіндегі ерекше сыйлы қонақтарға беріледі. Тұл аттың бас сүйегін моланың басына қойатын болған.

Тұл қатын. Бұл атау қазақтың арасында сақталып келе жатқан көне сөздердің бірі. XIX ғ. екінші жартысы және XX ғ. бас кезінде өмір сүрген Қ. Халид «тұл қатын» жайлы «ері жоқ еркімен кеткен әйел» деп түсінік берген [Халид, 1992, 180-б.]. Әдетте күйеуі өлген әйелді «жесір» дейді. Әрі салт бойынша қазақ қоғамында күйеуі өлген әйел жылы өтіп, асы

берілгеннен кейін әмеңгерлік салт бойынша күйеуінің туыстарының біріне тұрмысқа шығады. Яғни, жесір әйел мен тұл қатынды шатастыруға болмайды.

Егер жоғарыда келтірілген тұл аттың атқарушы маңызын ескерсек, онда ерте дәуірлерде (сақ, түркі кезеңдерінде) «тұл қатын» жесір әйелдерден бөлектеніп күйеуінің соңынан о дүниеге аттандырылатын «құрбандық» болуы керек. Көне қытай жылнамаларында үйсін тайпасының билеушісіне ұзатылған император қызының осы салтқа тап келгені туралы мәліметтер сақталған. Тек ол өз елінде бұндай салттың жоғын айтып, зорға басын аман алып қалады. Бұл жайтқа қарағанда «тұл қатын» басқа елден келген (жорық кезінде олжаға келген) әйелдерінің ішінен, әлі балалы болмағаны таңдалатын секілді. С. И. Руденко бұл жөнінде: «Быть может, это были младшие жены, взятые из другого племени в “знак мира и родства”» деп жазады [Руденко, 1953, с. 254].

Сірә, уақыт өте келе бұл салт қолданыстан шыққаннан кейін, сол ескі дәуірлерден сарқыншақ ретінде ауыз-екі сөзде «тұл қатын» аты ғана сақталып жеткен. Қ. Халидтің тұл қатынды «еркімен кеткен әйел» деп сипаттауына қарағанда, кейін бұндай әйелді бостандыққа қойа беруден келіп шықса керек. Соған қарағанда тұл қатынға әмеңгерлік салты жүрмейді, таңдауы өз еркінде.

Қазақта «Тұл қатын» деген жұлдызатауы бар. Ол халық түсінігінде «қыдырма жұлдыз» қатарына жатады. «Тұл қатын» жұлдызы кей жылдары күн батқан соң, іле шақырайып батыстан көрінеді. Кейде аспан төрінде көрінбей кетеді. Ол шығыстан таң алдында көрінбеген жылы батыстан туады. Әрі күн сайын (шығысқа қарай)

өрлей береді. Сондықтан халық тұлқатын жұлдызын «қыдырма» деп атаған [Әбішев, 1962, 42-б.]. Бұл жұлдыздың сипатынан Қ. Халидтің тұл қатынды «өз еркімен кеткен әйел» сипатымен үндес келетінін аңғаруға болады.

Әрине «тұл қатын» дәстүрі қоғамның барлық өкілдеріне тән емес. Ол тек ақсүйектерге, дәулеті жеткен адамдарға тән көрініс екені анық. Қарапайым адам өз басы ғана жерленіп, қасына пышағы мен малдың бір мүшесі ғана қойылады. Оның асы да қарапайым өтеді (ырымы жасалады).

«Ат жетектеген құл мен күң».

Қазақ астарында тағы бір көне рәсім бар. Ол кейбір астарда ат жарысында бірінші келген жұлдеге «ат жетектеген күң мен құлдың» қоса берілуі. Бұл рәсімде сонау сақ-түрік дәуірлерінде орын алатын құрбандықтардың сарқыншағы болуы тиіс, яғни заманына қарай өзгеріске ұшыраған дәстүр деген ой туындайды. Өйткені қайтыс болған күйеуінің соңынан әйелінен бөлек, қызметші құлдары мен күндері қоса аттандырылатыны белгілі.

Жалпы қоғам дамыған сайын гуманизмдік (адамгершілік) сипаты бел алады. Сол сияқты түркі-моңғол халықтары да ғасырлар өткен сайын көптеген архаикалық дәстүрлерден арыла бастайды, әрі заманына қарай оның жаңаша бейімделген түрлеріне өтеді. Бұл әсер етуші себептердің қатарында бірінші кезекте діни фактор басты орынды иеленетіні анық. Сондықтан бір кезде о дүниеге аттандырылған қызметшілер, заман өте келе тіріқалдырылып, бәйгеден келген аттың жұлдесінің ішінде көрініс тапқан деп тұжырымдауға болады.

«Ат жетектеген күң» деген атауы болмаса, шын мәнінде күнді

ұзатылған қыз секілді киіндіріп, ерттеулі аттың үстіне отырғызып беретін болған. Бәйге болатын күні бұл «жұлделер» көпшіліктің көзіне көрсетіліп, жеке жерге «көрмеге» қойылған. Бәйге аттар келгенше күн аттың үстінде, күннің астында күтіп отыруға мәжбүр болады. Осындай бір көріністі қазақтардың асында өз көзімен көрген В. Радлов былайша сипаттап жазады: «Для победителей скачек было предназначено десять призов. Первым была небольшая юрта, крытая красным сукном, со всей необходимой домашней утварью. Перед ней на оседланной лошади сидела девушка в костюме невесты, на ее голове – саукеле. Кроме того, около юрты находилось пятьдесят голов разного домашнего скота (верблюды, лошади, коровы и овцы). Второй приз составляли десять ямбов серебра и по десять голов каждого скота и т.д.» [Радлов, 1989, с. 317]. Бәйгеге құл мен күнді тігу салты қырғыз халқында да сақталған. Қазақ пен қырғыздың талай асының куәсі болған М. И. Венюков қырғыздар жөнінде: «Буруты хотя тоже ставят на приз пленников и пленниц, но скота жалеют в большом числе» деп жазады [Венюков, 1868, с. 169]. Назар аударарлық жайт, бұл «құл мен күндер» барған жеріне «сіңісіп», уақыт өте келе сол рудың толыққанды мүшесіне айналады. Әрі сол рудың құрамында жеке бір тармағы болып қалыптасады. Қазақтың шежірелік деректерінде жорықта келген бала, ұзатылған қыздың қызметшісі болып келген әйел, бәйгеге тігіліп келген құл мен күң туралы мәліметтер молынан ұшырасады. Тіпті кейбір күндер мен қызметші әйелдер өзінің ақыл-парасаты арқасында, ел анасы атанып, тұтас бір рудың ұранына айналған. Бұл да көшпелі қоғамның құрылымындағы өзіндік бір ерекшелігі болып табылады.

Қазақта «өлім бардың малын шашады, жоқтың артын ашады» деген мақала бар. Ас берген адамның тақыр кедейге айналға кездері аз емес. Манас жырында Көкетай ханға ас бергенде ас шығынын тұтас қырғыз халқы көтеріп, жоқшылыққа ұшырап, бұл наразылықты ел билеушілері Манасқа қарсы өз пайдаларына іске асырмақ болады. Қосайдың Манасты кінәлап сөйлейтін кезі:

«От того киргиз обнищал,
Что Манас весь мир угощал,
Все народы оповещал,
На поминках всех величал»
[Манас, 2004, с. 32].

Керісінше ас беру барысында малының үстіне мал қосып көбейтіп алған жайттар кездеседі. Бұл ас беруші адамның қоғамдағы рөліне байланысты. Егер ол қолында билігі бар, ел алдында беделді адам болса асқа келуші адамдар «босағаға байлағаным», «әруаққа атағаным» деп үйірімен мал (жылқы) айдап әкеледі. Мысалға ел әңгімелерінде Өскенбайдың асы (1851 ж.) кезінде Ағыбай батыр Құнанбайға «азаға байлағаным» деп 5 құр ат әкелсе, керей Шүршіт бай 10 семіз жылқы бергені айтылады [Тұрсын Жұртбай, URL]. Бұл бір жағы Ағыбайдың Кенесары көтерілісінен кейін қуғындалып, кейін (1849 ж.) кешірім алып, Қарқаралы уезіне қабылданғанының қарымтасы болса керек. Өйткені осы жылдары Құнанбай Қарқаралы уезінің аға сұлтаны болған. Соған қарағанда Құнанбай Ағыбай және оған қарасты шұбыртпалылардың мәселесінің оң шешім табуына қолғабыс еткен болуы тиіс. Осы астағы күресте найман балуанын жеңген құланшы Қоғыл балуан да өзінің сыйынан бас тартып «өз атамның тойында бәйге алам-ба?!» деп берілген малды «босағаға байлағаным» деп Құнанбайдың өзіне қалдырып кетеді.

Жалпылама айтқанда ас беру дәстүрінің және онда орын алатын ғұрыптардың қысқаша сипаты осылай болып келеді.

Талдау

Ас беру дәстүрінің ізін даладағы ескерткіштерден іздесек тас мүсінге келіп тірелеміз. Тас мүсіндердің мән-мағынасы жайлы зерттеушілердің пікірі екіге жарылғаны белгілі. Бірі «тас мүсін марқұмның өзіне арналған» десе, екінші жақ «өлтірген жауының мүсіні» деп қарастырады. Дегенмен зерттеуші ғалымдардың тас мүсінді тұрғызу кезіндегі ас беру (поминки, пиршество) жөнінде ойлары бір жерден шығады. Бірақ археолог ғалымдар бұл тұста *асқа* жете мән бермеген. Астың (жоғарыда жазғанымыздай) көшпелілерде біржылдан кейін берілетін ғұрыптық рәсім, сондай-ақ үлкен қоғамдық-саяси мәні бар масштабты іс-шара екені тыс қалған. Ал астың өту барысы марқұмға деген еске алу, құрмет көрсету ғана емес, ол жерде қоғамдық мәселелер шешілген. Асқа тек қазақ рулары ғана емес, іргелес елдер өкілдері келетін болған соң, бұл жерде ру аралық даулар, ішкі-сыртқы саясаттағы мәселелер қарастырылған [Кастанье, 1911, с. 92]. Астың қоғамдық-әлеуметтік, саяси маңызы Е. Смағұловтың арнайы диссертациялық жұмысында жақсы көрініс тапқан [Смағұлов, 2005].

Әрине XVIII–XIX ғғ. ас беру дәстүрі мен тас мүсін орнатудың арасында мыңжылдық алшақтықтың жатқаны анық. Дегенмен уақыт алшақтығына карамастан екеуінің (ас беру мен тас мүсін) арасын жақындастыратын бірнеше өзіндік үндестіктер бар. Бұл үндестіктердің өзін *ішкі* және *сыртқы* деп бөлуге болады. Сыртқы – бұл тас мүсін мен астың қоршаған ортасы. Ішкі –

тас мүсін мен астың өз бойындағы белгілер.

Алдымен *сыртқы үндестіктерге* тоқталайық. Біріншіден, тас мүсін тұрған жерлер мен ас өтетін орындар жайлау болып табылады. Қазақстан аймағында орналасқан тас мүсіндер барлығы дерлік жайлауларда орын тепкен. Меркі, Жайсаң секілді Шу-Талас аймағында таулы жерлерде орын тепкен тас мүсіндердің орналасуы да осыны көрсетеді [Досымбаева, 2006]. А. Досымбаева тек тас мүсіндерді ғана емес, сонымен бірге жайлау үстінде орын алатын көшпелілердің тұрмыс-салтын өте дәл сипаттаған [Досымбаева, 2006, с. 15].

Тас мүсіндердің барлығы дерлік өзен-су бойларына жақын орналасқан. XIX ғ. орын алған қазақ астарының өткен жерін қарасаңыз жайлаулы жерлерді көресіз. Ә. Марғұлан өз еңбегінде тас мүсіндер тұрған жерлер жайлы: «Халықтың ұлы мерекесі, өлген адамына ас беру, ат шаптыру, балуан күрестіру қашан да сондай жазық алаңда өткізілетін болған» деп жазады [Марғұлан, 2007, 227-б.].

Екінші үндестік, тас мүсіндер орналасқан қоршаудың немесе обаның ішінде адамның жерленбейтіндігі. Яғни ол еске алу ғұрпымен байланысты далада тұрғызылған жәдігер. Ас өтетін орын да осы негіздес. Яғни, ас берілетін адамның зираты ол жерде болуы міндетті емес. Мысалы Абылай ханның сүйегі Қожа Ахмет Ясауи кесенесінде (Түркістанда) жерленгенімен ас берліген жері (1783 ж.) Көкшетау даласы, аға сұлтан Құнанбай Өскенбайға асты Шыңғыстауда емес, Қарқаралы елімен іргелес Көкшеде берді. Кей жағдайда ас марқұмның зираты тұрған жерде де беріледі. Бірақ ол үшін оның зираты жайлауда болуы керек. Қазақ зираттары негізінен қыстаулы жерлерде

шоғырланған. Ал күзеу немесе жайлау жерінде тұрған жеке дара мазарлардың атқарушы міндетінен гөрі, саяси маңызы басымырақ. Әдетте бұндай жекелеген зираттар танымал адамның моласы, әрі сол рудың мекендік шекарасын анықтап, әрі айғақ ретінде қызмет атқарып тұрады.

Үшінші үндестік, ас беру мен тас мүсінге тән ортақ ландшафт бар. Ол Сарыарқа үшін өзен-сулы шалғынды кең дала, таулы-қыратты жерлердің арасындағы жазықтар болса, ал Жетісу, Шу-Талас үшін Алатаудың үстіндегі «жазық» жайлаулар (Альпілік шалғындар) болып табылады. Қазақстанның далалы және таулы аймақтарында ас беру дәстүрінің еш өзгешілігі жоқ. Барлығы жайлауда өтеді. Тек ат бәйгесі ғана жер рельефіне байланысты Алатау жотасы секілді таулы жерлерде етектен (тау баурайынан) жоғарыға қарай шаптырылады.

А. Д. Грач Тува жеріндегі тас мүсіндердің тұрақты түрде тау арасындағы ойпаттарда және тау үсті жазықтарында, сонымен қатар негізгі бөлігі өзен алқаптарында орын тепкені туралы жазады [Грач, 1961, с. 15]. Керісінше орманды аймақтарда тас мүсіндердің кездеспейтінін нақтылап көрсетеді. Тек А.Д. Грач өз ойын тас мүсіндерді арнайы күре жолдардың бойына тұрғызған деп қорытады [Грач, 1961, с. 81–82]. Осы тұста А. Д. Грачтың пікіріне еш нұқсан келтірместен тек сәл ғана, яғни «жайлауда» деп түзету енгізуге болады. Тува жерінің этнографиясының маманы емеспін, дегенмен ғалымның сипаттауынан тас мүсіндердің бұл өлкеде де жайлау жерлерде тұрғанын аңғаруға болады. Ал, көшпелі халықтарда ең күре жолдар өтетін жерлер жайлау орындары болып табылады. Өйткені көшпелі рулар жан-

жаққа тарап кететін қысқы орындармен салыстырғанда жайлауда бір-біріне жақын келіп шоғырлана орналасады. Қысқы уақытта жол қатынасы қиындап, әр ру өз бетімен қалатыны белгілі. Ал жазғы уақытта керісінше, рулар бір-біріне жақын келіп, әрі жолдар ашылып сырт елдерден жолаушылар, елшілер, керуеншілер үздіксіз келе бастайды. XIX ғ. қазақ жерінде жұмыс істеген жәрмеңкелердің уақытын алып қарасаңыз екі мезгілді көресіз. Ол мамыр-маусым айларының және күзгі қыркүйек-қазан айларының аралығы. Бұл көшпелі шаруашылықта көктемгі *жабағы жүн* және күзгі *күзем жүн* алынатын уақыттар. Әрі күзге таман малдың қонданған кезі. Осы уақыттарда сырттан саудагерлер көптеп келіп көшпелі рулардың өнімдерін айырбасқа алса, керісінше көшпелілер саудагерден тұрмысына қажетті азық түрлерін, керекті заттарын, сонымен бірге асқа қажетті өзінде жоқ өнімдері, яғни «шай-жемін», «жыртыс» маталарын (теңдерін) алып тұрған. Сондықтан тас мүсін мен күре жолдың жайлауда тоғысуы табиғи түрде қалыптасқан жайт.

Ас беру ғұрпы мен тас мүсіннің арасындағы үндестіктің ең маңызды куәсі, ол – *тас мүсін мен ошақ орнының бір алқапта әлі күнге қабаттаса кездесуі болып табылады*. XIX ғ. қазақ астары өткен жерлер мен көне тас мүсіндердің жайлауда қатар келуі жайдан-жай болмаса керек. Сондықтан о баста шығу тегі бір болғандықтан әлі күнге бір-бірін толықтырып тұрған далалық дәстүрлер деп айтуға болады.

Қазақстан жерінде тас мүсіндердің жиі кездесетін өлкелердің бірі – Ақтоғай ауданы (Қарағанды обл.). Бұл Ақтоғай ауданы өңірлерінің тас мүсіндері Ж. Құрманқұлов пен

Л. Н. Ермоленконың зерттеулерінде көрініс тапқан [Құрманқұлов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, 2004].

2018–2019 жылдары далалық зерттеу жұмыстары барысында Ақтоғай ауданы жерінде бір алқапта орналасқан тас мүсін мен ошақ орындарының бірнешеуін анықтаудың ұшыратудың сәті түсті. Жоғарыда жазғанымыздай, ошақ – далада ас өткен жерлердің атауы. Әдетте ас берілген адамның есімімен аталады.

Орманбет ошағы. Тас мүсін тұрған және ас берген жердің бірі Ақтоғай ауданы Қоңырат ауылдық округіне қарасты Жалаңаш елді-мекені маңы. Осы елді-мекеннен солтүстікке қарай 2–3 км қашықтықта, Ақтоғай–Қарағанды тас жолының сол жағында қоршауы бар тас мүсін кейінгі уақытқа дейін сақталып келді. 2009 ж. бұл тас мүсінді белгілеген болатынбыз. Тас мүсін таудың бөктерінде, тас қоршаудың алдында (шығыс бетінде) орналасқан. Қоршаудың ортасы қазылған. Соған қарағанда ОҚАЭ өткен ғасырдың 1960–1970 жж. қазған болуы керек. Бірақ зерттеу материалы бізге белгісіз. Бүгінде бұл тас мүсін Ақтоғайдың мұражайында тұр. Мұражайда осы таудың (Теке) бөктерінен табылған тағы бір тас мүсін қойылған. Соған қарағанда Жалаңаш алқабы көне замандарда талай асты басынан өткерген секілді. Дәл осы жермен байланысты жергілікті халық арасынан XIX ғ. аяқ кезінде (немесе XX ғ. бас кезі) орын алған Орманбеттің асы жайлы мәліметтерді ұшыраттық (III). Ошақ құрылып, қазан асылған жер «Орманбет ошағы» деп аталып кеткен.

«Орманбеттің ошағы» осы Жалаңаш ауылынан шығыста, Жалаңаш өзенінің сол жағында орналасқан. Ал қонақ күтілген киіз үйлердің тігілген жері Жалаңаш

ауылынан оңтүстікке қарай таудың бөктері болған. Ошақ пен қонақ үй тігілген жердің арасы 3–4 шақырым қашықтықты құрайды. Информатор Мұқажанов Қауаз ақсақалдың айтуынша табақшы жігіттер екі арада тамақты атпен тасып жеткізіп тұрған. Бәйгеге қосылған аттардың жіберілген жері бүгінде Жамшы елді-мекені тұрған тұс. Шамамен аттардың өткен қашықтығы 45–50 км болады. Орманбетке ас беруші баласы Нарманбет болған. Нарманбет ауқатты бай, әрі болыс болған адам. Орманбетке ас берген алқаптың ортасында өзінің зираты тұр.

Ербекей ошағы. Екінші бір ас берген орынмен тас мүсіннің қатар келген жері Жамшы ауылдық округіне қарасты Қаратал (бұр. 1 ферма, Калинин) елді-мекені алқабы. Қаратал өзенінің сол жақ қабағында «Ербекей ошағы» деген жер атауы кездеседі (IV). Осы жерде әлтеке Машақ болыстың баласы Ербекейге ас берілген [Аманбаев, 2001, 126-б.]. Машақ әулетінің зираты бұл жерден 30–35 км қашықтықта, Көпбейіт деген жерде бой көтерген.

Ербекей ошағының оңтүстік-шығыс жағында, екінші жазықта түркі кезеңінің қоршауы бар тас мүсіні тұр. Тас мүсіннің шығыс жағын ала Жамбыл өзені ағып жатыр. Плита тастардан қойылған қоршау екі бөліктен тұрады. Тек біреуінің (шығыс) алдында тас мүсін сақталған.

Шегетай ошағы. Шегетай ошағы Жамшы ауылдық округіне қарасты Жалаңтөс ауылынан (бұр. 2 ферма, Бірлестік) оңтүстікке қарай 5–6 км қашықтықта орналасқан. Шегетай XVIII ғ. өмір сүрген Жалаңтөс батырдың ұрпағы болып келеді. Информатор Қ. Сәденовтың мәліметінше XIX ғ. соңында осы жерде Мұса мен Мұстафа әкелері

Шегетайға ас берген (V). Мұса – би болған адам. Осы Шегетай ошағы орналасқан төңірек тас мүсіндердің ең бір шоғырланған жері болып табылады. Жергілікті тұрғындардың айтуынша өткен ғасырдың 70-нші жылдарына дейін Жалаңтөс ауылы тұрған жердің өзінде 6–7 тас мүсін болған. Көбін кейін «мұражайға» деп сыртқа алып кеткен. Қыстақтар ашылып, мал қоралары салынған кезде «іргетасқа» жаратылып кеткендері де болған. Содан бүгінде бір ғана тас мүсін қалған болуы тиіс. Шегетай ошағының жанында тағы бір тас мүсін соңғы уақытқа дейін сақталып келген. Осыдан «6–7 жыл бұрын бұл тас мүсінді Ақтоғайға мұражайға алып кетті» дейді Теректі қыстағының иесі Қайыркен деген кісі.

Ақтоғай ауданы тас мүсіндерінің бірқатарының XIX ғ. ас беру орындарымен қатар келуі бұл екі ғұрыптың ерте кездерде біртұтас шара болғанын дәлелдейді. Тас мүсін тұрған жерлердің атаулары соңғы ас арналған адаммен байланысты (Орманбет ошағы, Ербекей ошағы, Шегетай ошағы) сақталып қалған. Ал, кезінде алқаптың дәл осы тас мүсін иесінің құрметіне «бәленнің ошағы» деп бірнеше жүз жыл аталғаны, меніңше еш күмән тудырмайды. Сондықтан бұндай жерлердің атаулары келесі өткен аспен байланысты кезектесіп ауысып отырған. Немесе қанша ас берілсе де алдыңғы адамның даңқы кейінгі адамның есімдеріне жол бермеген (немесе керісінше). Мысалы, жергілікті ел арасында асқа қатысты болмаса да, мазар тұрғызуға байланысты келесідей әңгіме бар. XVIII ғ. өмір сүрген Жидебай батыр (қаракесек-әлтеке) дүниеден өтер алдында өзін «Мәшүріп басына» жерлеуді өсиет етеді. Маңайында отырғандар: «ол жерде Мәшүріптің моласы тұр, сіздің

атыңыз аталмай қалады ғой» дейді. Сонда Жидебай батыр: «мен барғанда Мәшүріп артын қысады» депті. Шыныменде бүгінде ол жер «Жидебай басы» аталады (Қарағанды обл., Шет ауд.). Жидебай батырдың мазарынан әріректе сәулеті жағынан асып түспесе, кем түспейтін Мәшүріптің моласы тұр. Мәшүріпті «Байшора» деп те атайды.

Енді тас мүсін мен астың ішкі, яғни бойындағы үндестіктеріне келейік. Тас мүсіннің бойындағы тұрақты көрініс қолында ыдыс ұстап тұрады. Ыдыстар пішініне қарай *кесе, тостаған, құты* тәріздес болып келеді. Ыдыстардың барлығы сұйық тағамдарға арналған. Бұл ыдыстың мән-мағынасы жөнінде әр түрлі пікірлер бар, дегенмен зерттеушілердің ойлары үндес келеді. Көпшілігі оның қымыз секілді сүт тағамына арналғанына тоқталады. Зерттеушілердің бірқатары көшпелі халықтардың (негізінен алтай, сібір халықтарының) әдет-ғұрпымен салыстыра келе, бұл жердегі көріністі – «айналма» кесе рәсімі (обряд «круговой» чаши) деп қарастырған [Ермоленко, 2004, с. 62]. Я.А. Шер Л.Р. Қызыласовтың пікірін құптап: «Таким образом, кубок, который изображен в правой руке, есть не что иное, как знак присутствия, участия самого покойного в устроенном в его честь пире» деп жазады [Шер, 1966, с. 58].

Егер осы ыдыстың мәніне кеңірек тоқталатын болсақ, онда қайтадан қазақтың ас беру дәстүріне ораламыз. Асқа келген қонақтардың барлығы өздерімен сабаға артылған қымыз ала келетін болған. Асқа тобымен келе жатқан ру өкілдерінің арасындағы міндетті көрініс, ол түйе жегіліп, қос дөңгелекті арбаға артылған үлкен саба болады. Не-

месе сабаны арбасыз, түйенің өзіне теңдеп әкеледі. Тіпті жаяу, жалпылап келген жекелген адамның өзі қолына торсық қымызын ұстай келеді (соңғы мәліметті автор 2003–2004 жылдары Моңғолиядағы қазақ этникалық тобының арасында куә болған жайттарынан мысалға алып отыр). Бұл жердегі, яғни қымыз ала келудегі мақсат асқа көмек емес, негізгі мағына қайтқан адамға, яғни аруаққа арнауы (*тие берсін*) болса керек. Тас мүсіннің қолына ыдыс ұстап тұрғанын ескерсек, асқа келушілердің «тие берсін» деп саба толы қымыз әкелудің түйісетін ортақ суреті шығады. Бұл тұста Л. Н. Ермоленконың ыдысты түркі-моңғол халықтарында қымыз құйу садақасымен байланыстырғаны дәл айтылған [Ермоленко, 2004, с. 61].

Асқа шақырудың негізгі атауы «сауын айтудың» мән-мағынасы осы ыдыспен үндес келеді. Қазақта сауылатын төрт түлікті «сауын мал» (мыс.: сауын бие, сауын сиыр) деп атайды. Ас жағдайында *сауын айту* тікелей қымызды білдіреді. Яғни, «сауын айту» бір жағы асқа шақыру болса, екінші мағынасы сауын айту арқылы асқа шақырылған адамның қымыз ала келуін міндеттейтін жазылмаған дала заңы болса керек. Сірә, көне дәуірлерде асқа келген әрбір ру өкілдері марқұмның бейнесі қашалған тасқа келіп «батасын» жасап, тас қоршаудың ішіне «тие берсін» деп әкелген қымызынан (белгілі бір мөлшерде) төгу рәсімдері орындалған шығар. Астарда саба-саба қымыз беріліп, астау-астау еттің тартылуы осы марқұмның ырзашылығы үшін жұмсалады. Қазақтың «өлі разы болмай тірі байымайды» деген мақалы осы ескілікті далалық түсінік негізінде қалыптасқан.

Әрине астың бәрі бейбіт өте бермейді. Кейде әдейі келіп астың

шырқын бұзатын жағдайлар болады, немесе керісінше ас иесі келген қонақты ел алдында кемсітетін оқиғалар орын алады. Соңғы жағдайда намысы тапталған қонақ асқа деп әкелген қымыз ақтарып, жерге төгіп кететін болған. Мысалы Қобыланды жырында (тек бұл жерде ас емес той айтылады) Алшағырдың тойына барған кезде Қыдырбайды «баласы жоқ» деп кемсітіп жібергенін еске түсіретін кезі:

«Алшағырдың тойында,
Жиренқопа бойында,
Қара нарынды құшақтап,
Қара сабанды пышақтап,
Қайтқаның бар ма ойыңда»
деген жерлер осындай оқиғаның көріністері.

Қазақта қаралы шаңыраққа «әруаққа атағаным» деп мал әкеліп байлайды. Немесе қайтқан адамға сойылған малды бауыздағанда, немесе етінен дәм татқанда «тие берсін» деп айтады. Бұл жайт Ш. Уәлиханов жазып алған «Өлі мен тірінің достығы» деген ертегіде жақсы көрініс табады. Онда тірі досы өлген досының өтініші бойынша оның жауын, жауының әйелін, екі қызын, астындағы атын, тіпті иті мен сұңқарына дейін өлтіреді. Өлтірер алдында «досыма тие берсін» деп шабады [Валиханов, 1985, с. 63]. Артынан тірі досы келгенде бұлардың барлығы өлі досына қызмет етіп жүргенін көреді. Ш. Уәлиханов қазақтардың аруаққа мал шалуы жайлы: «Такие жертвы они называют курбандык и садака и эти некоторым образом смягчают их языческое значение» деп жазады [Валиханов, 1985, с. 56].

Тас мүсіндердің қолында ыдыс қана емес, кейбірінде аяқ жағында табактың суреттері қашалған. Соның бірін Қозы Көрпеш – Баян сұлуының ішіндегі (бүгінде жоқ) тас

мүсіндердің бірінен көреміз. Осыдың ішінде тұған тас мүсіндердің (әйел адамдар) бірінің қолында ыдыс қана емес, сонымен қатар алдында ет салынатын аяқты астау қойылған [Кастанье, 1910. PL XIV, рис. 14]. Бұл жайттың барлығы далалық түсінікте марқұмдардың тіріден тағам дәмтетінін анық көрсетеді. XIX ғ. 80-нші жылдары Жетісуда зерттеу жұмыстарын жүргізген Н. Л. Зеландтың мына бір мәліметі назар аударарлық. Ол: «в Иссыгатинском ущелье Токмакского уезда есть большой камень с изображением человеческой фигуры неизвестного происхождения. Этот камень каждый проезжающий киргиз считает нужным промазать салом» деп жазады [Зеланд, 1885, с. 32]. Абакан жерінде тас мүсінмен байланысты дәл осындай салтты Д. Мессершмидт (1722 ж.) кездестірген. Ол Қара және Ақ Юстауындағы «Козан-Қуш таш» мүсінін сипаттап, татарлардың бұл тасты құрметтеп, өзінің жолазықтарынан тамақ қалдыратыны жайлы жазады. Тоқымақ сайындағы тас мүсін секілді бұл ескерткіштің де еріндері маймен сыланған. Бұл жөнінде Д. Мессершмидт: «рот ее также весь был вымазан жиром или маслом и блестел на солнце так, как будто был покрыт лаком» деп жазады [Радлов, 1989, с. 433].

Қазақта жол үстінде белгілі немесе әулие адамның тұсынан (моласынан) тоқтамай өтпейтін салт бар. Яғни, бұндай жерде сәл аялдайды немесе *ат шалдырып (аттың белін суыту)* алады. Ал, жорық үстінде немесе тым асығыс болғанда бір *аяғын үзеңгіден шығару* секілді ырымын жасап өтетін болған. Бүгінде бұл ырымға сенетін адамдар көлік жағдайында бір қолын рөлден алып өтеді (автордың Ұлытау ауданынан жинаған мәліметтері). Бұдан шығатыны (негізінен Д. Мес-

сершмидт пен Н. Л. Зеландтың дерегінен) көне дәуірлерде тас мүсіндер жолай ұшырасқан адамдар үшін кідіріс жасап, жол азығынан «садақа» қылатын *киелі орындар* болғаны аңдалады. Шыңғыстауда белгілі Қоңыр әулие үңгірі бар. Осы үңгірдің алдында XIX ғ. әйел адамның тас мүсіні тұрған. Бұл тас мүсін де жергілікті қазақтардың құрбандық шалып, ырымдарын жасайтын орны болған. Бұл туралы деректе: «Конур-Аулие – святая пещера киргизов (казахов – О.О.) близ Семипалатинска, куда стекаются массы народа для поклонения статуе в человеческий рост, изображающей женщину. Кругом находят мелкие вещицы из камней, бусы, бронзовая статуетки; вокруг горы, в которой находятся Конур-Аулие, совершают жертвоприношения; сюда пригоняется и скот в случае болезни» [Конур-Аулие, 1892].

Деректерде ас кезінде асылған еттен және басқа да дәмнен алып қабірдың ішіне тастайтыны жайлы мәліметтер кездеседі. Мысалға, И.А. Кастанье: «Так напр. князь Эристов, говоря о поминках в памяти хана Абулхаира бывшего некогда султаном киргиз Малой Орды, пишет что при совершении ежегодной тризны копые, находившееся на памятнике, вынималось, в ямку клали снеди и мяса, вешались новые лоскутья и копые ставилось опять на свое место» деп жазады [Кастанье, 1911, с. 91]. 1771 ж. осы жермен өткен Н. Рычков Әбілқайыр ханның мазарының алдында арнайы тұрғызылған төртбұрышты тас қоршау жайлы жазады. Оның сипаттауынша ас күні бұл қоршаудың ішінде құрбандық шалынған [Дневные записки, 1772, с. 45].

Жалпы моланың басына ту қадау жаугершілік уақыттың көрінісі болса керек. Өйткені моланың басы-

на ту немесе сырық (сынық найза, бақан) қадау XIX ғ. деректерде сирек кездеседі. Керісінше Н. Рычковтың күнделік жазбаларын оқып отырсаңыз қазақ даласы XVIII ғ. (қазақ-қалмақ шайқасының кезеңі) осындай сырық қадалған оба, молаларға толы сияқты әсерде боласыз.

Қазақта тас мүсінмен байланысты мәліметтердің ішінде «Қозы Көрпеш – Баян сұлу» жыры ерекшеленеді. Екі ғашықтың оқиғасы, олардың «моласына» тұрғызылғандың ғимараты, ішіндегі тас мүсіндер қазақ халқында үлкен жырға айналған. Халықтың айтуында дың ішінде болған әйел мүсіндері Баянның құрбылары Таңсық, Айғыздың мүсіндері. Бұл жерде Айғызбен Таңсықтың мүсіндерін жоқтау айтып тұрған бейне ретінде түсіндіріледі. С. Б. Броневский бұл тас мүсіндер жөнінде: «Киргизцы почитают сии статуи за некоторых добродетельных людей, волшебством превращенных в камень, почему и боготворят их, делая жертвоприношения по своему обычаю» деп жазады [Броневский, 1830, с. 72].

Көне сақ обаларынан шығатын ыдыстар, малдың сүйектері мәйітті жерлеумен оны *жөнелтудің* ғұрыпы аяқталмайтынын дәлелдей түседі. Бұл жора-жосын оның жылы өтіп, асы берілгенге дейін жалғасады. Кейбір сақ обаларында кездесетін дромостар (дәліз) қабірге сырттан белгілі бір уақытқа дейін қатынас болып тұрғанын көрсетеді.

Тас мүсін зерттеуші ғалымдардың арасында кеңіне танымал деректердің бірі – көне қытай жылнамалары (Синь-Таншу, Чжоушу, Суйшу және т.б.). Бұл жылнамаларда көне түріктердің өзінің белгілі адамдарына тас мүсін орнату дәстүрі нақтылы сипатталған. Тіпті кей жағдайларда

көшпелілердің билеушісі қайтыс болуына байланысты қытайлық делегация өкілдері асқа қатысып, өз тараптарынан көшпелілерше марқұмға құрбандық шалып, храм тұрғызып, қабырғаларына ерліктерін жазып, тіпті тас мүсінін қашауға дейінгі іс-әрекеттерге барады. Соның жарқын бір көрінісі Тоныкөк пен Білге қағанның ескерткіштері. Бұларды тұрғызуда қытайлық шеберлер тікелей атсалысқаны белгілі. Әрі бұл делегацияны мемлекет шенеуіктері бастап келіп, императордың атынан қайғыға ортақтастығын, сәлемін жеткізіп отырды. Назар аударарлық жайт бұл дәстүрді қытайдың билеуші династиялары XIX ғ. бас кезіне дейін сақтап келді.

Іргелес болғандықтан Қытай елі ғасырлар бойы көшпелілермен саяси бақталастықта, алма-кезек үстемдік, соғыс немесе бейбіт келісім негізінде өмір сүрді. Қытай солтүстік және солтүстік-батысындағы көшпелілерді үнемі назарында ұстап, олардың саяси өміріне араласып «хан сайлау», сондай-ақ билеушінің өмірден өтуіне байланысты аза тұту (ас беру) шараларында шебер дипломатиялық қадамдар жасай білді. Мысалы VIII ғ. Төнікөк пен Білге қағанның қайтыс болуына байланысты Тан империясы өзінің әскер басшысы мен мемлекет қызметшілері бастаған арнайы делегациясын жіберіп көңіл айтса, ал XVIII ғ. қазақ хандары Абылай мен Әбілфейіз қайтыс болғанда осы жайт қайталанатын. Екі дәуірде де қытай делегациясы билеушілердің жылдық асына келеді. Тек соңғысында құрылыстар орын алмайды. Абылай мен Әбілфейізде Цинь империясының делегациясы өз есептерінен арнайы ас өткізеді. Мысалы Әбілфейіз хан үшін олар жергілікті қазақтардан 50 жылқы, 50 өгіз, 100 қой сатып

алып асқа сойысқа береді. Деректе Циндіктердің Әбілфейіз ханды жоқтауы келесідей сипатталады: «Затем поставлены были на четыре угла длинные жерди и от них протянуты веревки; а к веревкам прицеплены были несколько длинных листов, вычерненной тонкой бумаги; и когда все было готово, то Амбо и все бывшие с ним, стали вокруг сего четвероугольника, бумага по данному знаку была зажжена и все предстоящие тут захватя свои лица, казалось, горько заплакали» [Киргиз-кайсаки, 1820, с. 123–124]. Циндіктердің төрт бұрышқа қазық қағып, арасын арқанмен белдеулеп шығуы тас мүсіннің артындағы төрт бұрышты тас қоршауын еске түсіреді. Абылай туралы мәліметтер де осы деректе айтылады. Онда: «Таковая же почеть воздана была другим Китайским Амбою, умершему в 1781 году Аблай султану. Он прислан был также по прошествии одного года после смерти Аблая и с таким же числом людей» деп жазылады [Киргиз-кайсаки, 1820, с. 124].

Міне, осы мың жыл бойы өзгерісіз жеткен қытайлық дипломатиядан көшпелілердің ас беру дәстүрінің қаншалықты маңызды ғұрып, әрі астарында үлкен саяси мән-мағына жатқан қоғамдық шара екеніне көз жеткізуге болады. Сонымен бірге бұл жылнамалар ескі дәуірлерде ас беру кезінде орын алған тас мүсін қою дәстүрінің, тек кейін келе ығысып шыққанын көрсетеді.

Түркі қағанаты кезінде ас берудің жарқын бір көрінісі Манас жырындағы «Көкетайдың асы» болып табылады. Ал осы жырдағы аталатын айтулы ерлердің қайсысын алып қарасаңызда далада мүсін тұрғызуға лайық тұлғалар.

Мына жайтты да естен шығармаған жөн. XVIII–XIX ғғ. астар

туралы мәліметтер тек ер адамдармен байланысты. Әйел адамға ас беру туралы еш дерек кездеспейді. Ал түркі дәуірінің тас мүсіндердің арасында әйел адамның бейнесі жиі, тіпті сиректе болса бала бейнесі кездеседі. Әйел адамдарға ас бермеу кейін ислам әсері негізінде болуы мүмкін. Көшпелі халықтарда әйел адамның рөлі қоғамда үлкен ықпалға ие болғаны белгілі. Қазақ даласында сақталған сәулет ескерткіштерінің көпшілігі, әрі сақталып тұрғаны әйел адамдармен байланысты. Мысалы: Айша бибі, Бабаджа хатун, Болған ана, Жұбан (Жуан) ана, Белең ана, Бегім ана және т.б. мазар-кесенелер. Қазақта тұтас бір ру атына немесе ұранға айналған ел аналары жетерлік.

Түйін

Тас мүсіндердің ығысып шығуы тек ислам дінінің таралуымен байланысты болмаса керек. Өйткені ортағасырда ислам діні жете қоймаған аймақтардың өзінде тас мүсін қою дәстүрі жоғала бастайды. Жалпы тас мүсін қою дәстүрі Еуразия далалы аймақтарының барлығында бірдей тоқырауға ұшырайды. Моңғол даласындағы тас мүсіндердің, сына жазуларының түркі қағанаты кезеңінің, оның ішінде олардың билеушілері және т.б. тарихи тұлғаларымен байланысты екендігі белгілі. Соған қарағанда бұл

дәстүрдің ығысып шығуының бір шеті Шыңғыс хан құрған Моңғол империясының саясатында жатуы мүмкін. Сірә, моңғол билеушілері өздері алмастырған түркілік биліктің бұл дәстүріне қырын қараған болуы керек. Ал, ислам дінінің қанат жайуы қазақ даласында тас мүсін орнатуды мүлде тоқтатты. Сондықтан бұл әдет-ғұрыптың тек исламмен қайшы келмейтін тұстары ғана қалды.

Қазақтың тұрмысында жиі кездесетін жайт, өлер алдында «құлағыма ат дүбірі келіп жатсын», «суатқа жақын қойыңдар, жылқының тұяғының дыбысын естіп жатайын» деп өзін суға жақын жерлеуді аманат етуі секілді мәліметтер аста ат шаптыру салтының бір түсіндірмесі. Яғни, далалық түсінікше марқұмның құлағына «жетіп жатқан» ат тұяғының дүбірі оның ұрпағының марқұмға қаншалықты «ас та – төк» жиын өткізіп жатқанының куәсі деуге де болады. Бұл салт-жоралғылардың барлығын сол көшпелі мәдени орта қалыптастырған түсініктер.

Тас мүсіндерді уақыты, орналасқан өлкесі, орындалу тәсілі, бейнеленуі және т.б. ерекшеліктеріне қарамастан барлығына тән ортақ бір жайт бар. Ол – көшпелі мәдениет ортасы қалыптастырған ата-бабалар рухы. Оларды *еске алу* мен *жөнелту* осы ас беру мен тас мүсін орнату дәстүрін туғызды.

ИНФОРМАТОРЛАР:

I. Наурызбаев Әлім. 1930 ж.т. Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы, Бозтұмсық ауылы. ЖАЭ-1997.

II. Орынбаев Рашид. 1928 ж.т. Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы, Сарылық ауылы. ЖАЭ-1997.

III. Мұқажанов Қауаз. 1937 ж.т. Қарағанды қаласы. Зейнеткер (қызмет еткен жері: Қарағанды облысы, облысы Ақтоғай ауданы). САЭ-2018.

IV. Бәкірова Рузия. 1949 ж.т. Зейнеткер. Қарағанды облысы, Ақоғай ауданы, Нүркен (Жамшы) ауылы. САЭ-2018.

V. Сәденов Қуандық. 1961 ж.т. Балқаш қаласы тұрғыны. Туып өскен жері Ақтоғай ауданы, Жамшы кеңшары Бірлестік ауылы. САЭ-2019.

ӘДЕБИЕТ

1. Ақжолтай Ағыбай батыр. Жезқазған: Облтипография, 1992. 180 б.
2. Аманбаев Зияда. Әулет аралық естелік. Естелік-шежіре. 1-бөлім. Балқаш: Қалалық баспахана, 2001. 160-бет.
3. Әбішев Х. Аспан сыры. Алматы: Қазақ мем-тік саяси әдебиет баспасы, 1962. 251 б.
4. Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 43. № 124. С. 119–356.
5. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Гл. Ред. Каз. Сов. Энцикл., 1985. 463 с.
6. Венюков М.И. Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1868. 528 с.
7. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 96 с.
8. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргис-кайсацкой степи 1771 году. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1772. 105 с.
9. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Типография Комплекс, 2006. 168 с.
10. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
11. Зеланд Л.Н. Киргизы (этнологический очерк) // Записки Западно-сибирского отдела РГО. 1885. Кн. 7, вып. 2. С. 1–78.
12. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. 1910. Вып. 22. 332 с.
13. Кастанье И.А. Надгробная сооружения киргизских степей // Труды ОУАК. 1911. Вып. 26. 102 с.
14. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды по записям Андреева, с дополнениями П.К. Фролова и издателя // Сибирский вестник. 1820. Ч. IX–XI. 183 с.
15. Конур-Аулие // Витебская Губернская Ведомости. 1892. № 63.
16. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. № 2. С. 27–39.
17. Құрманқұлов Ж., Ермоленко Л. Ежелгі Сарыарқа тас мүсіндер (каз., орыс, ағыл. тілд.). Қарағанды: «Credos Ltd С», 2014. 168 б.
18. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3: Этнографические известия. СПб.: Типография Карла Края, 1832. 304 с.
19. Манас: Великий поход. Кыргызский эпос / Пер. С. Липкина и др. Бишкек: Шам, 2004. 404 с.
20. Марғұлан Ә.Х. Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми-зерттеу мақалалар. Алматы: «Жазушы», 1985. 368 б.
21. Марғұлан Ә. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ә.Х. Марғұлан шығармалары. Алматы: «Алатау», 2007. IV т. 221–274-бб.
22. Народы России. Киргизы: [этнографические очерки]. СПб.: «Досуг и дело», 1880. 58 с.
23. Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника) / Пер. с нем. К.Д. Цивиной и В.Е. Чисовой. Прим. и послесл. С.И. Вайнштейна. М.: Наука, 1989. 749 с.

24. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
25. Смағұлов Е.М. Қазақтың ас беру дәстүрі: қоғамдық-әлеуметтік қызметі (XVIII–XIX ғғ. деректер бойынша): тарих ғыл. канд. ... дис. автореф. Алматы, 2005. 33 б.
26. Тұрсын Жұртбай. Құнанбай (Жәбір сұлтаны) // Абай әлемі (ұлы ойшылдың өмірі мен шығармашылығына арналған онлайн-энциклопедия). URL: [https:// abaialemi.kz/post/view?id=910](https://abaialemi.kz/post/view?id=910)
27. Халид Құрбанғали. Қазақта мәйіт шығару // Тауарих хамса: (Бес тарих). ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. Алматы: «Қазақстан», 1992. 304 б.
28. Чорманов М. Казахские народные обычаи. Караганда: «Арқо», 2000. 104 с.
29. Шарипов С. Бағаналы елінің жайы // Шығармалар жинағы. II т. Алматы: «Жазушы», 1982. 508 б.
30. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л.: Наука, 1966. 141 с.
31. Шомбал-Құкашев Р. О символике старинного казахского поминального ритуала «түйе шешу» // Қазақтың әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлері: өткендегісі және бүгіні. Алматы: Ғылым, 2001. С. 351–373.

REFERENCES

1. *Aqjoltay Agybay batur (Lucky Agybai batyr)*. 1992. Jezkazgan: Obltipografiya (in Kazakh).
2. Amanbayev, Z. 2001. *Äwlet aralıq estelik. Estelik-şejire (Genealogy memo)*. 1-bölim. Balqas: Qalalyq baspaxana (in Kazakh).
3. Abishev, H. 1962. *Aspan siri (Mystery sky)*. Almaty: Kazakh mem-tik sayasy baspasy (in Kazakh).
4. Bronevskiy, S. B. 1830. In: *Otechestvennyye zapiski (Domestic notes)*, 43, no. 124, 119–356 (in Russian).
5. Walikhanov, Sh. 1985. In: *Sobraniye sochineniy: v pyati tomakh (Collected works in five volumes)*. Vol. 5. Alma-Ata: Glavnaya Red. Kaz. Sovet. Entsiklopedii (in Russian).
6. Venyukov, M. I. 1868. *Puteshestviye po okrainam russkoy Azii i zapiski o nikh (Travel to the outskirts of Russian Asia and notes about them)*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).
7. Grach, A. D. 1961. *Drevnetyurkskiye izvayaniya Tuvy (Turkic sculptures of Tuva)*. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry (in Russian).
8. *Dnevnyye zapiski puteshestviya kapitana N. Rychkova v Kirgis-kaysatskoy stepi 1771 godu (Day notes of the voyage of captain N. Rychkov in the Kirgis-Kaisak steppe in 1771)*. 1772. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).
9. Dosymbayeva, A. 2006. *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Kulturnoye naslediye kazakhskikh stepey (Western Turkic Kaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes)*. Almaty: “Kompleks” Publ. (in Russian).
10. Yermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovyye kamennyye izvayaniya Kazakhstanskikh stepey (Middle-century stone sculptures of Kazakhstan steppes)*. Novosibirsk: Archeology and ethnography Institute SB RAS (in Russian).
11. Zeland, L. N. 1885. In: *Zapiskiy zapadno-sibirskogo otdela Russ. Geogr. Obshch (Zapiskiy of the West Siberian Department of Russ. Geogr. Society)*, 7, 2, 1–78 (in Russian).
12. Kastaniye, I. A. 1910. In: *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission)*, 22 (in Russian).
13. Kastaniye, I. A. 1911. In: *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission)*, 26 (in Russian).

14. *Kirgiz-kaysaki Bolshoy, Sredney i Maloy ordy po zapisyam Andreyeva, s dopolneniyami P.K. Frolova i izdatelya (Kirghiz-kaisaks of the Great, Middle and Small Horde according to Andreev's notes, with additions by P.K. Frolov and the publisher)*. 1820 / *Sibirskiy vestnik*, IX-XI (in Russian).
15. Konur-Auliye. 1892. In: *Vitebskaya Gubernskaya Vedomosti (Vitebsk Provincial Gazette)*, no. 63 (in Russian).
16. Kyzlasov, L. R. 1964. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*, 2, 27–39 (in Russian).
17. Kurmankulov, J., Ermolenko, L. 2014. *Ejelgi Saryarqa tas müsinder (Ancient Saryarka stone sculptures)*. Karagandy: “Credos Ltd C” (in Kazakh, Russian, English).
18. Levshin, A. I. 1832. *Opisaniye kirgiz-kazachiikh, ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepy (Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak Orda)*. Ch. 3: *Etnograficheskiye izvestiya*, Saint Petersburg: “Karl Kray” Publ. (in Russian).
19. *Manas: Velikiy pokhod. Kyrgyzskiy epos (Manas: the Great campaign. Kyrgyz epic)*. 2004. / Per. S. Lipkina i dr. Bishkek: “Sham” (in Russian).
20. Margulan, A. X. 1985. *Ejelgi jyr, anyzdar: gylymi-zertteu makalalar (Ancient poems, legends: Research articles)*. Almaty: “Jazushi” (in Kazakh).
21. Margulan, A. 2007. In: A.X. Margulan shygarmalary. Almaty: “Alatau”, vol. IV, 221–274 (in Kazakh).
22. *Narody Rossii. Kirgizy: [etnograficheskiye ocherki] (People of Russia. Kirghiz: ethnographic essays)*. 1880. Saint Peterburg: “Dosug i delo” Publ. (in Russian).
23. Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika (From Siberia. Diary pages)* / Per. s nem. K.D. Tsivinoy, V.Ye. Chistovoy. *Prim. i posles. S.I. Vaynshteyna*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
24. Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya (Culture of the population of the Altay Mountains in the Scythian period)*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
25. Smagulov, E. M. 2005. *Kazakhtyn as beru dasturi: kogamdik-aleumettik kyzmeti (Trizna-Kazakh tradition)*: thesis Cand. hist. sciences. Almaty (in Kazakh).
26. Tursyn Jurtbay. URL: <https://abaialemi.kz/post/view?id=910> (in Kazakh).
27. Halid Kurbangali. 1992. *Tauarih hamsa: Bes tarih (Tauarikh hamsa: Five stories)* / awd. B. Totenayev, A. Joldasov. Almaty: “Kazakhstan” (in Kazakh).
28. Chormanov, M. 2000. *Kazakhskiy narodnyye obychai (Kazakh folk customs)*. Karaganda: “Arko” Publ. (in Russian).
29. Sharipov, S. 1982. *Baganaly elinin jayi (The situation in the country of Baganaly)* / Shygarmalar jinagy. II t. Almaty: “Jazushi” (in Kazakh).
30. Sher, Ya. A. 1966. *Kamennyye izvayaniya Semirechiya (Stone sculptures of Semirechye)*. Moscow–Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
31. Shombal-Kukashev, R. 2001. In: *Kazakhtyn adet-guriptari men salt-dasturleri: otkendegisi jane bugini (Kazakh customs and traditions: past and present)*. Almaty: “Gylym” Publ., 351–373 (in Russian, Kazakh).

УДК 551.4.02. 551.89
МРНТИ 38.43.15 38.47.51

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ТУРГЕН (Северный Тянь-Шань)*

Болат Жағфарович Аубекеров¹, Саида Араповна Нигматова^{1, 2}

¹доктор геолого-минералогических наук,
Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева

¹доктор геолого-минералогических наук,
Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева;

²Институт археологии им. А. Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан.
E-mail: nigmatova@mail.ru

Аннотация. В статье приведены данные по геоархеологическому изучению археологических объектов, расположенных в Северном Тянь-Шане – юго-западной части Жетысу в верховьях реки Турген. Археологические памятники расположены на поверхности останца морены. Они залегают друг над другом, образуя сложную многоярусную конструкцию. В зависимости от первоначального положения поверхности наблюдается смещение объектов от уступа останца к его середине и ближе к окраине. Геоархеологические исследования проводились в течение ряда лет, с 1999 по 2018 годы. В ходе работ были получены данные по геологии и геоморфологии региона, описаны гидрогеологические условия, изучена современная растительность этой территории, проведен палинологический анализ как отложений, включающих археологический объект (поселения), так и из естественных обнажений голоценового времени, обнажающихся в пойме реки Турген и ручья Кызылбулак.

Проведенные работы позволили значительно дополнить археологические представления информацией о палеосреде, в которой происходило освоение среднегорья Северного Тянь-Шаня. Кроме того, эти материалы были использованы для корреляции климатических событий, происходивших в пустынной и горной областях аридной зоны Центральной Азии в голоцене.

Ключевые слова: Турген, Кызылбулак, геоархеология, палинология, голоцен

ТҮРГЕН ӨЗЕНІНІҢ ЖОҒАРҒЫ АҒЫСЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ НЫСАНДАРДЫ ГЕОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР (Солтүстік Тянь-Шань)

Болат Жағфарұлы Аубекеров¹, Саида Араповна Нигматова^{1, 2}

¹геолого-минералогия ғылымдарының докторы,
Қ. И. Сәтпаев атынд. Геологиялық ғылымдар институты

¹геолого-минералогия ғылымдарының докторы,
Қ. И. Сәтпаев атынд. Геологиялық ғылымдар институты;

²Ә. Х. Марғұлан атынд. Археология институты, Алматы қ-сы, Қазақстан.
E-mail: nigmatova@mail.ru

Аннотация. Мақалада Солтүстік Тянь-Шаньда – Жетісудың оңтүстік-батысындағы Турген өзенінің жоғарғы ағысында орналасқан археологиялық нысандарды геоархеологиялық зерттеу мәліметтері берілген. Археологиялық ескерткіштер мұз қозғалысынан пайда болған тау жыныстары сынықтарының

*Статья представляет собой расширенный вариант материалов, опубликованных в монографии А. А. Горячева [Аубекеров, Нигматова, 2020].

үйіндісінің үстіне орналасқан. Олар бірінің үстіне бірі жатқан тау жыныстарының күрделі көпқабатты құрылымын құрайды. Үстіңгі қабаттың бастапқы жағдайына байланысты нысандардың қалдық таудың кемерінен ортасына және жиекке қарай алмасуы байқалады. Геоархеологиялық зерттеулер бірнеше жылдар қатарынан, 1999 жылдан 2018 жылдар аралығында жүргізілді. Жұмыс барысында аймақтың геологиялық және геоморфологиялық мәліметтері алынып, гидрогеологиялық жағдайы сипатталып, осы аумақтың қазіргі өсімдіктері зерттеліп, Түрген өзені мен Қызылбұлақ жылғасындағы археологиялық нысаны бар шөгінді, сондай-ақ голоцендік уақыт аралығында табиғи жолмен жалаңаштануына палинологиялық сараптама жасалынды. Жүргізілген жұмыстар Солтүстік Тянь-Шань ортатауларын игеру барысында жүрген палеорта туралы археологиялық ақпаратты анағұрлым толықтыра түсуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бұл материалдар голоцендегі Орталық Азияның аридтік зонасындағы шөл және таулы аймақтарындағы климаттық оқиғалардың корреляциясына пайдаланылды.

Түйін сөздер: Түрген, Қызылбұлақ, геархеология, палинология, голоцен

GEOARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS IN THE UPPER RIVER TURGEN (Northern Tien Shan)

Bolat Zh. Aubekero²¹, Saida A. Nigmatova^{1,2}

¹Doctor of Geological and Mineralogical Sciences,
K. I. Satpayev Institute of Geological Sciences,

¹Doctor of Geological and Mineralogical Sciences,
K. I. Satpayev Institute of Geological Sciences,

²A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: nigmatova@mail.ru

Abstract. The article provides data on the geoarchaeological study of archaeological sites located in the Northern Tien Shan (southwestern part of Jetysay) in the upper reaches of the Turgun River. Archaeological sites are located on the surface of the moraine outlier. They lie one above the other, forming a complex multi-tiered structure. Depending on the initial position of the surface, there is a displacement of objects from the outlier ledge to its middle and closer to the edge. Geoarchaeological research has been carried out for a number of years, from 1999 to 2018. In the course of the work, data on the geology and geomorphology of the region were obtained, hydrogeological conditions were described, the modern vegetation of this territory was studied, a palynological analysis was carried out both of sediments, including an archaeological site (settlements), and from natural outcrops of the Holocene time, exposed in the floodplain of the Turgun River and of the Kyzyl-Bulak stream. The work carried out made it possible to significantly supplement the archaeological concepts with information about the paleoenvironment in which the development of the middle mountains of the Northern Tien Shan took place. In addition, these materials were used to correlate climatic events that took place in the desert and mountainous regions of the arid zone of Central Asia in the Holocene.

Keywords: Turgun river, Kyzylbulak stream, geoarchaeology, palynology, Holocene

Введение

Комплексный геоархеологический подход к изучению историко-археологических памятников обусловлен пониманием того, что Человек является естественным звеном природной системы и находится в тесной зависимости от изменений природной

ситуации (environmental archeology) и адаптации к ней.

В зависимости от использованных методов изучения археологического объекта и территории, на которой он расположен, появляются новые возможности получения корректной информации:

Геоморфологические исследования позволяют получить сведения об особенностях рельефа, размещении археологических объектов и их связи с рельефом, изменении границ памятников, выявлении древних ирригационных систем и последовательности их создания и др. Геологические и геоморфологические исследования в некоторых случаях позволяют прогнозировать обнаружение новых памятников.

Гидрогеологические – необходимы на стадии первоначального изучения и понимания условий существования водных источников при изменении климата.

Ландшафтные, геоботанические, почвенные исследования – позволяют получить материалы по биопродуктивности района, почвенных и др. особенностях. Данные исследования имеют первостепенное значение на стадии обобщения материалов по археологическим комплексам, экологическим рекомендациям, при обосновании специализации охраняемых объектов – археологический памятник или ландшафтно-историко-культурный и т.д. Дают возможность говорить о лекарственных и кормовых растениях и в предположительной форме об их использовании в прошлом для культовых и лечебных целей.

Палеонтологические исследования – *палеозоологические*, *палеокарпологические*. Дают возможность получить сведения по составу животного и растительного мира прошлого.

Палинологические исследования – (палинология – это комплекс отраслей наук, связанных с изучением пыльцевых зёрен и спор) решают вопросы реконструкции растительного покрова и климата прошлых истори-

ческих эпох, палеоэкологии человека от палеолита до современности, установления стратиграфических границ в археологических раскопах.

Палинологические данные дают возможность получить следующую информацию:

- сведения по смене растительного покрова с выделением информации о времени появления в разрезе культурных растений;

- стратиграфические границы в археологических раскопах, характер этих изменений;

- этапы изменения растительного покрова, связанные с изменениями как палеоклимата, так и под влиянием антропогенного фактора;

- направление климатических изменений на различных этапах существования археологического объекта и способствовать их относительному датированию;

- подтверждения влияния климата на становления различных типов хозяйства, на миграционные процессы и др.

1 Геолого-геоморфологические исследования на археологическом комплексе Турген-Кызылбулак

Жетысу/Семиречье – это сложный природный комплекс, включающий высокогорья, вершины которых покрыты снеговыми шапками, обширные предгорные равнины, глубокие каньоны, песчаные пустыни, реку Иле и другие многочисленные реки и озеро Балхаш. Горные системы Жетысу образовались сравнительно недавно, в конце неогена и начале четвертичного периода, когда произошли крупномасштабные тектонические движения по региональным разломам, глубоко проникающим в земную кору. По этим

разломам крупные части пенеплена, в виде отдельных блоков, были подняты на разную высоту. Максимальные амплитуды обычно приходятся на осевые части хребтов.

Археологические объекты Кызылбулак-IV и Турген-II расположены в междуречье рек Турген и Асы в восточной части северного склона Иле/Заилийского Алатау. Высоко поднятый древний пенеплен в виде высокогорного плато сохранил достаточно большие площади в этих районах, занимая пространства по левобережью р. Чилик и простираясь почти до пика Талгар. Его поверхность наклонена на северо-восток.

1.1 Физико-географическое положение

Река Турген образуется после слияния трех рек: слева – Улкен-Турген, средней – Орта Турген и справа – реки Киши-Турген. Их истоки расположены на высоте 3000–4000 м и имеют ледниковое питание. В высокогорье и среднегорье река протекает по глубокому ущелью и отличается бурным течением. Общая длина реки от истока до устья 104 км, в горной части до с. Турген 43–45 км. Режим уровней воды в реке колеблется от 68 до 158 см, в отдельные годы наиболее высокий уровень достигал 240 см.

Река питается водами ледников, в бассейне реки имеется от 12 до 17 ледников.

Первые километры (около 10 км) река течет в восточном направлении по слабо наклоненному высокогорному плато, затем река постепенно углубляется в узком ущелье, северные склоны которого покрыты густым еловым лесом. После слияния с правым притоком Кайрак, стекающим с плато Ойкарагай, река поворачи-

чивает на север и течет до слияния с рекой Шентурген. На притоке Кайрак находится Кайраковский водопад, выше которого располагается красивое, поросшее островками елового леса, урочище Ойкарагай. До слияния с рекой Шентурген в реку Турген впадают шесть небольших притоков, стекающих с главного хребта Иле Алатау. После слияния с рекой Шентурген река Турген в урочище Батан сливается с рекой Киши Турген. Ниже урочища Батан в реку впадает еще четыре притока: по правому борту ущелья приток Карагайлы и ручей Медвежий, по левому борту – приток Терискенсу и ручей Микушин. Ниже Батана река течет в глубоком ущелье и впадает в Илейскую долину.

Река Асы протекает по северной части плато. На поверхности плато расположена высокогорная обсерватория. Рельеф представляет собой сложную по строению поверхность, образованную процессами денудации (пенеплен) и аккумуляции (моренный комплекс разного возраста, речные террасы и придолинные педименты).

1.2 Геологическое строение бассейна реки Турген достаточно сложное, что обусловлено широким развитием различных по составу и возрасту метаморфических, эффузивно-осадочных и интрузивных формаций и интенсивными неоднократно проявившимися тектоническими движениями.

В верховьях реки Средний Турген развиты мощные отложения (1100–1300 м) нижнего протерозоя, представленные в основном амфиболитами, амфиболовыми, циозит-амфиболовыми и эпидот-амфиболовыми сланцами.

Девонские образования осадочно-вулканогенной формации

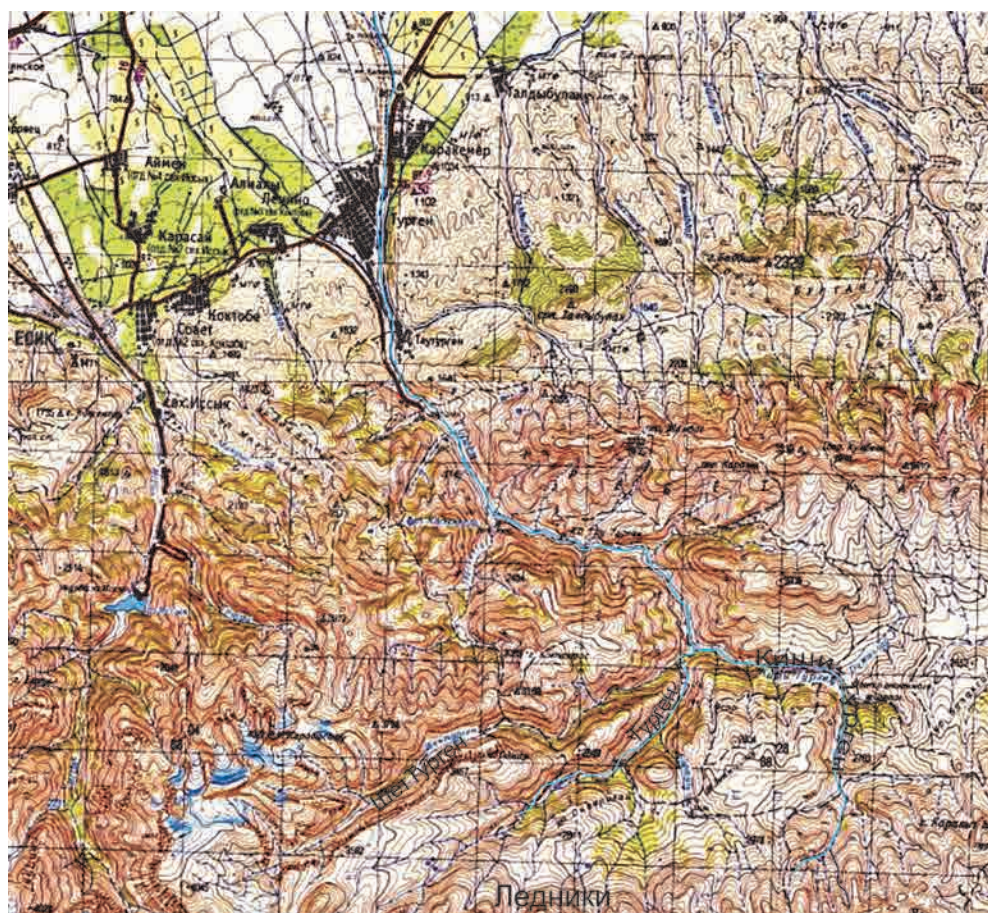

Рис. 1. Карта бассейна реки Турген

Fig. 1. Turgun River Basin Map

развиты в высокогорье по левому и правому склонам р. Улкен-Турген. Эти отложения представлены эффузивно-осадочной формацией, в составе которой базальные конгломераты, песчаники аркозовые, конгломераты серые, порфириды и их туфы, туфоконгломераты, дацитовые порфиры, игнимбри-ты [Шлыгин, 1971, с. 27].

Отложения каменноугольной эпохи распространены в нижней части высокогорья и в среднегорье. К ним отнесены конгломераты, игним-

бри-ты туфы, углистые сланцы. Последние встречаются в древних геологических отложениях и представляют уплотненную и измененную давлением и позднейшими метаморфическими процессами глину. В однородной массе его нередко встречаются включения колчедана, прожилки кварца и зерна известкового шпата [Шлыгин, 1971, с. 27].

Неогеновые отложения терригенной формации по возрасту отнесены к миоцену и плиоцену.

Миоцен обнаруживается на древних поверхностях выравнивания (2939–3700 абс. м) в верховьях бассейна. Эти отложения представлены кирпично-красными глинами санташской свиты, мергелями, с прослоями песчаников и конгломератов. Общая мощность 200–300 м.

Плиоцен (илийская свита) обнажается в верховьях реки Киши-Турген и в уступах оползней – обвалов. При выходе рек из гор свита сложена палевыми щелнистыми глинами и суглинками с прослоями песчаников и конгломератов [Костенко, 1971, с. 45–60].

Четвертичные отложения отличаются неравномерным развитием по площади. Они имеют пестрый литологический состав и генезис. Здесь развиты гляциальные, флювиогляциальные, аллювиальные, аллювиально-пролювиальные, элювиально-делювиальные, делювиально-пролювиальные и др. отложения. По возрасту эти отложения могут быть расчленены на нижне-, средне-, верхнечетвертичные отложения и современные (голоценовые) [Костенко, 1971, с. 45–60; Бажанов, 1971, с. 503–515].

Нижнечетвертичные отложения формируют мощные морены первого полупокровного оледенения, состоящие из слабоокатанных глыб пород допалеозоя и палеозоя, заполнитель песчано-дресвяно суглинистый. Мощность морен до 150 м. [Костенко, 1978, с. 35–78]

К нижнечетвертичным отнесены флювиогляциальные эоловые осадки предгорий (прилавки). Нижняя часть прилавков сложена валунно-галечниками мощностью 100–150 м.

Вверху залегают лессовидные суглинки, лессы эолового происхождения.

Морены среднечетвертичного возраста развиты в бассейне очень слабо. Они отмечаются в нижней части высокогорий.

Верхнечетвертичные и современные отложения представлены ледниковыми аллювиально-пролювиальными, аллювиальными и элювиально-делювиальными образованиями.

Ледниковые накопления развиты в верховьях всех крупных притоков реки Турген. Состоят они из несоортированного обломочного материала. Поверхность верхнечетвертичных морен задернована, волнистая, с развалами валунов и глыб, мощностью отложений до 150 м.

Аллювиальные и аллювиально-пролювиальные отложения слагают обычно террасы рек мощностью от 5 до 15 м. При выходе из гор они формируют конусы выноса, сливающиеся в предгорный шлейф.

Аллювиально-делювиальные нерасчлененные осадки широко распространены в горной части на водоразделах и прилегающих склонах речных долин. Мощность невелика от 1,5 до 3 м.

Значительная часть бассейна реки Турген, особенно в верховьях и большая часть хребта Караш сложены интрузивными палеозойскими образованиями кембрия, ордовика, карбона и перми (составлено Б. Ж. Аубекеровым в 1999 г. – по материалам полевых дневников).

1.3 Геоморфология района исследования (составлено Б. Ж. Аубекеровым)

На площади бассейна в результате перемещения блоков земной коры под воздействием тектонических сил и денудации ее поверхности созда-

ны два основных комплекса рельефа: горный и предгорный.

Горный включает в себя альпинотипный, древнеледниковый интенсивно-расчлененный и древнеледниковый умеренно-расчлененный типы рельефа.

Альпинотипный рельеф развит в приводораздельной части хребта на высоте более 3500 м. Рельеф отличается узкими скалистыми гребнями водоразделов, крутыми, часто отвесными склонами с наличием действующих цирков, каров, троговых долин, подвижных осыпей, снежников, фирновых полей, ледников.

Древнеледниковый интенсивно-расчлененный рельеф распространен гипсометрически ниже альпинотипного. Здесь троговые долины широкие, с крутыми склонами 40–70° и узкими скалистыми водораздельными гребнями, превышение которых достигает 1000 м. Современные ледники отсутствуют.

Древнеледниковый умеренно-расчлененный рельеф развит в верховьях бассейна, от предыдущего типа отличается меньшей расчлененностью и меньшими относительными превышениями до 500 м и более пологими склонами троговых долин и сглаженными водоразделами.

В горный комплекс также входит:

а) эрозионный интенсивно-расчлененный тип рельефа высоких гор на абсолютных отметках более 2500 м;

б) эрозионный умеренно-расчлененный тип рельефа более низких гор на высотах от 1800 до 2500 м.

Рельеф наклонной доолигоценной денудационной поверхности, расчлененный современными речными долинами, наблюдается в верховьях

бассейна реки Турген. Это достаточно ровные, слегка наклонные поверхности (урочища Донжайлау, Картогул, Ойжайлау, Ойкарагай) в северном направлении, выработанные на дислоцированных породах палеозоя и перекрытых неогеновыми осадками.

В интервале отметок 1100–1600 м расположена верхняя предгорная ступень (в бассейне нижняя ступень отсутствует), отделенная от предгорного аллювиально-пролювиального шлейфа тектоническим уступом высотой до 200 м. Морфологическая ступень относится к низкогорью с мягкими плавными очертаниями.

Предгорный тип рельефа расположен в интервале 600–1100 м. Он образован в результате слияния конусов выноса горных рек и четко выражен в рельефе с уклоном поверхности около 10°–12°. Ширина образованного шлейфа достигает 20 км (составлено Б. Ж. Аубекеровым в 1999 г.).

1.4 Подземные воды

В гидрогеологическом отношении бассейн реки Турген, как и весь северный склон Иле Алатау, приурочен к южной части крупного илийского артезианского бассейна. Здесь могут быть выделены два основных типа подземных вод: трещинные воды палеозойского фундамента и поровые воды неоген четвертичных отложений.

Трещинные воды палеозойского фундамента горной части связаны главным образом с гранитоидами и эффузивами. Скальные породы характеризуются сравнительно благоприятными гидрогеологическими условиями.

Верхняя зона скальных массивов интенсивно раздроблена трещи-

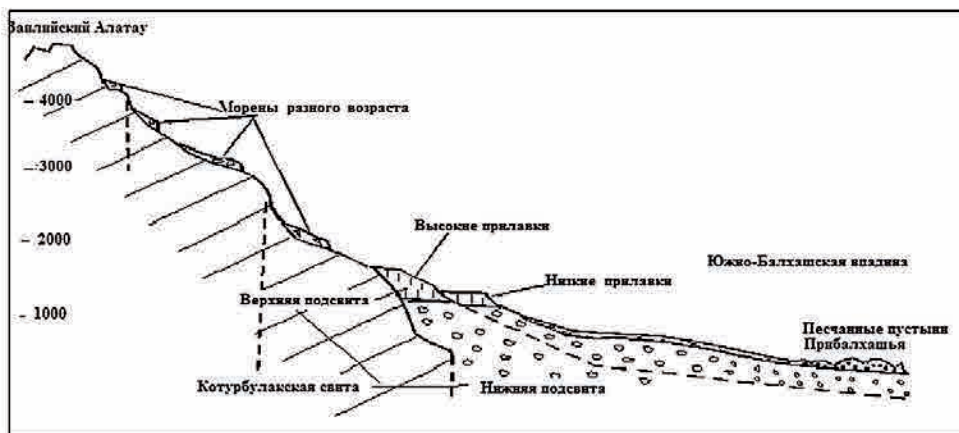

Рис. 2. Геолого-геоморфологический профиль через северные склоны Иле Алатау до Южно-Балхашской впадины

Fig. 2. Geological and geomorphological profile through the northern slopes of the Ile Alatau to the South Balkhash depression

Рис. 3. Общий вид на долину реки Турген и археологические объекты

Fig. 3. General view of the Turgen river valley and archaeological sites

нами выветривания, а климатические условия благоприятствуют формированию значительных запасов подземных вод. Площадь распространения трещинных вод обычно совпадает с областью питания, в основном обусловлена поглощением поверхностного стока. Трещиноватость скальных пород в горизонтальном направлении относительно равномерна, в вертикальном разрезе наблюдается постепенное затухание трещин с глубиной.

Поэтому распределение естественных ресурсов подземных вод на площади бассейна также равномерно.

Воды трещин выветривания имеют свободный водообмен с поверхностью и приурочены к хорошо промытым породам. Поэтому они обладают хорошими качествами и слабой минерализацией (до 0,5 г/л). В долинах бассейна фиксируются многочисленные родники с дебетом от десятых долей до 5 л/с и более.

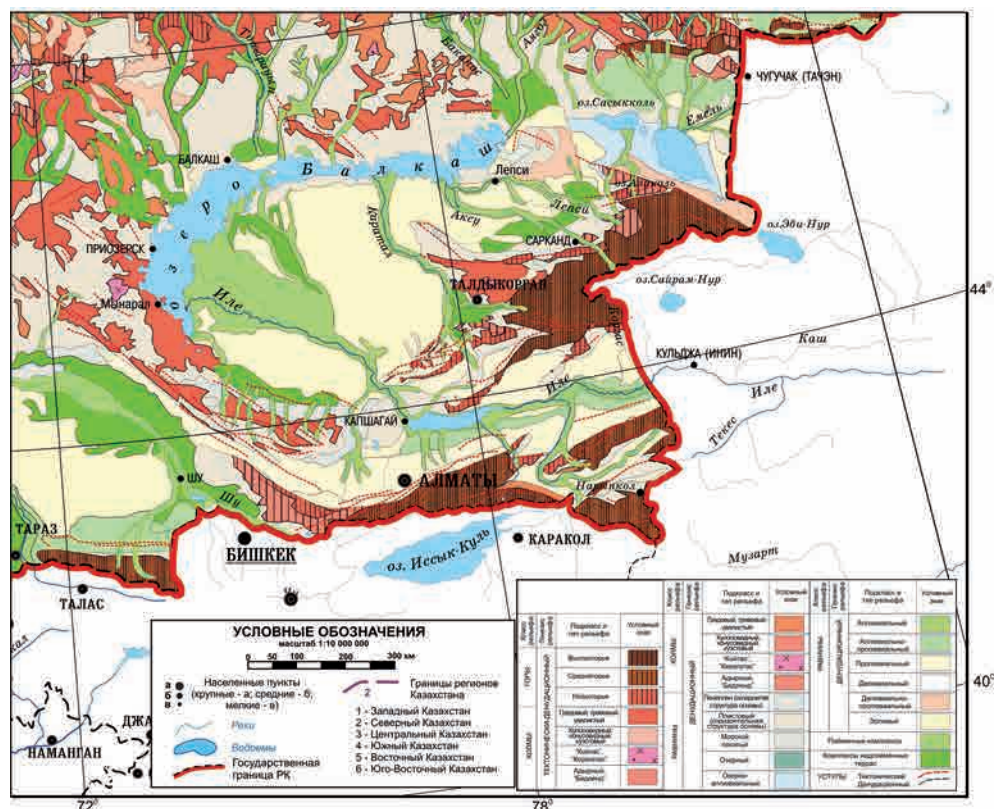

Рис. 4. Природные ландшафты и геоморфологическое строение Жетысу

Fig. 4. Natural landscapes and geomorphological structure of Jetyсу

Разгрузка подземных вод наблюдается, как правило, у основания склонов и в долинах рек.

Воды тектонических трещин обычно связаны с зоной региональных нарушений.

Поровые пластовые воды приурочены к рыхлым и слабосцементированным породам неоген-четвертичных отложений, заполняя в них крупные пустоты и поры. В верховьях бассейна на поверхности выравнивания воды выклиниваются, образуя заболоченности.

Воды четвертичных отложений значительное распространение получили в ледниковых аллювиальных и аллювиально-пролювиальных от-

ложениях. Наибольшее развитие они имеют в моренах за счет таяния ледников.

В уступах верхнечетвертичных и современных морен фиксируются выходы родников, дебиты которых достигают 15 л/с и более.

Воды аллювиальных и аллювиально-пролювиальных отложений развиты по всем речным долинам бассейна. Водообильность отложений в зависимости от литологического состава может значительно колебаться.

1.5 Расположение археологических объектов

Долина р. Кызылбулак имеет сложное строение. Первоначально это

была ледниковая долина-трог, позже использованная эрозионной долиной. Здесь наблюдаются два уровня морен и 2–3 речные террасы.

Ложем для долины в верхней части служат неогеновые глины (красноцветы санташской свиты). Ниже по течению долина прорезает моренные отложения и врежется в палеозойские породы.

Ледниковые и речные отложения сохранились в виде фрагментов по обоим бортам долины.

Северная часть плато сильно расчленена долиной р. Турген и ее притоками. Многочисленные поселения расположены в долине одного из притоков р. Кызылбулак на морене позднего плейстоцена, сохранившейся на правом борту долины. *Моренные отложения*, как правило, сложены неслоистыми несортированными толщами из материала различного размера обломков, от глыб до тонкого глинистого материала. В горных моренах преобладает щебень и глыбы с песчано-глинистым заполнителем. От склоновых отложений морены отличаются присутствием обломков чуждых горных пород (здесь и далее составлено Б. Ж. Аубекеровым в 1999 г.).

Фрагмент морены имеет длину около 700 м, и его площадка возвышается над урезом воды в реке на 25 м. Ширина площадки колеблется от 30 до 150 м, имеет наклон в сторону русла и вниз по течению. Ее закраина маскируется делювиальным чехлом, сложенным супесями и суглинками с включениями щебенки. Скорость накопления делювия значительная, о чем свидетельствуют данные раскопа (рук. А. А. Горячев, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, см. подробнее: [Горячев, 2020]) – поселения эпохи поздней бронзы находятся в погребенном состоянии на глубине более 2 м у подножья сопки.

Вся поверхность останца морены занята археологическими объектами. Они залегают друг над другом, образуя сложную многоярусную конструкцию. В зависимости от первоначального положения поверхности наблюдается смещение объектов от уступа останца к его середине и ближе к закраине.

В геологическом строении останца принимают участие снизу-вверх валунно-галечниковые отложения мощностью более 15 м с суглинистым заполнителем, перекрытые

Рис. 5. Долина реки Турген
Fig. 5. Valley of the Turgen River

сверху делювием со склонов горы. Мощность делювиального чехла у подножья склона достигает до 1,5 м и уменьшается до 0,5 м у бровки останца морены.

Вниз по течению площадка ограничена поперечной небольшой долиной, которая срезает этот останец. Площадка морены является наиболее удобной для освоения, что и обусловило ее заселение в течение длительного времени. Выбор отложений морены был, по-видимому, не случаен: морена выполнена суглинистыми рыхлыми отложениями, насыщена водой и лишена древесной растительности.

Свидетельством длительности заселения этого участка является большое количество культурных слоев, вскрытых при археологических раскопках. Они залегают друг над другом, образуя сложнопостроенный многослойный культурный слой.

Более ранние объекты относятся к эпохе бронзы, от поселения этого времени остался пол и остатки конструкций, которые располагаются ближе к склону горы, а более поздние объекты – ближе к бровке, что было связано, по-видимому, с постепенным накоплением у закраины делювиального чехла.

Разрез на поселении эпохи бронзы от которого остался пол с сохранившимися элементами жилища, был врезан в присклоновую часть и после того как его покинули, постепенно был перекрыт делювием со склона горы.

Разрез здесь следующий (по: Б. Ж. Аубекерову, полевые дневники 1999 г.):

1. Супесь светло-коричневая, с включением мелкой гальки – 0,15 м.
2. Зольный слой – 0,15 м.

3. Ниже залегают супеси и суглинки до глубины 2 м, в нижней части которых на глубине 1,6 м вскрыт пол, хорошо различимый в разрезе по сильной карбонатизации суглинков и их большой плотности. Выделяются два уровня пола, залегающие друг над другом. По образцам, отобранным Б. Ж. Аубекеровым и А. А. Горячевым, получена ЭПР дата, имеющая возраст 3300 лет (С. П. Пивоваров Институт ядерной физики, 2001 – из полевых дневников Б. Ж. Аубекерова). По данным А. А. Горячева, собранные артефакты свидетельствуют о существовании поселения в эпоху поздней бронзы. Супеси и суглинки имеют включения гравия и обломки местных пород – 2 м.

5. Основание жилища – верхняя часть моренных отложений. Вскрытая часть составила около 0,4 м.

Разрез отложений на останце, расположенном ближе к бровке, существенно отличается от описанного. Это связано с достаточно длительным временем, прошедшем после того, как было покинуто жилище эпохи бронзы. За это время успел сформироваться достаточно мощный делювиальный покров и почвенно-растительный слой, на котором расположилось поселение раннего железного века.

Ниже приводится разрез стенки раскопа Турген II (по полевым дневникам Б. Ж. Аубекерова, 1999 г.), расположенный в центральной его части (раскоп 1999–2001 гг., рук. А. А. Горячев):

Слой 1 – современная горно-луговая почва с кротовинами, темно-серого цвета. В ней сохранились фрагменты конструкций – 0,3–0,4 м.

Слой 2 – подпочвенный слой светлосерого цвета с включениями

песка, щебенки и гравия, иногда дресвы и гальки – 0,1 м.

Слой 3 – красновато-коричневый слой, сложенный суглинками с включениями обломков пород в виде дресвы. В слое наблюдаются кротовины и в нем в виде линзы расположен слой 4 – 0,3 м.

Слой 4 – слой красной супеси (по данным археологов – пол) – 0,1–0,15 м.

Слой 5 – черный суглинок – один из слоев пола.

Слой 6 – светло-серая рыхлая супесь элемент пола. В слоях 3–6 зафиксированы остатки жилищ раннего железного века, в которых отмечено присутствие керамики сакского времени (по мнению А. А. Горячева).

Слой 7 – слой почти черного цвета. Ископаемый почвенно-растительный слой, суглинистый, плотный, с большим количеством кротовин (заполнены обычно легкими супесями или суглинками). В слое много включений щебенки и дресвы.

Слой 1 Современная луговая почва с кротовинами, темно-серого цвета. В ней сохранились фрагменты конструкций 0.3-0.4м

Слой 2 Подпочвенный слой светло серого цвета с включениями песка, щебенки и гравия, иногда дресвы и гальки. - 0.1м

Слой 3 Красновато-коричневый слой сложенный суглинками с включениями обломков пород в виде дресвы. В слое наблюдаются кротовины - 0.3м

Слой 4 Светло-серая рыхлая супесь

Слой 5 темно-серого, почти черного цвета. Вероятно это древняя почва, суглинистая, плотная, с большим количеством кротовин (заполнены обычно легкими супесями или суглинками. В слое достаточно много включений щебенки и дресвы.

Слой 6 Суглинистый щебенистый слой с неровной кровлей и подошвой, коричневого цвета, влажный, с кротовинами.

Рис. 6. Разрез стенки раскопа Кызылбулак-IV

Fig. 6. Section of the wall of the Kyzylbulak-IV excavation site

Рис. 7. Разрез бровки поселения Кызылбулак-IV

Fig. 7. Side section of the Kyzylbulak-IV settlement

Границы слоя (кровля и подошва не ровные имеют следы размыва или срезания). Именно на этом слое залегают многослойный цветной пол (слои 4–6).

Слой 8 – суглинистый щебенистый слой с неровной кровлей и подошвой, коричневого цвета, влажный, с кротовинами. В слоях 7 и 8 собраны фрагменты керамики раннего железного века и бронзового века (по мнению А. А. Горячева и А. С. Ермолаевой, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, они являются местными аналогами керамики донгальского и валиковского типов).

Слой 9 – песок разнозернистый с примесью щебенки и гальки – моренный материал.

Общая глубина раскопа на этом участке около 2,5 м.

На противоположной стороне обнаружена выровненная площадка, расположенная в лесной зоне, но лишенная древесной растительности. На дневной поверхности слабо различимы фрагменты конструкций и найдены куски шлаков, которые были переданы в Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева на спектральный анализ.

Результат анализа показал, что это шлаки, получаемые при сыродутном способе получения железа. Вкрапления металлического железа нередко содержатся в базальтовых и других изверженных породах.

Наиболее распространенные железные руды представляют собой соединения железа с кислородом (оксид железа), или гидрат окиси железа. Для выделения металлического железа из этих соединений необходимо провести его восстановление.

Как известно, температура плавления железа составляет 1539°C?, получить такую температуру достаточно сложно. Но древние металлурги обнаружили, что металлическое железо можно получать и при гораздо меньших температурах, но при этом должно быть больше топлива, чем при выплавке меди, и это топливо должно быть лучшего качества. Необходимо также, чтобы огонь был как можно более «горячим». Все это требовало особого устройства печи и условий плавки. Вероятно, именно поэтому окарины найдены в зоне леса, где была возможность получать древесный уголь в больших количествах.

2 Палинологическое изучение поселений Турген-II и Кызылбулак-IV

Целью проведения спорово-пыльцевого анализа (палинологического) образцов из археологических объектов Турген-Кызылбулак является относительное датирование, реконструкция палеоклиматической и палеоландшафтной обстановок, выявление особенностей растительности близ поселения.

Палинологический анализ (метод), основан на изучении пыльцы и спор растений из отложений, включающих культурные слои различных эпох, и является в настоящее время неотъемлемой частью археологических исследований. Споры и пыльца рассеиваются с помощью ветра, воды,

животных и покрывают дневную поверхность суши и воды, сохраняясь в осадочных отложениях миллионы лет. Таким образом, практически все осадочные отложения содержат в разном количестве фоссиллизированные споры и пыльцу, из которых и складывается спорово-пыльцевой спектр (СПС, палиноспектр¹) каждого горизонта.

Благодаря высокопрочной оболочке споры и пыльца сохраняются миллионы лет в осадочных отложениях и могут быть выделены из породы в лабораторных условиях, путем растворения в кислотах и вымывания гумидных кислот и солей, центрифугирования в тяжелой жидкости. Идентификация пыльцевых зерен и спор проводится под микроскопом и основана на работах Л. А. Куприяновой [Куприянова, 1965, с. 7–216; Куприянова, Алешина, 1972, с. 5–172; 1978, с. 5–182;], М. Х. Монозсон [Монозсон, 1959, с. 178–198], Л. Н. Чупиной [Чупина, 1978, с. 58–63], а также на изучении коллекции постоянных препаратов пыльцы современных растений.

Палинологический метод является практически единственным палеонтологическим методом, позволяющим расчленять невыразительные толщи голоценовых (от 11 000 лет назад) отложений в аридной зоне и определять климатостратиграфические горизонты [Нигматова, 2008, с. 4–15].

2.1 Современная растительность

Согласно карте растительности 2003 г. [Рачковская и др., 2003, с. 424], все подгорные равнины, окаймляю-

¹ Палиноспектр – совокупность и процентное соотношение пыльцы и спор, выделенных из одного образца.

щие хребты Северного Тянь-Шаня (к востоку от северо-восточного склона Сырдарьинского Каратау) и Джунгарского/Жетысу Алатау, отнесены к Присеверотяньшаньской предгорной подпровинции Джунгаро-Северотяньшаньской провинции [Волкова, 2003, с. 217–219]. Для подпровинции характерны полукустарниковые и кустарниковые пустыни с эфемероидами, сменяющиеся при приближении к горам, остепненными пустынями с участием злаков и эфемероидов.

Заилийская горная подпровинция охватывает хребт Иле Алатау. В сухих и опустыненных степях низко-

горного яруса наблюдается значительная роль эфемероидов.

В Северном Тянь-Шане кустарниковые заросли очень характерны для степного пояса и представлены они, в основном, розариями. Основными доминантами являются розы (*Rosa plathyacantha*, *R. pimpinelifolia*), спирея (*Spiraea lasiocarpa*) и виды кизильников (*Cotoneaster melanocarpus*, *C. multiflorus*, *C. polyanthemus*).

Древесная растительность в Северном Тянь-Шане располагается преимущественно на склонах северных экспозиций. У основания гор произрастают различные кустарники, на высоте 1000–1200 м они сменяют-

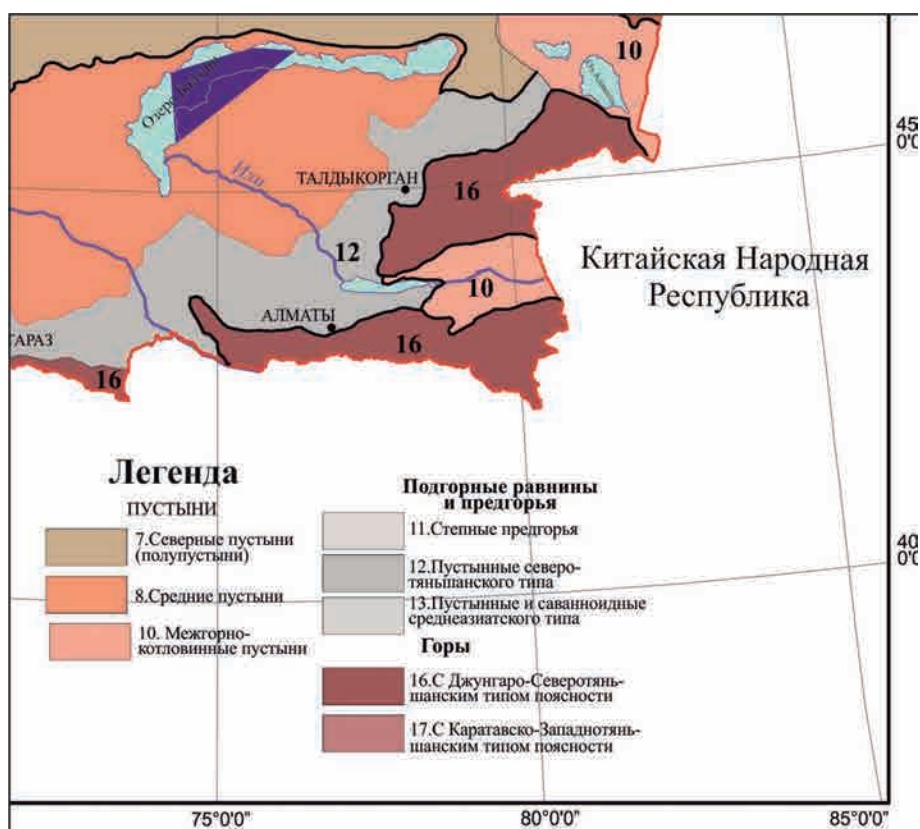

Рис. 8. Фрагмент карты растительности Юго-Восточной части Казахстана (по: [Рачковская и др., 2003])

Fig. 8. Fragment of the vegetation map of the Southeastern part of Kazakhstan (after: [Rachkovskaya et al., 2003])

ся лиственными лесами. На высоте 1300 м к лиственным примешивается ель тяньшанская, а с 1500 и до 2800 м произрастают чистые еловые насаждения. Выше этой зоны ель сменяется стланиковыми можжевельниками.

Лиственные леса из яблони, абрикоса, осины образуют светлые насаждения на горных склонах Северного Тянь-Шаня. Под их редким пологом развит густой кустарниковый ярус из боярки, ирги, барбариса. Травяной покров также богатый. В нем обычны такие крупные злаки, как *Melica altissima*, *Dactylis glomerata* и многие виды крупного разнотравья.

Выше они сменяются хвойными моnodоминантными лесами из ели тяньшанской *Picea schrenkiana*. В высокогорьях преобладают среднетравные и низкотравные луга.

В нижней части хвойного леса встречается примесь лиственных пород – березы (*Betula tianschanica*), осины (*Populus tremula*), тяньшанской рябины (*Sorbus tianschanica*). Леса эти имеют часто парковый характер: деревья не образуют сплошного по-

лога, а распределены более или менее обособленными группами.

На более пологих склонах с развитым почвенным покровом обычны кустарники (*Rosa alberti*, *Rubus idaeus*, *Ribes meyeri* виды р. *Lonicera* и другие). В промежутках между группами деревьев, при достаточном почвенном покрове, развивается густой травостой. На крутых склонах северных экспозиций и в днищах ущелий встречаются участки густых моховых ельников с таежными элементами в травяном ярусе (*Goodyera repens*, *Arctous alpina*).

Выше лесного пояса в Северном Тянь-Шане расположены среднетравные манжетковые луга (*Alchemilla retropilosa*, *A. sibirica*, *Hedysarum neglectum*, *Trollius dschungaricus*), которые встречаются в сочетании со стланиковой арчой (*Juniperus pseudosabina*). Кроме того, для Иле Алатау характерны также фломисовые (*Phlomis oreophylla*) и гераниевые луга (*Geranium saxatile*, *G. collinum*, *G. albiflorum*).

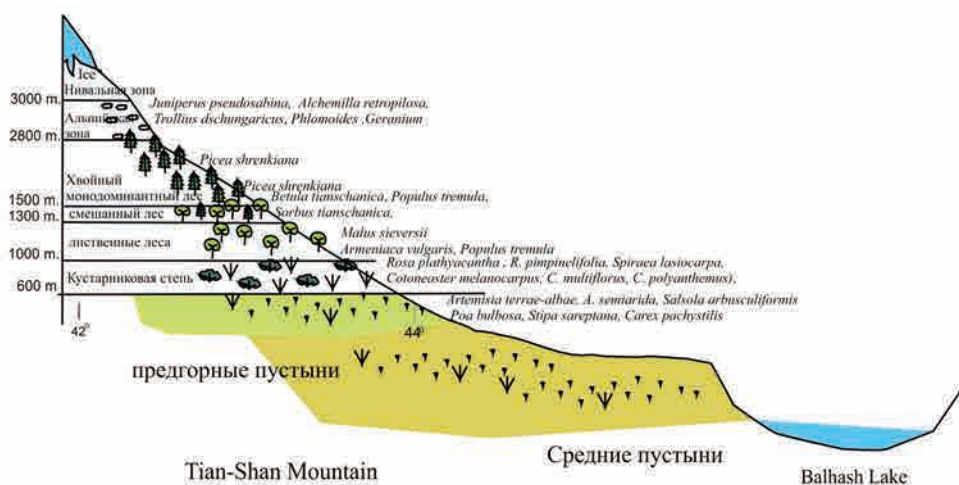

Рис. 9. Схема распределения растительности по вертикальным поясам Северного Тянь-Шаня

Fig. 9. Vegetation distribution scheme along the vertical belts of the Northern Tien Shan

2.2 Палинологическое изучение

Палинологическое изучение отложений поселения Турген-II и Кызылбулак-IV было начато еще в 1999 г. в рамках международного гранта ИНТАС 97-2220 «Процесс формирования кочевых обществ в Семиречье эпохи бронзы и раннего железа. Экология и археология» по обширному семиреченскому региону Южного Казахстана комплексной геолого-археологической экспедицией совместно с геологами Б. Ж. Аубекеровым и палеоклиматологами Р. Сала, Ж. М. Деом, почвоведом Ю. Г. Евстифеевым и др. [Аубекеров и др., 2001, с. 26–34]. В 2018 г. палинологическое изучение было продолжено и отобраны образцы из археологических объектов Кызылбулак-IV.

Наиболее полный разрез поселения был вскрыт на объектах Турген-II (эпоха бронзы) и Турген-I (ранний железный век).

Из поселения бронзового века Турген-II было отобрано на спорово-пыльцевой анализ (СПА) 16 образцов. Глубина пробоотбора составила 2 м.

Для палинокомплекса Турген-II характерно заметное участие древесно-кустарниковых форм (до 28%). В их составе отмечены пыльцевые зерна *Picea* sp., *Ephedra* sp., *Betula* sp., *Salix* sp. Пыльца травянистых растений составляет от 72 до 80% и играет доминирующую роль в спектрах. В ее составе установлены следующие семейства и роды – *Chenopodiaceae* sp., *Ranunculaceae* sp., *Geraniaceae* sp., *Valeriniaceae* sp., *Asteraceae* sp. (*Artemisia* sp., *Sonchus* sp., *Cirsium* sp., *Taraxacum* и др.), *Poaceae* (*Poa pratense*) и др.

Кроме того, установлены в спектрах и споры папоротников и мхов. Однако СП сохранились не во

всех образцах. В некоторых препаратах практически не обнаружено органических остатков (с глубин 2,0 до 1,5 м). В пробах 8–11 (гл. 0,8–0,65 м) очень большое содержание обуглившейся органики. В образцах с глубины 0,65–0,35 м растительные остатки представлены водорослями, грибами и цистами грибов.

По изменениям в составе СПК нам удалось выделить несколько экологических микрозон, характеризующихся изменениями температуры и влагообеспеченности, что, в свою очередь, ведет к изменениям в палиноспектрах.

Первый (современный) этап, глубина пробоотбора 0,1 м. Представлена пыльца древесных (20,5%) и травянистых мезофильных растений, произрастающих вдоль берегов ручьев и горных рек.

Второй этап (гл. 0,3 м) близок по составу к современному, однако, здесь несколько выше содержание пыльцы древесных растений (24,8%), травянистые формы представлены большим числом семейств и родов – это позволяет считать климат этого этапа несколько более теплым и влажным чем современный.

Третий этап (гл. 0,35–0,55 м) характеризуется малым числом пыльцевых зерен и спор. Установлены только единичные зерна *Picea* sp. и *Chenopodiaceae* sp., а также в большом количестве цисты грибов, водорослей и водорослеподобные формы, что свидетельствует о большой влажности климата

Шестой этап (0,65–0,8 м). Выделен по общему признаку – во всех четырех пробах встречены только обугленные растительные остатки (СП, водорослей, грибов не установлено).

Седьмой этап (гл. 0,9 м). Пыльцевых зерен мало, пыльца древесных

растений не установлена, состав травянистых крайне обеднен. Здесь установлена спора *Selaginella*, что, по-видимому, может указывать на влажность. В целом, климат был влажный и холодный.

Восьмой этап (гл. 1,10 м) Характеризуется полным отсутствием растительных остатков.

Девятый этап (гл. 1,25 м). Пыльца древесных растений достигает 8%, травы представлены небольшим числом родов и семейств, в основном, это представители семейства *Chenopodiaceae* sp., *Asteraceae* (*Artemisia* sp., *Sonhus* sp.). Климат относительно благоприятный для жизни и вероятно о хозяйственной деятельности и уничтожении естественного растительного покрова свидетельствует появление в спектрах осота (*Sonchus* sp.), сорного растения: сопровождающего человеческие поселения, мусорные места и др. (за исключением *S. palustris*).

На десятом этапе (гл. 1,30–1,50 м) наблюдается повышение температуры и влагообеспеченности (приближен к современному). Увеличивается процент пыльцы древесных форм, увеличивается число семейств и родов травянистых растений в палиноспектре.

По результатам изучения данных отложений (поселение Турген-II) достаточно сложно судить о происшедших изменениях климата, так как на формировании этих СПК отразились следы хозяйственной деятельности человека и особенности его быта: очищение места поселения от естественной (фоновой) для данной территории растительности, выжигание или посыпание горячей золой почвы (на что указывают многочисленные обугленные органические частицы в

пробах). Однако можно с уверенностью говорить об относительной длительности существования самого поселения и об антропогенном влиянии на изменение растительности в это время.

В целом, состав СПК свидетельствует о существовании достаточно мезофильной растительности вокруг поселения, в непосредственной близости с лесными формациями.

В палинокомплексе Турген-I ведущая роль принадлежит пыльце травянистых растений – полыни (*Artemisia* sp.), представителям семейств *Asteraceae*, *Chenopodiaceae*, *Roaceae*. Пыльца растений других систематических групп представлена незначительно.

Пыльца древесных растений (в основном, ели) составляет от 4 до 18%. В группе древесных форм доминирует пыльца хвойных (*Piceae* sp.), другие древесные представлены единичными пыльцевыми зёрнами. Кроме того, в палинокомплексе были установлены споры папоротников и почвенных грибов. Таксономический и количественный состав палиноспектров заметно изменяется по разрезу. Так, в пробах близких к поверхности (0,1–0,4 м), состав спорово-пыльцевого спектра аналогичен составу современной растительности, существующей в данном районе.

В образцах с глубины 0,65 м выделен палиноспектр, в котором пыльце древесных принадлежит 18%, что свидетельствует о расширении зоны леса. Травянистые растения также представлены большим числом видов. Всё это указывает на достаточно влажный и умеренный климат, благоприятствующий развитию елового леса с богатым подлеском и травостоем на безлесных участках.

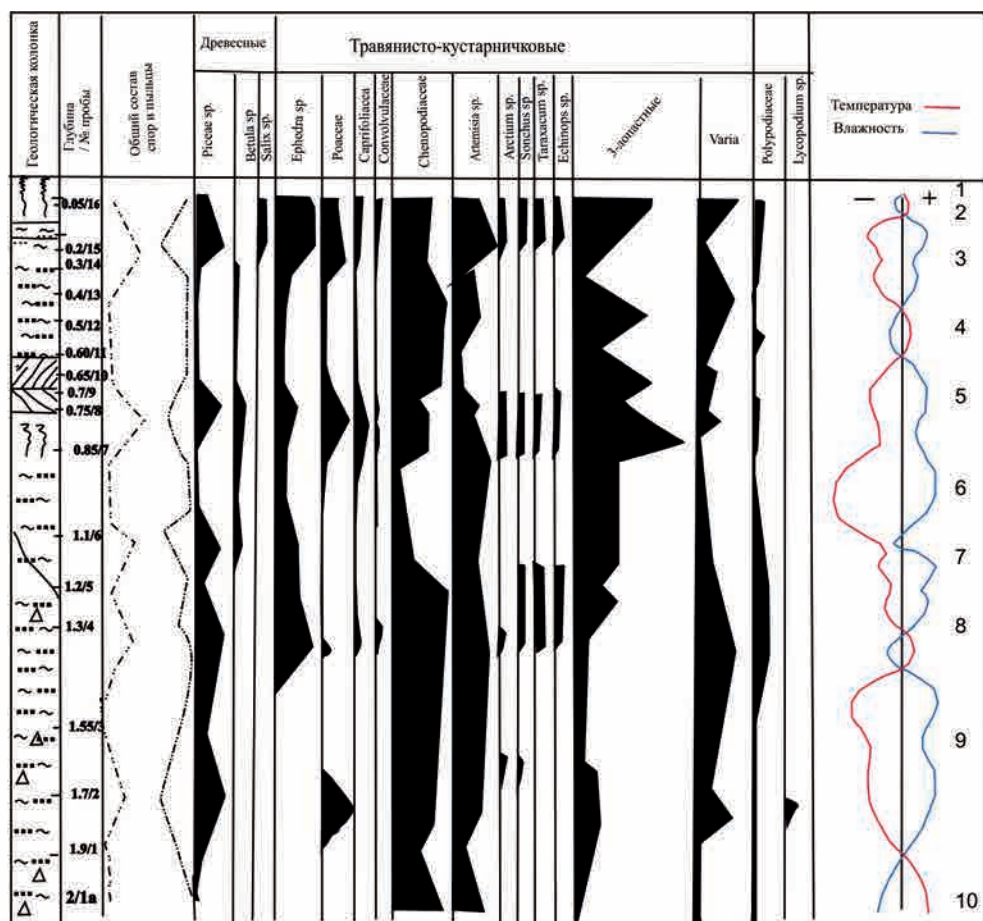

Рис. 10. Палинологическая диаграмма поселения Турген II

Fig. 10. Palynological diagram of the Turgen II settlement

На глубине 1,1 м были установлены лишь единичные, сильно поврежденные пыльцевые зерна ели (?), полыни, маревых. По-видимому, это может быть связано со значительным похолоданием.

Глубина 1,32–1,42 м. Установлены пыльцевые зерна ели, травянистые формы представлены пылью сложноцветных (с доминированием полыней) и маревых. Климатические условия, по-видимому, были несколько более теплыми и влажными, чем современные.

Глубина 1,46–2,00 м. Древесных почти нет (единично – в пробе 2

(1,6 м) пыльца ели), пыльца травянистых форм также встречена sporadически и в угнетенном состоянии. Это обстоятельство можно связать со значительным понижением температур и увеличением количества осадков, основная часть которых выпадала в виде снега, что и приводило к уменьшению благоприятных условий для созревания пыльцы растений. Вероятно, в это время происходило смещение вниз границ леса и расширение нивального пояса гор.

В 2018 г. на палинологический анализ были опробованы два шурфа из раскопа 2 поселения Кызылбулак-

IV: шурф 1 – с гл. 140 см до дневной поверхности и шурф 2 – до 80 см глубины.

Шурф 2

Первый этап (современный 0–15 см) характеризуется богатым спорово-пыльцевым спектром с преобладанием пыльцы травянистой растительности, древесные (хвойные, в основном *Picea* sp., а также берез, ивы) составляют 15% от общего количества пыльцы в спектре (всего насчитано 400 пыльцевых зерен). Травянистые растения представлены мезофильным разнотравьем, и в основном, трехбороздной² пыльцой до 11%, пыльцой маревых 6%, сложноцветных – 32%, среди которых установлена пыльца полыней, одуванчиков, осота, чертополоха, тысячелистника. Также в меньшем количестве определена пыльца лютиковых, бобовых, гераниевых, гвоздичных; однодольных: эремурус, лук, злаки.

Второй этап (глубина 15–35 см) характеризуется почти полным отсутствием пыльцы и спор, в препаратах масса фрагментов органики, почвенные грибы, водорослеподобные формы, споры папоротников.

Третий этап (35–55 см) аналогичен второму, но наблюдается большое количество углей, обугленных растительных тканей.

Четвертый этап (55–75 см) характеризуется обедненными в качественном и количественном отношении палиноспектрами. Установлена единичная пыльца ивы, березы, хвойных, вяза. В целом, количество пыль-

цы древесных не превышает 5–7%. Травянистые составляют 95–93% и представлены трехбороздной пыльцой (до 70% от общего числа травянистых), маревыми, полынями, злаками. В спектрах установлены споры папоротников. Климат, вероятно, был холодным и влажным.

Пятый этап (глубина 75–90 см) близок по составу к третьему этапу: здесь также установлена масса обугленных растительных остатков, пыльцы мало, в основном это трехбороздная пыльца, неопределенного таксономического состава, единична пыльца ели *Picea* sp., *Artemisia* sp., *Chenopodiaceae*, *Roaceae*.

Шурф 1, глубина 140 см.

Шестой этап (90–110 см) характеризуется значительным увеличением содержания пыльцы елей *Piceae* sp. до 34%, что свидетельствует о значительном расширении зоны хвойных лесов по сравнению с современным состоянием. Также среди древесных установлена единичная пыльца ивы. Травянистые составляют 65% от общего числа сосчитанных пыльцевых зерен и представлены: маревыми – 45%, гвоздичными – 10%, сложноцветными (осот, одуванчик, тысячелистник), злаковыми, выюнковыми, цикориевыми, эфедрой, которые вместе составляют 10%. На долю спор папоротникообразных приходится 1%.

Климат времени накопления данных отложений, вероятно, был достаточно благоприятен для жизни в этом районе: было теплее и более влажно, чем в настоящее время.

² Как правило, к «трехпоровым» формам относят пыльцу двудольных травянистых растений, таксономическую принадлежность которой невозможно определить, т.к. нет каких-либо характерных видовых признаков. Возможно, это недозрелая, недоразвитая пыльца полыни, бобовых и др. растений. Часто встречается в палиноспектрах аридной зоны Центральной Азии.

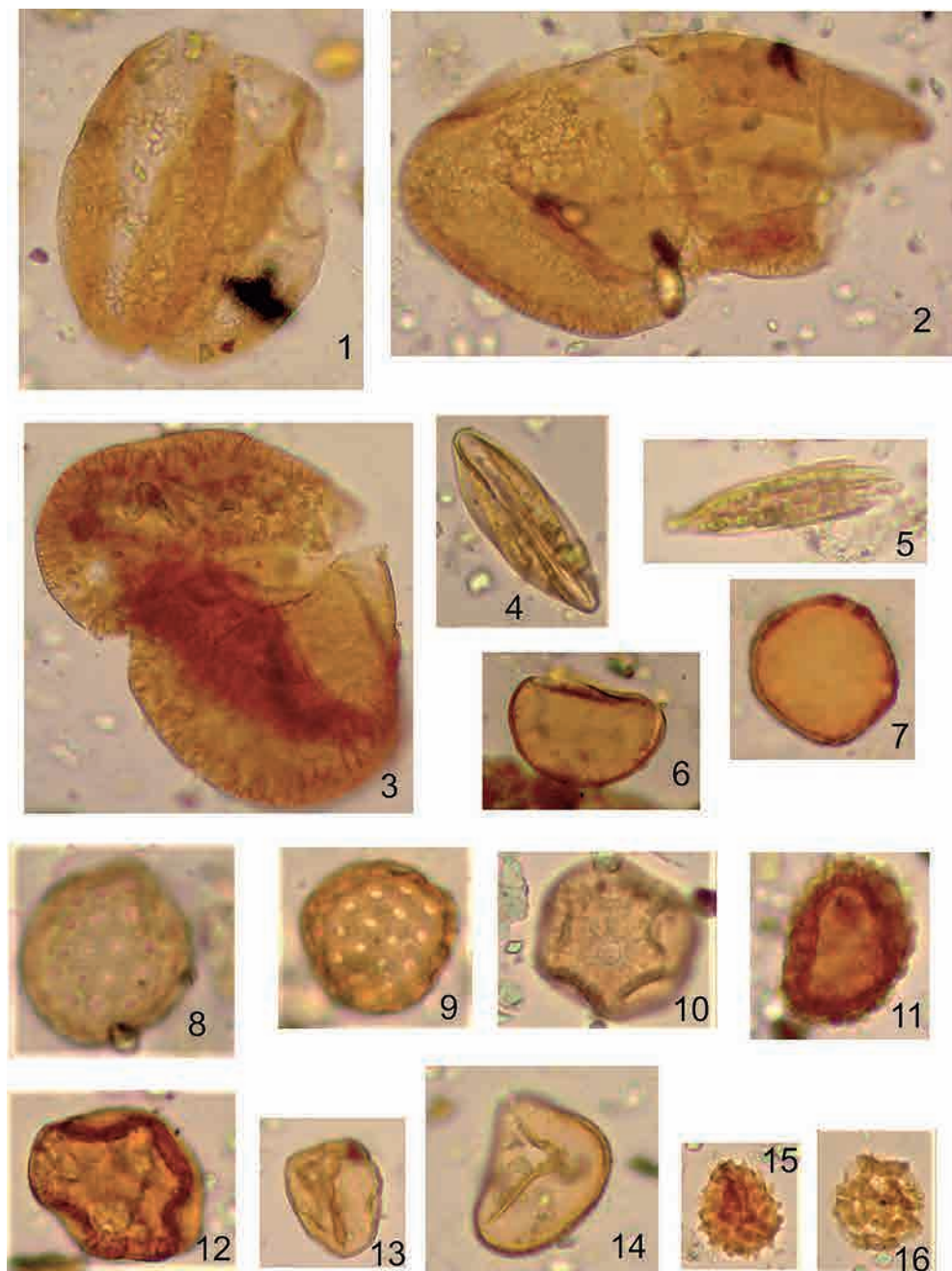

Рис. 11. Пыльца и споры из отложений поселения Кызылбулак-IV: 1, 2, 3 – *Piceae* sp.; 4, 5 – *Ephedra* sp.; 6, 11 – *Polypodiaceae*; 7 – *Ulmus* sp.; 8, 9 – *Chenopodiaceae*; 10, 12 – *Gipsophilla* sp.; 13, 14 – *Poaceae*; 15 – *Asteraceae*; 16 – *Cichorium* sp

Fig. 11. Pollen and spores from the deposits of the Kyzylbulak-IV settlement: 1, 2, 3 – *Piceae* sp.; 4, 5 – *Ephedra* sp.; 6, 11 – *Polypodiaceae*; 7 – *Ulmus* sp.; 8, 9 – *Chenopodiaceae*; 10, 12 – *Gipsophilla* sp.; 13, 14 – *Poaceae*; 15 – *Asteraceae*; 16 – *Cichorium* sp

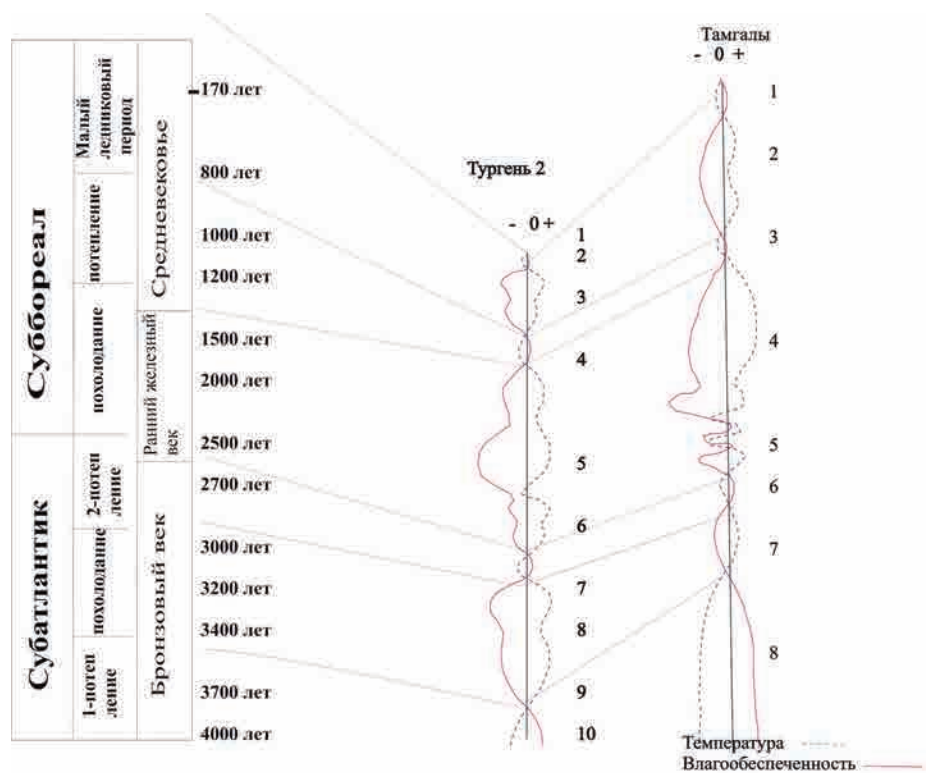

Рис. 12. Схема корреляции событий в горах (Турген) и пустынной зоне (Тамгалы)

Fig. 12. Correlation scheme of events in the mountains (Turgan) and the desert zone (Tamgaly)

Седьмой этап (глубина 110–120 см) характеризуется достаточно небогатым спорово-пыльцевым спектром, с доминированием пыльцы травянистых растений. Однако здесь практически не встречается пыльца хвойных, а состав споровых становится богаче, что косвенно свидетельствует о смещении границ леса вниз и расширении альпийских лугов. Вероятно, климат становился более холодным вследствие расширения оледенения в горах.

Восьмой этап (глубина 120–135 см) аналогичен шестому. Здесь также установлена пыльца хвойных (10–17%), доминируют травянистые, среди которых маревые составляют до 25%, практически в таких же ко-

личествах встречена пыльца трехбороздная (неустановленной таксономической принадлежности). Кроме того, встречена пыльца полыней (около 15%), сложноцветных, цикориевых, валериановых, губоцветных, луков, лилейных, злаков (единично).

Девятый этап (глубина 135–145 см). Здесь пыльца практически отсутствует, встречены единичные пыльцевые зерна зонтичных, злаков, трехбороздной пыльцы. Климат, вероятно, стал более холодным и сухим.

Выводы

Сравнение климатических кри-вых голоценовых отложений долины реки Турген и археологического па-

мятника Тамгалы, расположенного в пустынной зоне и имеющего несколько абсолютных дат, позволили провести их сопоставление. В бронзовом и раннем железном веках состав растительности в горах Иле Алатау был в основном близок к современному. Однако, климатические колебания вызывали изменения границ ландшафтных зон в горах, которые могли существенно влиять на условиях жизни народов того времени.

Климатические изменения наибольшее влияние оказывали на распределение зимних и летних температур, что создавало эффект, близкий к плювиальным и аридным фазам климатов.

Колебания климата от жаркого-сухого до холодного-влажного существенно изменяли активизацию про-

цессов осадконакопления. В течение бронзового века процессы осадконакопления в аридной зоне были очень незначительными, что позволяло использовать нижние части склонов положительных форм в качестве мест проживания [Аубекеров и др., 2001, с. 26–34; Нигматова, 2002, с. 171–172; 2008, с. 4–15].

В раннем железном веке в условиях большей увлажненности эрозийные процессы усиливались и предопределили передислокацию некрополей и поселений на плоские вершины положительных форм. Практически лишенная растительности и сложенная рыхлыми отложениями морена являлась удобным для жизни местом, безопасным и достаточно увлажненным в аридные этапы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А.* Приложение 1. Геолого-геоморфологические и палинологические исследования верховьев ущелья Киши-Турген // Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Монография / отв. ред. Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 241–250.
2. *Аубекеров Б.Ж., Сала Р., Нигматова С.А., Жакупова Ш.А.* Палеоклиматические условия аридной зоны Семиречья в эпоху бронзового и раннего железного веков // Природные и социальные проблемы географии аридных территорий: м-лы Жандаревских чтений (г. Алматы, 20–22 мая 2001 г.). Алматы: Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева, 2001. С. 26–34.
3. *Бажанов О.В.* Заилийский район // Геология СССР. Южный Казахстан. Кн. 1. Геологическое описание. М.: «Недра», 1971. Т. 40. С. 509–516.
4. *Волкова Е.А.* Джунгаро-Северотяньшанская провинция // Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области) / под ред. Рачковской Е.И., Волковой Е.А., Храмова В.Н. СПб.: б/и, 2003. С. 217–219.
5. *Горячев А.А.* Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Монография / отв. ред. Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.
6. *Костенко Н.Н.* Четвертичная система // Геология СССР. Южный Казахстан. Кн. 1. Геологическое описание. М.: «Недра», 1971. Т. 40. С. 494–522.
7. *Костенко Н.Н.* Четвертичные отложения Казахстана и прилегающих территорий союзных республик. Алма-Ата: Министерство геологии КазССР, 1978. 157 с.
8. *Куприянова Л.А.* Палинология сережковидных (Amentiferae). М.–Л.: Наука, 1965. 216 с.

9. Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 172 с.
10. Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР. Л.: Наука, 1978. Т. 2. 184 с.
11. Моносзон М.Х. Описание пыльцы представителей семейства Ulmaceae, произрастающих на территории СССР // Работы по спорово-пыльцевому анализу. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 77. С. 187–198.
12. Нигматова С.А. Палинологическая характеристика культурных слоев эпохи бронзы и раннего железного века Семиречья (Юго-Восточный Казахстан) // Методические аспекты палинологии: м-лы X Всерос. палинол. конф. (г. Москва, 14–18 октября 2002 г.). М.: Российская Академия наук, 2002. С. 171–172.
13. Нигматова С.А. Климатостратиграфия голоцена аридной зоны Казахстана // Известия НАН РК. Сер. Геол. 2008. № 5. С. 4–15.
14. Рачковская Е.И., Волкова Е.А., Храмцов В.Н. (ред.) Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области). СПб.: б/и, 2003. 424 с.
15. Чупина Л.Н. Палинологическая характеристика позднеплейстоценовых отложений Центрального и Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. геол. 1978. № 3. С. 58–63.
16. Шлыгин А.Е. Основные черты геологического строения // Геология СССР. Южный Казахстан. Кн. 1. Геологическое описание. М.: «Недра», 1971. Т. 40. С. 23–29.

REFERENCES

1. Aubekеров, B. Zh., Nigmatova, S. A. 2020. In: Jumabekova, G. S. (ed.). *Goryachev, A. A. Drevniy arheologicheskiy kompleks verhoviev ushcheliya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex in the upper reaches of the gorge Kishi-Turgen)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archeology, 241–250 (in Russian).
2. Aubekеров, B. Zh., Sala, R., Nigmatova, S. A., Zhakupova, Sh. A. 2001. In: *Jandayevskie chteniya (Jandayev reading)*. Almaty: K.I. Satpayev Institute of Geology, 26–34 (in Russian).
3. Bazhanov, O. V. 1971. In: *Geologiya SSSR. Yuzhnyi Kazahstan. Kn. 1. Geologicheskoe opisanie (Geology of the USSR. South Kazakhstan. Book 1. Geological description)*. Moscow: “Nedra” Publ. T. 40, 509–516 (in Russian).
4. Volkova, E. A. 2003. In: Rachkovskaya, E. I., Volkova, E. A., Khramtsov, V. N. (eds.). 2003. *Botanicheskaya geografiya Kazahstana i Sredney Azii (v predelakh pustynnoy oblasti) (Botanical geography of Kazakhstan and Central Asia (within the desert region))*. Saint Petersburg, 217–219 (in Russian).
5. Goryachev, A. A. 2020. Jumabekova, G. S. (ed.). *Drevniy arheologicheskiy kompleks verhoviev ushcheliya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex in the upper reaches of the gorge Kishi-Turgen)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
6. Kostenko, N. N. 1971. In: *Geologiya SSSR. Yuzhnyi Kazahstan. Kn. 1. Geologicheskoe opisanie (Geology of the USSR. South Kazakhstan. Book 1. Geological description)*. Moscow: “Nedra” Publ. T. 40, 494–522 (in Russian).
7. Kostenko, N. N. 1978. *Chetvertichnye otlozheniya Kazahstana i prilegayushchih territoriy soyuznyh respublik (Quaternary deposits of Kazakhstan and adjacent territories of the union republics)*. Alma-Ata: Ministerstvo geologii KazSSR (in Russian).
8. Kupriyanova, L. A. 1965. *Palinologiya serezhkovidnyh (Amentiferae) (Amentiferae palynology)*. Moscow–Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Kupriyanova, L. A., Aleshina, L. A. 1972. *Pylytsa i spory rasteniy flory evropeyskoy chasti SSSR (Pollen and plant spores of the flora of the European part of the USSR)*. Leningrad: “Nauka” Publ. T. 1 (in Russian).

10. Kupriyanova, L. A., Aleshina, L. A. 1978. *Pylytsa i spory rasteniy flory evropeyskoy chasti SSSR (Pollen and plant spores of the flora of the European part of the USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. T. 2 (in Russian).
11. Monoszon, M. Kh. 1959. In: *Raboty po sporovo-pulcevomu analizu (Works on spore-pulse analysis)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 77, 187–198 (in Russian).
12. Nigmatova, S. A. 2002. In: *Metodicheskie aspekty palinologii (Methodical aspects of palynology)*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 171–172 (in Russian).
13. Nigmatova, S. A. 2008. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. Geol. (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Geological Series)*, 5, 4–15 (in Russian).
14. Rachkovskaya, E. I., Volkova, E. A., Khramtsov, V. N. (eds.). 2003. *Botanicheskaya geografiya Kazakhstana i Sredney Azii (v predelakh pustynnoy oblasti) (Botanical geography of Kazakhstan and Central Asia (within the desert region))*. Saint Petersburg (in Russian).
15. Chupina, L. N. 1978. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. geol. (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Geological Series)*, 3, 58–63 (in Russian).
16. Shlygin, A. E. 1971. In: *Geologiya SSSR. Yuzhnyi Kazahstan. Kn. 1. Geologicheskoe opisaniye (Geology of the USSR. South Kazakhstan. Book 1. Geological description)*. Moscow: "Nedra" Publ. T. 40, 23–29 (in Russian).

УДК 737(470.41) «12/13»
МРНТИ 03.61.91; 03.41.91

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗВЕРЕЙ, ПТИЦ И РЫБ НА СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТАХ БУЛГАРСКОГО РЕГИОНА в XIII–XIV вв.

Алексей Игоревич Бугарчев¹

¹лаборант-исследователь Института археологии им. А. Х., Халикова,
г. Казань, Россия. E-mail: Abugar.61@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена классификации изображений на болгарских серебряных монетах. Цель исследования – уточнение их атрибуции и метрологии. На основе ранее опубликованных сведений о находках кладов и единичных монет в Среднем Поволжье приводится информация о примерном времени чеканки и метрологии каждого типа. Автор делит все известные дирхамы по характеру изображений и надписей на четыре блока: 1) легенды на тюркском, арабском и персидском языках в арабской и уйгурской графике; 2) с изображениями животных, птиц и рыб; 3) с изображением человека; 4) с различными видами орнаментов. В статье рассматриваются группы с животными, где выделяются типы со львом, конём, зайцем, ослом (всего 9 типов), группа с птицами – с лебедем, с двуглавой птицей, с тремя летящими птицами (9 типов) и группа с рыбами – отдельно с одной, двумя и тремя рыбами (4 типа). Из анализа весовых параметров автор делает вывод, что рассмотренные монеты чеканились номиналом 5 дангов (с указным весом 1,56 г), 4½ данга (1,39 г) и 1½ данга (0,46 г). Данные разновесные дирхамы и их фракции составляли систему номиналов, сформировавшуюся в 1266–1272 гг.

Ключевые слова: Золотая Орда, Булгар, XIII–XIV вв., дирхам, данг, фракция, серебряная монета, денежное обращение

БҮЛҒАР ӨҢІРІНІҢ КҮМІС АҚШАЛАРЫНДАҒЫ АҢДАРДЫҢ, ҚҰСТАРДЫҢ және БАЛЫҚТАРДЫҢ БЕЙНЕЛЕРІ XIII–XIV ғғ.

Алексей Игоревич Бугарчев¹

¹А. Х. Халиков атындағы Археология институтының лаборант-зерттеуші,
Қазан қ., Ресей. E-mail: Abugar.61@rambler.ru

Аннотация. Мақала бұлғар күміс ақшаларындағы бейнелерді анағұрлым дәл атрибуциялау үшін талдауға арналған. Орта Еділ бойындағы қоймалар мен бірлі-жарым ақшалардың табылуы туралы бұрын жарияланған мәліметтер негізінде әрбір типтің соғу уақыты мен метрологиясы туралы ақпарат келтіріледі. Осы кезеңдегі ақшалардың басты белгісі – бұл Менгу-Тимурдың тамғасын қою. Автор барлық белгілі дирхамдарды бейнелеу сипаты бойынша төрт топтамаға бөледі: 1. араб және ұйғыр графикасындағы түркі, араб және парсы тілдеріндегі аңыздар; 2. жануарлардың, құстардың және балықтардың бейнелері бар; 3. адам бейнесі бар; 4. түрлі ою-өрнектермен. Мақалада арыстан, жылқы, қоян, есек (барлығы 9 типті), құстары бар топ – аққу, екібастысы бар, үш ұшатын құсы бар (9 типті) және балықтары бар топ – бір, екі және үш балығы бар (4 типті) жануарлары бар топтар қарастырылады. Салмақтық параметрлерді талдаудан автор қаралған монеталар номиналы 5 дангмен (көрсетілген салмағы 1,56 г),

4½ данг (1,39 г) және 1½ данг (0,46 г) соғылды деген қорытынды жасайды. Осы түрлі дирхамдар мен олардың фракциялары 1266–1272 жылдары қалыптасқан номиналдар жүйесін құрады.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Бұлғар, XIII–XIV ғғ., дирхам, данг, фракция, күміс ақша, ақша айналысы

IMAGES of ANIMALS, BIRDS and FISH on SILVER COINS of the BULGARIAN REGION in the 13th–14th centuries

Alexey I. Bugarchev¹

¹laboratory assistant-researcher of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov. E-mail: Abugar.61@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of images on Bulgarian silver coins for their more accurate attribution. Based on previously published information about the finds of treasures and single coins in the Middle Volga region, information is given on the approximate time of minting and metrology of each type. The main sign of coins of this period is the placement of the tamga of Mengu-Timur. The author divides all known dirhams by the nature of the images into four blocks: 1) legends in Turkic, Arabic and Persian in Arabic and Uighur graphics; 2) containing images of animals, birds and fish; 3) containing the image of a person; 4) containing different types of ornaments. The article considers groups with the image of animals, where types with a lion, horse, hare, donkey are distinguished (9 types in total), a group with birds – with a swan, with a two-headed bird, with three flying birds (9 types) and a group with fish – separately with one, two and three fish (4 types). From the analysis of weight parameters, the author concludes that the coins considered were minted with a face value of 5 dangs (with a specified weight of 1.56 g), 4½ dangs (1.39 g) and 1½ dangs (0.46 g). These disequilibrium dirhams and their fractions constituted a system of denominations that formed in 1266–1272.

Keywords: Golden Horde, Bulgar, 13th–14th centuries, dirham, dang, fraction, silver coin, money circulation

Введение

Факт неожиданно большого количества типов серебряных джучидских дирхамов XIII – начала XIV века с различными изображениями, битых на монетном дворе Болгар, вызывают неподдельный интерес специалистов. Следует отметить, что денежное обращение Булгарского региона XIII в. существенно отличалось от денежного обращения других регионов Джучидского Улуса. Развитая система номиналов серебряных монет, возникшая в 1266–1272 гг., и одновременно наблюдаемая замкнутость монетного обращения в рамках одной экономической зоны – вот основные особенности де-

нежного обращения во второй половине XIII в. [Петров, Бугарчев, 2012].

Булгарские монетные дворы одними из первых в Монгольской империи начали чеканку медных и серебряных денег. По нашим данным, это произошло в 1230-х гг. На первых монетах помещалось имя умершего в 1225 г. багдадского халифа ан-Насира, а позднее, с начала 1250-х гг. – каанов Великой Монгольской империи: Мунке (Менгу) и Арыг-Буги. В 1266–1267 г. (в 665 г.х.) к власти Улусе Джучидов пришёл Менгу-Тимур, внук Бату. С этого времени начинается история нового самостоятельного государства, называемого нами условно Золотой

Ордой в отличие от Великой Монгольской империи. На монетах это событие отразилось появлением «двуногой» тамги Менгу-Тимура, которая ставилась на продукции всех монетных производств нового государства, начиная с 665/1266–1267 гг. На монетных дворах Булгар, Биляр, Керман и, видимо, безымянных было выпущено более 200 типов серебряных дирхамов [Сингатуллина, 2003]. Для сравнения, в чекане других исторических областей этого же периода – Хорезма, Сарая, Укека и Крыма – можно насчитать в сумме лишь около 65 типов. Данные цифры показывают одну из особенностей болгарского монетного дела, связанную с особыми требованиями, предъявляемыми к денежному обращению в регионе.

На монетах Булгарского региона выпускные сведения (имя правителя, год и название монетного двора) не были обязательными атрибутами содержания монетных легенд, в отличие от тамг. Гораздо чаще встречаются анонимные и анэпиграфные монеты. На одной стороне дирхамов преимущественно помещались: в случае экземпляров с надписями – либо калима, либо благопожелания в картуше, в случае анэпиграфных – различные орнаменты или зооморфные изображения. А на другой стороне обязательно помещалась тамга. По мнению А. З. Сингатуллиной – «<...> многочисленные монетные сюжеты вовсе не являются плодом фантазии или прихоти резчиков штемпелей. С давних пор монетные изображения несли большую смысловую нагрузку, являясь проводниками идей, необходимых к распространению среди широких народных масс, большей частью неграмотных» [Сингатуллина, 2003, с. 42–43].

Одной из проблем в изучении болгарских монет является проблема датировки. Изучение кладов позволило отнести часть недатированных болгарских монет к ограниченным хронологическим периодам их чеканки [Бугарчев, Петров, 2018, с. 132–137], но вопрос датировки до конца пока не решен. Именно поэтому попытки найти хоть какие-то хронологические реперы для некладовых типов заставили нас обратиться к формальному изучению символики, встречающейся на продукции болгарских монетных дворов.

Характеристика и анализ материала

В указанный период на монетных дворах Золотой Орды существовала практика свободной чеканки монеты – любой человек мог принести на монетный двор серебро в слитках или в виде лома (так называемая чеканка из давальческого серебра) и заказать себе необходимое количество монеты нужного (нужных) номинала. Частные лица «получали с некоторого количества сданного металла строго определённое число монет установленных неизменных веса и пробы с удержанием какого-то определённого числа монет в пользу монетного двора как платы за работу и как взноса в казну <...>» [Федоров-Давыдов, 1987, с. 181]. В этом замечании Г. А. Федорова-Давыдова ошибочным является «неизменный вес», так как монеты чеканились разных весовых норм (т.е. номиналов) и все зависело от требований заказчика.

Кто же определял легенды и изображения для другой, обратной стороны этих монет? Подбор изображений был случайным явлением или процесс как-то регламентировался?

Обилие изображений подсказывает, что заказчик работы, принесший на монетный двор драгоценный металл, мог влиять на работу резчика штемпелей в зависимости от своих вкусов и пристрастий, то есть мог заказывать монеты с нужным ему изображением. К такому предположению приводят нас исследования продукции болгарских монетных дворов.

Рассмотрев оформление болгарских монет, мы разделили их на отдельные блоки:

А) легенды на тюркском, арабском и персидском языках в арабской и уйгурской графике: 1) с инвокациями и сентенциями; 2) с благопожеланиями;

Б) с изображениями животных, птиц и рыб (зооморфные);

В) с изображением человека (антропоморфные);

Г) с различными видами орнаментов и, возможно, цветов.

Рассмотрим блоки по отдельности.

Блок А. Дирхамы с легендами арабской графикой были исследованы в монографии А. З. Сингатуллиной [Сингатуллина, 2003, с. 43–44]. Кратко можно повторить, что в болгарской чеканке на монетах присутствуют благопожелания «На счастье» и «Благословен будь». Есть нравоучительные сентенции: «Жизнь есть час...» (динары с именем ан-Насира), «Честь, слава, благородство», «Истинность и отвага», «Умеренность заменяет богатство», «Благосклонность, успех, могущество». Инвокации: «Уповай на Аллаха», «Слава Аллаху», «Власть

Аллаху», «Он живой», «Аллах велик», «Слава вечная». Калима: «Нет Бога кроме Аллаха, нет у Него сотоварища [ему в делах Его]», «[Он] Един нет товарища Ему».

Блок Г. Очень популярными были различные орнаменты. Среди них можно выделить цветы – «роза» С/73¹, «астра» С/178, «ромашка» С/253, а также «лотос» С/164 – его изображение может быть связано с богиней Анахитой [Валеева-Сулейманова, 2006, с. 596].

Образы огня «трактуются в виде многолучевых знаков типа колеса, четырёх лучевых в форме креста, системы завитков, мотивов ромба и круга с точкой посередине» [Валеева-Сулейманова, 2006, с. 596]. Всё это присутствует на анэпиграфных болгарских дирхамах.

В данной работе мы разберём изображения различных животных, птиц и рыб, которые помещались на болгарских монетах в последней трети XIII – первой четверти XIV в.

Блок Б. Монеты с зооморфными изображениями.

Изображениям животных придавалось магическое и культовое значение. Использовались такие зооморфные образы, как зверино-астральные² символы (зайцы, рыбы, собаки) и животные местной фауны (утка, гусь, журавль), которые могли связываться с представлениями о происхождении мира. Одним из самых распространённых изображений, используемых на средневековых монетах, был лев. На болгарских монетах мы видим лебедя (С/79), летящих уток

¹ Нумерация болгарских серебряных монет приводится по монографии А. З. Сингатуллиной [Сингатуллина, 2003, с. 70–121, 132–151] и обозначена здесь и далее С/№ монеты. Этот принцип сохраняется и в иллюстрациях (рис. 1–3).

² Астральный – звёздный, связанный с небесными телами.

Рис. 1. Монеты с изображением птиц
Fig. 1. Coins with birds

(C/69, C/70), стоящую на земле птицу влево (C/169), стоящую птицу направо (C/170), двуглавую птицу (C/188). Отдельным орнитологическим изображениям было уделено более пристальное внимание. В частности, нами были подробно изучены типы с летящей птицей C/69, с тремя летящими птицами C/70, с лебедем C/79 и с двуглавой птицей C/188.

Накопленный материал позволил конкретизировать отдельные варианты типов с птицами:

– C/69, летящая птица: 1) крылья состоят из трех перьев, на шее: а) две прямые полосы, б) одна ровная и одна ломаная полоска; 2) в крыльях четыре пера, на шее две ровные полосы; 3) крылья состоят из пяти перьев, на шее две ровные полосы. Время выпуска дирхамов – первая половина 1290-х гг. [Бугарчев, Степанов, 2016, с. 96–102] (учтено 38 экз., мода гистограммы $1,35 \pm 0,02$ г³, средний вес – 1,32 г).

– C/70, три летящие птицы, время выпуска – первая половина 1290-х гг. Зафиксированы варианты с направлением полёта птиц по часовой стрелке и против часовой стрелки [Бугарчев и др., 2018, с. 50–54] (учтено 30 экз., мода гистограммы $1,37 \pm 0,02$ г, средний вес без учёта крайних значений⁴ 1,31 г).

– C/79, лебедь: выявляются два варианта изображения хвоста – с двумя перьями и с тремя перьями. Время выпуска – 1266–1274 гг. [Бугарчев, Купцов, 2019, с. 107] (учтено 73 кладовых экз., мода гистограммы $1,43 \pm 0,02$ г, средний вес 1,48 г).

– C/116, птица стоит влево, голова повернута назад (учтено 10 экз., средний вес 1,37 г). Три экземпляра были обнаружены в составе Кокрятского клада, поэтому датировка укладывается в диапазон 681–689 гг./1282–1290 гг.

– C/117, птица стоит влево, голова назад (учтено 7 экз., средний вес 0,37 г). Данная фракция не встречена в известныхкладах, поэтому датировка чеканки довольно широкая – последняя четверть XIII– первая четверть XIV в.

– C/188, двуглавый орёл [Янина, 1958, № 27г; Бугарчев и др., 2019, с. 115–120] (учтено 14 экз., средний вес без учёта крайних значений 1,30 г).

Рассмотрению изображения двуглавой птицы на восточных монетах была посвящена статья казанского историка Д. М. Исакова [Исаков, 2013]. По его мнению, «на золотоордынских монетах, на которых есть “двуглавые орлы”, нет тамги “дома Бату”» [Исаков, 2013, с. 124]. Однако, как мы видим, представляемый нами тип опровергает утверждение Д. М. Исакова – на лицевой стороне приводится наследная тамга Менгу-Тимура, на оборотной стороне – погрудное изображение двуглавой птицы. Московский нумизмат Е. Ю. Гончаров рассмотрел изображения двуглавой птицы на золотоордынских и малоазиатских монетах [Гончаров, 2011]. По его мнению, в Золотой Орде чеканка этого образа производилась только на медных монетах на монетных дворах Крым, Сакчи (оба – в кон-

³ Сами гистограммы в данной статье не приводятся.

⁴ Из расчётов исключались один самый лёгкий и один самый тяжёлый экземпляр.

це 1280-х гг.), Сарай ал-Джадида (с 743/1342 г.) и Гулистан (в 766/1364–1365 гг.). Изображение на серебряной монете Булгара С/188 автор лишь условно относит к двуглавному орлу из-за нечётких экземпляров, доступных ему. Как вывод всей работы Е. Ю. Гончарова звучит заключение, что образ двуглавого орла был заимствован с монет Малой Азии Ильханского периода, где первое появление орла зафиксировано на фалсах хана Абаги в 678/1279–1280 гг. (монетный двор Ирбиль) и 679/1280–1281 гг. (монетный двор Урмия) и использовался на монетных знаках Золотой Орды.

– С/169, птица с расправленными крыльями, обращённая влево (учтено 7 экз., средний вес 1,32 г). Время чеканки точно не определяется, возможный период выпуска – последняя треть XIII – первая четверть XIV в.

– С/170, птица направо. Укажем на два варианта оформления тамги (с прямыми «плечами» и с округлыми «плечами») (учтено 49 экз., мода гистограммы – 1,31 г, средний вес без крайних значений 1,29 г). По аналогии с оформлением дирхамов С/171, которые чеканились в 1320–1327 гг., время чеканки С/170 можно отнести к этому же периоду.

– С/57, фракция с изображением птицы влево, год 686 (=1287–1288). Это единственный тип серебряной болгарской монеты XIII в. без проставления тамги Менгу-Тимура (учтено 8 экз., средний вес 0,40 г). Недавно в Ульяновской области был найден уникальный клад с подобными фракциями [Купцов, Бугарчев, 2019, с. 57–59].

Из животных на болгарских монетах представлены следующие виды:

– С/71, лик льва (учтено 17 экз., мода гистограммы – $1,27 \pm 0,02$ г, сред-

ний вес 1,29 г). На некоторых экземплярах легенда, помещаемая справа и слева от тамги, написана зеркально. Время выпуска данного типа – 1290-е гг.

– С/72, заяц (?) влево (длинные уши, но и длинный хвост) (учтено 7 экз., средний вес 1,30 г). На лицевой стороне слева от тамги написано слово «сикка» (чеканение) в отличие от часто встречающегося «дхуриба» (ударение, битие). Время чеканки – последняя треть XIII в.

– С/74–74 А, лев влево и солнце. Время чеканки болгарских монет С/74–С/74А определяется их нахождением в раннихкладах, то есть 665–672/1266–1274 годами (учтено 49 экз., диапазон веса от 0,43 г до 1,54 г) [Бугарчев, 2018]. На обложке монографии А. З. Сингатуллиной приводится уникальный вариант со львом, идущим направо [Сингатуллина, 2003]. По мнению А. Г. Мухамадиева, на лицевой стороне вокруг тамги написано слово «балбал», что обозначает ритуальные каменные статуи [Мухамадиев, 2007, с. 91]. Однако сейчас, при изучении более чётких экземпляров, можно утверждать, что на монете в этом месте нет надписи, а приводятся просто орнаментальные украшения.

– С/113, лев влево или направо (учтено 19 экз., мода гистограммы $1,34 \pm 0,02$ г, средний вес без учёта крайних значений 1,32 г). Так как на лицевой стороне помещена «трёхногая» тамга, то время чеканки таких монет относится к периоду 686–690/1287–1291 гг. В монографии А. З. Сингатуллиной приводится прошивка монеты подобного типа, но с обращением льва направо – С/111 (хранится в ГИМ). Нам тип со львом влево не встречался.

– С/130, осёл влево, голова назад, перед мордой изображены или

шесть точек, или снежинка (учтен 71 экз., мода гистограммы $1,37 \pm 0,02$ г, средний вес 1,35 г; расчёт сделан по материалам II Болгарского клада – см. [Бугарчев, Петров, 2018, с. 169]). Время выпуска – вторая половина правления хана Токты – 1300–1312 гг.

– C/120, конь влево, над ним солнце (учтено 9 экз., средний вес 1,33 г). Дирхамы с конём и солнцем датируются достаточно широко – с конца XIII в. до первой четверти XIV в.

– C/201, собака направо (барс?) [Степанов, Бугарчев, 2011, № 4], учтено 10 экз., средний вес 1,30 г. На лицевой стороне помещено благопожелание арабицей «Кутлуг Булсун» – «Будь счастлив». В болгарской чеканке известен ещё один тип с подобной благожелательной легендой – это монета C/89, где написана дата (688 г.х. – 1289–1290) и надпись выполнена уйгурицей. Мы датируем монеты с собакой периодом с конца XIII в. до первой четверти XIV в.

– C/186-187, фантастический зверь с длинным хвостом стоит направо. Время выпуска – 681–689/1283–1290 гг. (учтено 19 экз., мода гистограммы $1,46 \pm 0,02$ г, средний вес 1,45 г).

Дирхамы ещё одного типа со львом и солнцем – C/109–110 – датируются «трёхной» тамгой, представленной на лицевой стороне, или 686–690/1287–1291 годами [Рева, 2011, с. 66–67] (учтено 17 экз., мода гистограммы $1,30 \pm 0,02$ г, средний вес 1,29 г). Лев обращён направо или налево. Позднее, в XIV в., в Золотой Орде в большом количестве выпускались пулы с изображением льва и солнца, но уже без тамги. В 733/1332–1333 г. в Азаке, а с 737/1336–1337 гг. в течение нескольких лет с названием

МД Сарай было отчеканено большое количество медных монет. Они часто встречаются на археологических памятниках Татарстана и не только. Сейчас сформировалось мнение, что в 1340-х гг. пулы со львом и солнцем и указанием МД Сарай выпускались на многих монетных дворах, в том числе и в Булгаре.

На трёх типах прослеживается влияние иранского эпоса – лев или лошадь изображены вместе с солнцем (C/74–C/74A, C/109–110, C/120). Этот сюжет был очень популярен в средние века на монетах восточных государств. Мы можем видеть его в нумизматике XIII–XIV вв. у Ильханов, Сельджуков Рума и т.д. В Золотой Орде в XIII в. изображение льва и солнца встречается в чеканке Сарая (время выпуска 691–697 гг.х.) и Укека (в 699–700 гг.х.) [Евстратов, Гумаюнов, 2005], а также на пулах Азака (с 1332 г.) и Сарая (с 1336 г.). В XVI–XIX вв. изображение льва и солнца стало очень популярным на медных фулусах городов Персии. Львиная личина, аналогичная изображению на C/71, отмечена на золотых и серебряных браслетах, которые датируются XIV в. [Руденко, 2015, с. 313–318, 466 и др.].

Образ коня встречается на ремесленных изделиях, начиная с раннебулгарского периода (с IX–X вв.), которые находили в Танкеевском и Больше-Тиганском могильниках (крылатый конь). «После принятия ислама в Волжской Булгарии художественное воплощение коней оставалось, с одной стороны, реалистичным, чётким, с другой – видна была некоторая скрытая в орнаментах стилизованность. Изображение коня потеряло свой идеологический смысл, отражая лишь их бытовой утилитарный характер» [Валеева, 2006, с. 94].

Рис. 2. Монеты с изображением животных

Fig. 2. Coins with animals

Целые и фрагментированные изображения этого животного помещались на крючках от колчанов, шумящих подвесках, замках, накладках и т.д. Как мы видим, образ коня также использовался на серебряных монетах рубежа XIII–XIV вв. «Изображение коня <...> являлось неотъемлемой чертой всего прикамского древнего и средневекового искусства» [Валеева, 2006, с. 94].

Птицы часто помещались на серебряных болгарских перстнях [Руденко, 2015, с. 54–55, 123]. Производство таких перстней датируются XI–XII вв.

Отдельно надо отметить дирхамы со змеем. Монеты данного типа были опубликованы сравнительно недавно [Степанов, Бугарчев, 2011, № 3], а в 2013 г. на Болгарском городище в раскопе CLXXIX был найден клад серебряных монет с изображением змея⁵ [Бугарчев, Петров, 2018, клад № 28]; учтено 46 экз., средний вес 1,36 г. По косвенным признакам можно предположить, что монеты чеканились в 1290-х гг. в правление хана Токты на монетном дворе Булгар. При изучении кладового материала выявились две разновидности тамги – правая ножка с перекладиной (16 экз.) и левая ножка с перекладиной (28 экз.), у двух экземпляров положение перекладины не определяется. При изображении змея также выявлены два варианта: 1) хвост змея закругляется над головой; 2) хвост змея поднимается перпендикулярно.

Изображения рыб также присутствуют на памятниках болгарской нумизматики: три рыбы на типах C/166

и C/103, две рыбы – более популярный сюжет – на монетах C/75, C/76, C/77 и C/78, одна рыба – на C/125. Судя по нахождению вкладах, метрологии и различному изображению тамги, указанные типы чеканились в разное время.

– C/75 (как аналог лицевой стороны типа C/81) – выпускались в 665–682/1266–1283 гг., известны экземпляры с движением рыб по часовой и против часовой стрелки (учтено 12 экз., средний вес семи самых тяжёлых монет 1,50 г).

– C/166 – чеканились в 681–690 гг./1282–1291 гг. Можно отметить, что тамга на всех просмотренных нами экземплярах данного типа представлена без перекладин (учтено 11 экз., средний вес без учёта крайних значений 1,33 г, нам также известен необломанный экземпляр весом 0,46 г). Движение рыб следует против часовой стрелки и по часовой стрелке [Бугарчев, Петров, 2018, клад № 23, № 231].

– C/76 – чеканилась в первые два десятилетия XIV в. [Бугарчев, Петров, 2018, клад № 33], здесь можно указать на два варианта расположения рыб – по часовой стрелке и против часовой стрелки (учтено 36 экз., мода гистограммы 1,33±0,02 г, средний вес без крайних значений 1,28 г).

– C/125 – вкладах не встречается. Время чеканки определяется достаточно широко – последняя четверть XIII – первая четверть XIV в., устанавливаются два варианта изображения рыбы – с точками на теле и с чешуйками (учтено 22 экз., мода гистограммы 1,29±0,02 г, средний вес 1,26 г) [Бугарчев, Степанов, 2019].

⁵ Впервые о находке клада сообщил известный татарстанский эпиграфист и нумизмат Д. Г. Мухаметшин на Международной конференции памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова (сентябрь 2013 г., Болгар).

Рис. 3. Монеты с изображением рыб и змея

Fig. 3. Coins with fish and snake

Кроме перечисленных групп, в болгарской нумизматике известен уникальный сюжетный тип серебряной монеты с изображением женщины и ребёнка – С/158 [Сингатуллина, 2003, с. 145].

Отметим ещё одну черту болгарских монет – это использование «основополагающего принципа исламской орнаментики – *мил ал-фарас* («заполнение пустоты»))» [Крамаровский, 2009, с. 584]. Мы видим, что к изображениям и легендам постоянно добавляются различные точки, звёздочки, завитушки и другие мелочи, которые ставятся на лицевых и оборотных сторонах серебряных монет.

Китайское влияние на джучидскую нумизматику отдельно рассмотрел московский нумизмат Е. Ю. Гончаров [Гончаров, 2011]. К типам, использовавшим китайские символы, он относит С/75–78 – две плывущие по кругу рыбы (изображение впоследствии встречается на пулах второй половины XIV в.), С/103 – три рыбы, соединившиеся головами (впоследствии встречаются на пулах Хорезма XIV в.), С/69 – летящая утка или гусь, С/70 – три летящие по кругу птицы, С/100–101 – орнамент «чешуя дракона» (А. З. Сингатуллина указывает, что такой узор называется «таз с драгоценностями»). В публикации 2017 г. было высказано мнение о китайском влиянии при выборе изображения змея на одном из дирхамов [Петров, Бугарчев, 2017]. Из вышесказанного можно предположить, что использование китайской символики на болгарских монетах происходило в 1270–1290-е годы.

Заключение

При описании монет с животными, птицами и рыбами мы приводили средний вес монет каждого типа. Проанализируем приведённые цифры.

Птицы: в диапазоне 1,29–1,37 г чеканились монеты С/69, С/70, С/116, С/188, С/169 и С/170. С весом 0,37–0,40 г выпускались фракции С/116 и С/57. Со средним весом 1,48 г чеканились дирхамы С/79.

Животные: в диапазоне 1,29–1,35 г выпускались монеты С/71, С/72, С/109–110, С/113, С/120, С/130 и С/201⁶. Со средним весом 1,45 г – дирхамы С/186–187.

Рыбы: в диапазоне 1,26–1,33 г чеканились монеты С/76, С/125 и С/166; со средним весом 1,50 г выпускались дирхамы С/75. Известна одна фракция С/166 весом 0,46 г.

Змей – монеты чеканились средним весом 1,36 г.

Вопросы номиналов болгарского «серебра» последней трети XIII – первой трети XIV в. были рассмотрены в нашей монографии ранее [Бугарчев, Петров, 2018, с. 183–187]. Применительно к данной статье можно сказать, что большинство болгарских монет со средним весом от 1,26 до 1,37 г являются фракциями номиналом 4½ данга по 0,31 г с указным весом 1,39 г. Более тяжёлые монеты со средним весом 1,45–1,50 г представляют номинал 5 дангов с указным весом 1,56 г. Мелкие фракции весом 0,37–0,46 г могли использоваться в качестве номиналов 1–1½ данга (0,46 г).

Из этой системы выпадают дирхамы С/74 с изображением льва и солнца. Разброс значений веса мо-

⁶ Недавно была обнаружена уникальная фракция с изображением собаки весом 0,24 г и без фразы «Кутлуг Булсун» вокруг тамги.

нет данного типа – от 0,43 г до 1,54 г, большинство таких экземпляров весят от 0,43 до 0,70 г – 34 экземпляра из 49 известных на данный момент. Средний вес весовой греппы «0,43–0,70» – 0,58 г, что соответствует номиналу 2 данга (указного веса 0,62 г). В целом, при Менгу-Тимуре (начавшем править с 665/1266 г.) в Булгарском вилайате сложилась стройная система номиналов. Она была востребована местными рынками и просуществовала до 730/1329–1330 гг.

В результате проведённого исследования установлено, что для изображений на различных дирхамах болгарских монетных дворов местные монетчики использовали самые различные источники – этнографические, религиозные и бытовые. Сами монеты имели чёткую весовую градацию. Дальнейшее изучение болгарских монет поможет более точной датировке чеканки анонимных/анэпиграфных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугарчев А.И.* О болгарских дирхамах с изображением льва и солнца // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 307–313.
2. *Бугарчев А.И., Купцов А.Е.* Второй клад джучидских монет XIII в. из Кайбицкого района РТ // Золотоордынское наследие: м-лы VI Междунар. Золотоордынского Форума «РахТатарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды» (г. Казань, 26–28 июня 2019 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. Вып. 3. С. 99–107.
3. *Бугарчев А.И., Петров П.Н.* Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., ил.
4. *Бугарчев А.И., Степанов О.В.* Булгарский дирхем XIII в. с изображением летящей птицы // Традиционная культура народов Поволжья: м-лы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань: Ихлас, 2016. С. 96–102.
5. *Бугарчев А.И., Степанов О.В.* О болгарских монетах XIII–XIV вв. с изображением рыб // Азак и мир вокруг него: м-лы Междунар. науч. конф. (г. Азов, 14–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 51–53.
6. *Бугарчев А.И., Степанов О.В., Дзюба Ю.В.* Атрибуция болгарского дирхема с тремя птицами // Бахчисарай: археология, история, этнография: [сборник]. Бахчисарай; Белгород: КОНСТАНТА, 2018. С. 50–54.
7. *Бугарчев А.И., Степанов О.В., Купцов А.Е.* Образ двуглавой птицы на болгарской монете рубежа XIII–XIV вв. // Традиционная культура народов Поволжья: м-лы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рождения известного этнографа Р.Г. Мухамедовой. Казань: Ихлас, 2019. С. 115–120.
8. *Валеева Д.К.* Художественные особенности изображения коня в искусстве Волжских Булгар домонгольского и золотоордынского периода // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 93–94.
9. *Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Булгарское искусство // История татар с древнейших времён. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 592–614.
10. *Гончаров Е.Ю.* Китайский след в джучидской нумизматике // Нумизматика. 2011. № 3 (30). С. 7–10.

11. Евстратов И.В., Гумаюнов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – начале XIV века // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков: тр. междунар. науч. конф. / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 103–129.
12. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 120–127.
13. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 567–589.
14. Купцов А.Е., Бугарчев А.И. Небольшой клад болгарских фракций из Ульяновской области // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (г. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.): тез. докл. и сообщ. М.: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2019. С. 57–59.
15. Мухамадиев А.Г. Монеты древней Казани // Средневековая археология евразийских степей: м-лы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. II. С. 90–95.
16. Петров П.Н., Бугарчев А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. Вып. 3. С. 117–123.
17. Петров П.Н., Бугарчев А.И. О болгарском дирхеме с изображением змея // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: м-лы международной научно-практической конференции / [редкол. Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. М.: ООО «Издательский дом «Медина», 2017. С. 155–159.
18. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015. Т. II. 528 с.
19. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
20. Степанов О.В., Бугарчев А.И. Новые монеты Булгарского чекана // XVI Всерос. нумизматическая конф. СПб.: ГосЭрмитаж, 2011. С. 62–65.
21. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 158–205: ил.
22. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 392–423.

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I. 2018. In: *Khazakhstan archaeology*, 1–2, 307–313 (in Russian).
2. Bugarchev, A. I., Kuptsov, A. E. 2019. In: *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)*, 3, 99–107 (in Russian).
3. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnie klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy trety XIV vv. (Coin Hoards of 13th – The First Third of 14th Centuries From Wilayat Bulghar)*. Kazan: Sh. Marjany Institute of History (in Russian).
4. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2016. In: *Tradicionnaya kultura narodov Povolzhia (Tradition culture of People of Povolzhie)*. Kazan: “Ihtlas” Publ., 96–102 (in Russian).
5. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2019. In: *Azak i mir vokrug nego (Azak and world around it)*. Azov: Azov Museum-Reserve, 51–53 (in Russian).
6. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V., Dzyuba, I. V. 2018. In: *Bahchisaray: arheologiya, istoriya, etnografiya (Bahchisaray: archaeology, history, ethnography)*. Bahchisaray: “Constant”, 50–54 (in Russian).

7. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V., Kuptsov, A. E. 2019. In: *Tradicionnaya kultura narodov Povolzhya (Tradition culture of People of Povolzhie)*. Kazan: "Ihlas" Publ., 115–120 (in Russian).
8. Valeeva, D. K. 2006. In: *Gorod i step v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (Sity and Step in Euro-Asiatic Zone)*. Moscow: 93–94 (in Russian).
9. Valeeva-Suleymanova, G. F. 2006. In: Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevneyshih vremen (History of Tatars from Antiquity Times)*. Kazan: "RihIL" Publ., 592–614 (in Russian).
10. Goncharov, E. Yu. 2011. In: *Numizmatika (Numismatic)*, 3 (30), 7–10 (in Russian).
11. Evstratov, I. V., Gumayunov, S. V. 2005. In: Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongolskih gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and money circulation in the Vongolian states of the 13th–15th centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 103–129 (in Russian).
12. Iskhakov, D. M. 2013. In: *Numizmatika Zolotoy Ordyy (Golden Horde Numismatic)*, 3, 120–127 (in Russian).
13. Kramarovskiy, M. G. 2009. In: Usmanov, M., Khakimov, R. (eds.). *Istoriya tatar s drevneyshih vremen (History of Tatars from Antiquity Times)*. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 567–589 (in Russian).
14. Kuptsov, A. E., Bugarchev, A. I. 2019. In: *Dvadcataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya (Twentieth all-Russian numismatic conference)*. Moscow: Novgorod State United museum-reserve, 57–59 (in Russian).
15. Mukhamadiev, A. G. 2007. In: *Srednevekovaya arheologiya evraziyskih stepey (Medieval Archaeology of Euro-asiatic Steps)*. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 90–95 (in Russian).
16. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In: *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 3, 117–123 (in Russian).
17. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2017. In: Mukhetdinov, D. V., Tishin, V. V. (eds.). *XIII Faizkhanovskie chteniya (13th Faizkhan readings)*. Moscow: "Medina" Publ., 155–159 (in Russian).
18. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilara (Bulgar Silver. Antiquities of Bilar)*. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
19. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzuchidskie monety povolzhskih gorodov XIII v. (Jochid Coin of Volga Region Sities of 13th cent.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
20. Stepanov, O. V., Bugarchev, A. I. 2011. In: *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya (16th all-Russian numismatic conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 62–65 (in Russian).
21. Fedorov-Davydov, G. A. 1987. In: *Bolgar. Ocherki istorii i kultury (Bolgar. Articles of History And Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158–205 (in Russian).
22. Yanina, S. A. 1958. In: *Materialy i isledovaniya po arheologii SSSR (Works and Reserches of Archaeology of USSR)*, 61, 392–423 (in Russian).

УДК 902.904
МРНТИ 03.41.91

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
АЗЕРБАЙДЖАН НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ
Баку: Изд-во «Tahsil», 2020. 384 с.**

Бауыржан Абишевич Байтанаев¹

¹доктор исторических наук, академик НАН РК, директор Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: bayтанаев@mail.ru

Аннотация. В рецензии дана положительная оценка новому изданию, посвященному изучению актуальной темы – истории Великого Шелкового пути. Книга подготовлена авторским коллективом, состоящим из археологов, историков, востоковедов и архитекторов. Руководителем проекта и научным редактором книги является известный и в нашем регионе специалист в области изучения Шелкового пути, академик Национальной Академии наук Азербайджана Ш. М. Мустафаев. Книга подготовлена и издана при поддержке Международного Фонда тюркской культуры и наследия. Рецензируемая книга является первым опытом анализа влияния Шелкового пути на процесс исторического развития Азербайджана на протяжении всего периода его функционирования от античности до позднего средневековья.

Ключевые слова: Азербайджан, Великий Шелковый путь, археология, древность, средневековье, торгово-экономические связи

**ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ БОЙЫНДАҒЫ ӘЗЕРБАЙЖАН:
КІТАПҚА СЫН-ПІКІР**

Баку: «Tahsil» баспасы, 2020. 384 б.

Бауыржан Әбішұлы Байтанаев¹

¹тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі, Ә. Х. Марғұлан атынд. Археология институтының директоры, Алматы қ-сы, Қазақстан. E-mail: bayтанаев@mail.ru

Аннотация. Пікірде өзекті тақырыпқа – Ұлы Жібек жолының тарихына арналған жаңа басылымға оң баға берілген. Кітапты археологтар, тарихшылар, шығыстанушылар мен сәулетшілерден тұратын авторлық ұжым дайындаған. Жобаның жетекшісі және ғылыми редакторы біздің өлкеде Жібек жолын зерттеу саласы бойынша танымал маман, Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясының академигі Ш. М. Мустафаев. Кітап Халықаралық түркі мәдениеті мен мұрасы қорының қолдауымен дайындалып, жарыққа шыққан. Пікір беріліп отырған кітап сонау антикалық кезеңнен кейінгі ортағасырлық аралықтағы Әзербайжанның тарихи даму үрдісіне Жібек жолының ықпалын талдаудың алғашқы тәжірибесі болып табылады.

Түйін сөздер: Әзербайжан, Ұлы Жібек жолы, археология, ежелгі, ортағасыр, сауда-экономикалық байланыстар

**BOOK REVIEW:
AZERBAIJAN ON SILK ROAD
Baku: Publishing house “Tahsil”, 2020. 384 pages**

Bauyrzhan A. Baitanayev¹

¹Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Almaty, Kazakhstan. E-mail: baytanaev@mail.ru

Abstract. The review gave a positive assessment to the new publication devoted to the study of the trending topic – the history of the Great Silk Road. The book was prepared by an author’s team consisting of archaeologists, historians, orientalists and architects. The project leader and scientific editor of the book is a well-known specialist in the field of Silk Road studies in our region, academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan Sh. M. Mustafaev. The book was prepared and published with the support of the International Fund for Turkic Culture and Heritage. The peer-reviewed book is the first experience of analyzing the influence of the Silk Road on the process of historical development of Azerbaijan throughout its functioning from antiquity to the late Middle Ages.

Keywords: Azerbaijan, Great Silk Road, archaeology, antiquity, Middle Ages, trade and economic ties

Идея возрождения Великого Шелкового пути (ВШП) в новых современных исторических условиях и превращения его в важный аспект мировых интеграционных процессов, появившаяся в 80-е годы XX в. наряду с разработкой и реализацией

многочисленных конкретных проектов по созданию на протяжении всех её исторических трасс благоприятных условий для двухстороннего потока сырья, товаров, информации, научного, культурного обмена и туристических услуг, породило ещё и значительный интерес к истории формирования и функционирования самого пути в древности и в средневековье. Во многих странах практически на всём огромном Евразийском пространстве, в том числе и у нас в Казахстане, изучаются различные научные аспекты этого удивительного явления в истории человечества. Исследованию отдельных конкретных проблем истории ВШП в различных странах посвящено множество книг и научных статей, проведены многочисленные международные конференции, и этот процесс продолжает развиваться.

Считаю, что одним из значимых событий в данном контексте можно с полным основанием считать изданную в 2020 г. в Баку фундаментальную работу «Азербайджан на Шелковом пути».

Во введении данной книги дан экскурс в историю реализации под эгидой ЮНЕСКО широкомасштабной международной программы под названием «Комплексное исследование Шелкового пути – пути диалога», показаны основные достижения этой программы за время ее реализации и степень вовлеченности Азербайджана, на территории которого находится немало исторических памятников, связанных с ВШП.

Книга состоит из шести глав. В первой главе дан краткий обзор возникновения и развития торгово-экономических связей в Переднеазиатском и Средиземноморском регионах, показаны основные этапы развития торговли в древней Месопотамии, Египте, Вавилоне, Финикии, Греции и в Ахеменидском Иране, освещаются торгово-экономические связи древних племён и ранних государств на территории исторического Азербайджана. Особое внимание в этой главе уделено формированию в Ахеменидский период особого торгового пути из Индии через Центральную Азию и Каспийское море в пределы Южного Кавказа, где далее по рекам Кура, а затем Риони, эта торговая трасса, пройдя с востока на запад, через весь южнокавказский регион, выходит к берегам Чёрного моря, где располагались многочисленные греческие эмпории. Этот торговый путь, известный в научной литературе как «дорога Страбона», впоследствии, став одной из трасс Великого Шелкового пути, играл важную роль в истории торгово-экономических связей всего Южного Кавказа, на протяжении всей античности. В главе показан процесс и условия соединения торговых трасс Средиземноморья, Передней и Центральной Азии, окончательно сложив-

шихся в единую торговую систему в эпоху эллинизма, с аналогичными торговыми системами Дальнего Востока, которые быстро сформировались после образования в Китае централизованного государства династии Цинь. Соединение этих международных торговых путей и стало во второй половине II в. до н.э. началом функционирования Шелкового пути.

Последующие пять глав рецензируемой книги выстроены в историко-хронологической последовательности. Авторы во второй главе исследуют античный период, когда региональные маршруты Шелкового пути, проходившие через территорию существовавших тогда на исторических землях Азербайджана государств Атропатена и Албания, во многом определились борьбой двух мощных империй древности – Парфии и Рима.

В раннесредневековом периоде (III–VII вв.), которому посвящены третья и четвёртая главы книги, интенсивность и направления маршрутов ВШП в исследуемом регионе во многом определялись политикой и взаимоотношениями, складывавшимися между Сасанидским Ираном с Римской, а затем с Византийской империями и раннетюркскими государствами. На следующем этапе раннего средневековья (VIII–X вв.) наступило время хазаро-арабского доминирования на Шелковом пути и взаимоотношения между этими государствами во многом определяли степень и вектор направления различных маршрутов ВШП в раннесредневековых государствах Азербайджана. Последние пятая и шестая главы книги, соответственно, освещают сельджукский (XI – начало XIII в.), монгольский и постмонгольский периоды (XIII–XV вв.). В них, как и в предыдущих главах, развитие

международной торговли Азербайджана, вовлеченность его государств и городов в процессе торговли по маршрутам Шелкового пути опять-таки даётся на фоне политических перипетий того времени. В каждой из перечисленных глав показано как ВШП влиял на формирование внешней политики как глобальных политических игроков, контролировавших основные маршруты этого пути, так и тех небольших стран и государств, которые располагались на тех или иных участках этого пути. В каждой из глав имеются карты местных маршрутов и показаны как они соединяются с главными магистральными направлениями Шелкового пути того или иного исторического периода. Значительное место в книге уделено освещению южнокавказского участка Прикаспийского пути, который соединял страны Ближнего Востока с Северным Кавказом и Поволжьем.

Также широко освещена проблема городов, функционировавших на маршрутах Шелкового пути. Показывается как формировалась инфраструктура этих городов, их историко-архитектурный образ, как в тот или иной исторический период развивалось городское ремесло и торговля, как Шелковый путь благотворно влиял на развитие традиционных и возникновению новых отраслей ремесла, рассматривается структура импорта и экспорта, ассортимента товаров и его изменения в том или ином историческом периоде. Например, очень удачно показано как Азербайджан из потребителя китайского шелка в античную эпоху, в период средневековья становится одним из активных производителей и экспортёров шелка во многие страны Европы и Востока. Много внимания в книге уделено

монетарному обеспечению торговли Азербайджана по Шелковому пути в период античности и средневековья.

Особо обращает на себя внимание достигнутый авторским коллективом удачный синтез письменных источников с обширным археологическим и нумизматическим материалом. Книга богато иллюстрирована многочисленными изображениями памятников архитектуры и находок, показывающими огромное значение Шелкового пути в формировании материальной и духовной культуры азербайджанского народа.

Разумеется, в одной рецензии трудно полностью раскрыть ту обширную научно-историческую информацию, которую содержит это настоящее академическое издание, посвящённое истории Шелкового пути на фоне истории одного государства. Совершенно очевидно, что пока это одна из очень немногих работ такого рода, введённая в научный оборот за все время исследования проблем, связанных с изучением ВШП, начиная с конца прошлого столетия, т.е. с периода начала реализации международной программы ЮНЕСКО «Комплексное исследование Шелкового пути – пути диалога».

Прежде всего, хочу поздравить наших азербайджанских коллег с выходом в свет такого обстоятельного исследования, изданного сразу на двух языках (английском и русском, готовится к изданию и на азербайджанском языке), и, надеюсь, что их пример будет, в хорошем смысле этого слова, «заразительным» для всех, кто занят изучением проблем Шелкового пути.

**К 90-летию
ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА МЕДВЕДЕВА**

To the 90th anniversary of OLEG V. MEDVEDEV

В январе 2021 г. отметил свой 90-летний юбилей Олег Викторович Медведев – старейший сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана. На протяжении многих лет Олег Викторович работал фотографом в Институте. Благодаря его кропотливой работе были зафиксированы многочисленные раскопки, которые проводили археологи.

Олег Викторович Медведев родился 21 января 1931 года в с. Москалево Охинского района Сахалинской области. В 1949 г. Олег Викторович окончил 8 классов средней школы и поступил на работу на завод «Казсельэлектро». В 1951–1954 гг. служил в рядах Советской армии в качестве фотографа воинской части. В 1955–1959 гг. работал в типографии № 4 и одновременно принимал участие в работе археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии АН КазССР в качестве внештатного фотографа. В 1960 г. Медведев О. В. был зачислен в штат отдела археологии на должность старшего лаборанта-фотографа, а в 1969 г. переведен на должность инженера-фотографа.

В 1960–1970-е гг. О. В. Медведев в качестве фотографа принимал участие в успешном и качественном выполнении в срок научно-исследовательских планов Института

*Рис. 1. Олег Викторович Медведев.
2006 г. Фото О.В. Белялова*

*Fig. 1. Oleg V. Medvedev. 2006.
Photo by O.V. Belyalov*

истории, археологии и этнографии АН КазССР, а также в издании документальных сборников: «Казахстан в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», том 1; «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», том 2; книг «Казахская народная одежда», «Древняя культура племен Центрального Казахстана», «Подъем культурно-технического уровня рабочих угольной промышленности Казахстана», «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана» и др.

С самых первых лет работы в отделе археологии О. В. Медведев участвовал в полевых исследованиях и, прежде всего, – Южно-Казахстанской комплексной археологической экс-

педиции (ЮККАЭ), где, благодаря его ответственному и творческому подходу к сложному искусству фиксации археологических объектов, была проведена съемка обширных площадей раскопок городища Отрар и Отрарского оазиса, монет из Отрара, репродукция чертежей.

Благодаря его работам с высокой степенью достоверности были зафиксированы такие уникальные археологические объекты, как курган «Иссык» с «золотым» человеком и другие памятники Семиречья и юга Казахстана; была осуществлена репродукция иллюстративного материала к монографии А. Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» и для пятитомника «История Казахской ССР».

*Рис. 2. Подготовка экспозиции Музея археологии. 1973 г.
Слева направо: К.А. Акишев, К.М. Байпаков, О.В. Медведев*

*Fig. 2. Preparation of the exposition of the Museum of Archaeology. 1973.
From left to right: K.A. Akishev, K.M. Baipakov, O.V. Medvedev*

В 1973 г. Олег Викторович принимал активное участие в оформлении первого в Казахстане специализированного Музея археологии: им проводилась съемка музейных экспонатов – орудий труда из камня эпохи палеолита, керамических сосудов, изделий из дерева, бронзы, серебра, золота. Его фотографии стали основой первого каталога Музея археологии.

Олег Викторович освоил и успешно применял на практике новые приемы фото- и киносъемки археологических памятников в полевых и лабораторных условиях. Так, в 1963 г. О. В. Медведев принимал участие в создании любительского фильма об археологических раскопках в Семипалатинске.

Он принимал активное участие в общественной жизни Института – являлся фотокорреспондентом институтской газеты «Историк». Благодаря его неутомимой и незаметной работе

были запечатлены моменты жизни археологов, их полевого быта и трудной работы.

Многие годы Олег Викторович занимался каталогизацией фотопленок, созданием аналогового фотоархива ЮККАЭ, где активно работал с начала раскопок городища Отрар и памятников Отрарского оазиса с 1969 по 2010 гг.

Трудно представить, сколько километров фотопленки было отснято и проявлено юбилеем за его более чем полувековую работу в качестве фотографа археологических экспедиций, сколько дорог в полевых разведках было пройдено, сколько заснято раскопок и находок.

Сейчас Олег Викторович Медведев находится на заслуженном отдыхе. В год Юбилея желаем ему здоровья и долгих лет жизни.

Коллектив Института археологии им. А.Х. Маргулана

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы. Москва
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Нур-Султан
ИА им. А.Х. Маргулана –	Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, Нур-Султан (филиал ИА)
ИАС –	История и археология Семиречья. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
ИРГО –	Известия Русского географического общества. Санкт-Петербург
КазНУ им. аль Фараби –	Казахский национальный университет им. аль Фараби. Алматы
КарГУ им. Е.А. Букетова –	Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова. Караганды
МАЭ –	Музей археологии и этнографии. Санкт-Петербург
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОҚКАЭ –	Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы
ОУАК –	Оренбургская ученая архивная комиссия. Оренбург
ПТКЛА –	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РА –	Российская археология. Москва
РГО –	Русское географическое общество. Санкт-Петербург
СА –	Советская археология. Москва
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований. Барнаул
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск

Научное издание

Археология Казахстана

№ 1 (11)

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования
Комитета науки Министерства образования и науки
Республики Казахстан на 2021–2022 гг.

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа
на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся
под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме.

Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садыковым.

Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана
разработана М.А. Антоновым.

Журнал основан 26 апреля 2018 г.

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания
и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г.

выдано Комитетом информации и архивов
Министерства связи и информации РК

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Подготовлено к печати 25.03.2021. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. п. л. 29,9. Гарнитура «Times New Roman». Тираж ??? экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»